

ПАРХОМЕНКО Т. А.

ДИСКУРСЫ
ОБ ИСТОРИКО-
КУЛЬТУРНОМ
НАСЛЕДИИ
В СОВРЕМЕННОМ
МИРЕ
(XX–XXI ВВ.)

МОСКВА
2024

Министерство культуры Российской Федерации

Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва
(Институт Наследия)

Т. А. Пархоменко

**Дискурсы об историко-культурном наследии
в современном мире
(XX–XXI вв.)**

Москва
2024

УДК 93/94; 904

ББК 63

П18

*Издаётся по решению Учёного совета
Российского научно-исследовательского института культурного
и природного наследия имени Д. С. Лихачёва*

Рецензенты:

Житенёв С. Ю., кандидат культурологии,
Соловьев А. П., кандидат педагогических наук

Пархоменко Т. А.

П18 Дискурсы об историко-культурном наследии в современном мире (XX–XXI вв.) [Электронное сетевое издание] / Татьяна Александровна Пархоменко. — Москва : Институт Наследия, 2024. — 154 с. — DOI 10.34685/u4094-2435-1945-i. — ISBN 978-5-86443-457-4.

В работе анализируются научные публикации и дискурсы, посвящённые актуальным проблемам историко-культурного наследия и становления новых направлений его исследования. В центре внимания находились вопросы переосмысления феномена культурного наследия и методологии его изучения, моделирования теории «социального измерения наследия», практики его сохранения и «международных режимов» использования, расширения типологии наследия, пересмотра его терминологического аппарата и инструментария, системы взглядов и представлений о материальных и нематериальных ценностях прошлого, памятниках истории и культуры, а также социальной памяти, лежащей в основе истории, культуры и наследия.

УДК 93/94; 904

ББК 63

Это и другие издания вы можете бесплатно скачать
на сайте Института Наследия — www.heritage-institute.ru,
раздел «Издания»

© Пархоменко Т. А., 2024

© Российский научно-исследовательский
институт культурного и природного
наследия имени Д. С. Лихачёва, 2024

ISBN 978-5-86443-457-4

Содержание

<i>Введение</i>	4
<i>Глава первая</i> Культурные ценности и культурное наследие: «динамичное поле междисциплинарных исследований»	11
<i>Глава вторая</i> Современные дискурсы о памятниках истории и культуры	64
<i>Глава третья</i> Культура, наследие, память	86
<i>Заключение</i>	117
<i>Литература и источники</i>	122

Введение

Новое и Новейшее время характеризуется повышенным интересом к истории, культуре и культурному наследию, который был обусловлен рядом взаимосвязанных явлений и процессов. Во-первых, интенсивным развитием в мире философии, исторической науки, социологии, исторической, социальной, культурной антропологии, археологии, этнографии, эстетики и искусствознания, музееведения и музеологии, науки (наук) о культуре (Cultural Research, Cultural Studies; Kulturforschungen, Kulturwissenschaft) и наследии (Heritage Studies), которые способствовали расширению поля историко-культурных исследований, пониманию истории как социальной истории культуры, появлению «новой истории» (Nouvelle Histoire) и нового исторического мышления, рассматривавшего историческое знание как систему наук, развивавшего «диалог истории с культурой» и «наполнявшего культуру историчностью»¹. Во-вторых, восприятием «прошлого как ценности будущего и «коренным поворотом к сохранению прошлого во имя будущего», «осознанием неизбежности планомерного научного подхода к сохранению объектов и предметов историко-культурного прошлого»². В-третьих, стремлением понять, каким образом история, зафиксированная в памяти и памятниках прошлого, влияет на настоящее, посредством каких социокультурных (идеологических, политических, художественных) смыслов и практик. И, в-четвёртых, возникшей накануне и после мировых и гражданских войн «острой необходимости в духовной устойчивости и упорядоченности,

¹ *Вжосек В.* История — культура — метафора: рождение неклассической историографии / Войцех Вжосек ; пер. с польск. К. Ю. Ерусалимского // Вжосек В. Культура и историческая истина. — М. : Кругъ, 2012. С. 15–138; *Вжосек В.* Об историческом мышлении / Войцех Вжосек ; пер. с польск. К. Ю. Ерусалимского // Вжосек В. Культура и историческая истина. — М. : Кругъ, 2012. — С. 144.

² *Buychik A.* The formation of klironomical thinking in the system of the social outlook / Alexander Buychik // Eastern European humanitarian collection of mini monographs. Collection of Scientific Works. European Scientific e-Journal. — 2021. — № 1 (7). — P. 143–144.

которые могла дать культура в её ставших и становящихся формах (памятник, традиция) и вера, взятая в самом широком смысле, как вера в существование абсолютных ценностей»³. Как писал в начале 1920-х гг. в книге «Крушение кумиров» философ С. Л. Франк, «все мы верили в “культуру” и в культурное развитие человечества»⁴.

В конце XIX — начале XX в. в Германии, а потом и в других странах разными изданиями вышла работа немецкого философа Генриха Риккерта «Науки о культуре и науки о природе», в которой рассматривался «весьма существенный пункт: значение ценностей для наук о культуре»⁵. Понимая под культурой «совокупность объектов, связанных с общезначимыми ценностями и лелеемых ради этих ценностей», Риккерт полагал, что «культурная ценность есть “общее” истории», что именно «культурная ценность определяет выбор исторически существенного», значимого, «исторически действенного»⁶. Утверждение о невозможности восприятия прошлого отдельно от ценностей, которые участвуют в формировании исторических образов, с одной стороны, говорило об относительности познания и тенденциозности исторических сочинений, на что указывал ещё в XVIII в. немецкий профессор церковных древностей Иоганн Мартин Хладениус (Chladenius)⁷, а с другой стороны, определяло историографию (историю) как производную современных ей ценностей культуры.

Конечно, представление о «ценности» и «ценностях» сформировалось ещё в античные времена, и «античная мысль в своих наилучших проявлениях всегда возвращалась от объекта к субъекту, постоянно подчиняя Бога, пребывавшего вовне, Богу внутрен-

³ *Щученко В. А.* Теория истории культуры в контексте принципа «конкретного» историзма / Владимир Александрович Щученко // *Фундаментальные проблемы культурологии* : в 4 т. Том II: Историческая культурология. — СПб. : Алетейя, 2008. — С. 99.

⁴ *Франк С. Л.* Крушение кумиров / Семён Людвигович Франк. — Берлин : YMCA-PRESS, 1924. — С. 35.

⁵ *Риккерт Г.* Науки о природе и науки о культуре / Генрих Риккерт ; пер. с нем. — М. : Республика, 1998. — С. 44.

⁶ Там же. — С. 59, 98, 100.

⁷ *Chladenius J.* M. Einleitung zur richtigen Auslegung vernünftiger Reden und Schriften / Johann Martin Chladenius. — Düsseldorf : Stern-Verlag Janssen, 1969. — 346 s.

нему, а идеи — суждению»⁸, и связывалась с категориями «прекрасного», «красоты», «добра» как божественного и нравственного начала. Тогда же зародилось понимание истории как рассказа о прошлом, основанного на фактах прошлого («*historia rerum gestarum*»), и истории как самого прошлого («*res gestae*»), которое окончательно закрепилось в начале Нового времени, когда основоположник философии истории неаполитанец Джамбаттиста Вико «сформулировал совершенно новую идею истины и познания», противопоставив «схоластическому уравнению “*Verum est ens*” — “Сущее есть истина” формулу “*Verum est factum*” (букв.: “Истинно, так как содеяно”. Истина есть то, что сотворено)», поэтому «познаваемо для нас только то, что сделали мы сами», т. е. реальные факты жизни⁹. Философская формула Дж. Вико привела к новому познавательному взгляду на историю. Изучение, анализ фактов и событий прошлого придали истории академический характер, превратили её в науку и во многих языках христианских стран, таких как, например, английский или немецкий, разделили и *story* и *history*, *Geschichte* и *Historie*.

Такая, говоря словами французского историка Жака Ле Гоффа, «двойственность истории как истории-реальности и истории-исследования»¹⁰ неизбежно ставила вопрос не только о том, каким образом возможно знание о прошлом, но и как соотносятся друг с другом сочинение историка и само прошлое. События и факты становятся историческими лишь тогда, когда они открыты, описаны, истолкованы, вне этого они не существуют, скрыты, растворены в прошлом. Но историк в рассказе о былом вольно или невольно исходит из своей системы ценностей и, как подчёркивал Генрих Риккерт, своего «индивидуализирующего исторического рассмотрения»¹¹, что часто ведёт к авторской субъективности и тенденциозности, формированию исторических мифов и легенд, превращающих

⁸ Ален (Эмиль Шартье). Прекрасное и истина. Прекрасное и истина [Текст] : избранные труды / Сост., пер., ст. и коммент. К. З. Акопяна. — СПб. : Алетей, 2016. — С. 129.

⁹ Ратцингер Й. Границы современного понимания реальности и место веры / Йозеф Ратцингер // Русский колокол. Журнал волевой идеи. — 2012. — № 1 (10). — С. 198–199.

¹⁰ Ле Гофф Ж. История и память / Жак Ле Гофф ; Пер. с фр. К. З. Акопян. — М. : РОССПЭН, 2013. — С. 140.

¹¹ Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре / Генрих Риккерт ; пер. с нем. — М. : Республика, 1998. — С. 90.

историю в литературу (letter), а не науку (science). Чтобы этого не было, Риккерт предлагал историку опираться на абсолютные, вневременные и внеисторические ценности, не поясняя однако, какие ценности могут существовать вне времени и вне истории. А без них открытые историком, интерпретированные и изложенные им в определённой последовательности факты всегда в той или иной мере носят неоднозначный характер и могут быть оспариваемы с точки зрения достоверности и по причине субъективности их реконструкции и толкования. Как писал Вольтер в статье «История» Энциклопедии Дидро и д'Аламбера: «Всякая достоверность, не обладающая математическим доказательством, есть лишь высшая степень вероятности. Иной исторической достоверности не существует»¹².

В этой связи до сих пор сохраняет определённую актуальность трактат Лукиана из Самосаты (около 120 — после 180 гг. н. э.) «Как следует писать историю», в котором говорится: «Единственное дело историка — рассказывать всё так, как оно было», в связи с чем он должен быть «бесстрашен, неподкупен, независим», не знать «никакого закона, кроме самого себя, не иметь над собой никакого владыки, не метаться во все стороны в зависимости от чужого мнения, но описывать то, что есть на самом деле»; поэтому «важнее всего, чтобы ум историка походил на зеркало, чистое, блестящее и правильно отшлифованное: какими оно принимает образы вещей, такими должно и отражать, ничего не показывая искривлённым, или неправильно окрашенным, или изменённым»¹³.

Но такое зеркально отражённое статичное знание о прошлом оказалось в эпоху Нового времени уже недостаточным, возникла насущная потребность познать истину, правду жизни не только в свершившемся факте (*Verum quia factum*), но и в его изменении, преобразовании (*Verum quia faciendum*), открыть «истину, соотнесённую с человеческой деятельностью и будущим», ибо «что человеку в том, что только было? Он не может обрести смысл жизни в том, чтобы сделаться сторожем в музее прошлого, если хочет

¹² История в Энциклопедии Дидро и д'Аламбера [Текст] : [Статьи и извлеч. из Энциклопедии / АН СССР] ; Пер. и примеч. Н. В. Ревуненковой ; Под общ. ред. А. Д. Люблинской. — Ленинград : Наука. Ленингр. отд-ние, 1978. — С. 14.

¹³ *Лукиан*. Как следует писать историю / Лукиан Самосатский ; Пер. С. В. Толстой // Лукиан Самосатский. Сочинения: в 2 т. — СПб. : Алетея, 2001. — Т. 2. — Ст. 39, 41, 51.

овладеть настоящим» и смотреть в будущее¹⁴. Такой интеллектуальный переход от *factum* к *faciendum* повлек за собой всеобщую переоценку ценностей — исторических, социальных, экономических, этических, культурных, которая охватила многих мыслителей Нового, а потом и Новейшего времени.

Исследование значения ценностей в истории и культуре способствовало утверждению понятий «исторической и культурной ценности», а затем и «культурного наследия». В 1903 г. вышла в свет книга профессора кафедры истории искусства Венского университета, члена австро-венгерской императорской Центральной Комиссии по исследованию и сохранению памятников искусства и истории (*Zentralkommission für die Erforschung und Erhaltung der Kunst- und historischen Denkmale*) Алоиза Ригля «Современный культ памятников. Сущность и происхождение», в которой на основании аксиологического подхода была разработана ценностная теория памятников и их охраны, анализировавшая памятники с точки зрения общественной значимости и ценности: древней, исторической, мемориальной, памятной и художественной¹⁵.

После смерти профессора Ригля в 1905 г. аксиологический ценностный подход развил его ученик и коллега по Венскому университету Макс Дворжак, поставивший во главу угла всех ценностей культуры нравственность и мораль и в 1916 г. опубликовавший в Вене «Катехизис по охране памятников» («*Katechismus der Denkmalpflege*»), который был переиздан в 1918 г. Его основная мысль заключалась в том, что «охрана памятников является моральной обязанностью человека по отношению к человечеству», поэтому «защита культурного наследия имеет не только политическое, юридическое и экономическое значение, но является ещё и этическим императивом»¹⁶.

¹⁴ *Ратцингер Й.* Границы современного понимания реальности и место веры / Йозеф Ратцингер // Русский колокол. Журнал волевой идеи. — 2012. — № 1 (10). — С. 202–203.

¹⁵ *Riegl A.* Der moderne Denkmalkultus. Sein Wesen und seine Entstehung / Alois Riegl. — Wien ; Leipzig : Verlag von W. Braumüller, 1903. — 145 s. Русское издание: *Ригель А.* Современный культ памятников. Сущность и происхождение / Алоиз Ригель ; Пер. с нем. — М. : ЦЭМ, V-A-C press, 2018. — 96 с.

¹⁶ *Крейчи М.* Охрана памятников как этический императив: Макс Дворжак и становление системы охраны памятников в Центральной Европе / Марек Крейчи // Вопросы музедологии. — 2011. — № 2 (4). — С. 72–73.

Данное утверждение во время Первой мировой войны было исключительно актуальным, однако и после Второй мировой войны, оставившей выжившему человечеству «наследие травмы», надломавшей его веру в исторический прогресс, чувство исторической преемственности и традиции, оно не только не потеряло своей остроты, но стало ещё более жизненным¹⁷. Как писал после Первой мировой войны её участник, французский философ Ален (Эмиль Шартье), «мёртвые управляют живыми... Поэтому все потрясения, причиной которых становятся ныне живущие люди, оцениваются как всё менее и менее значимые в сопоставлении с результатами правления мёртвых, чьё величие и блеск постоянно возрастают. Между тем становятся объяснимы заблуждения тех людей, которые, не обладая достаточной культурой и не понимая, насколько они далеки от великих мертвецов, с какой-то безумной одержимостью пытаются как бы изобрести всё заново на фоне постоянного падения их собственного авторитета»¹⁸.

Ответом послевоенного мира на тотальный вандализм, масштабные разрушения исторических территорий и городов явилось рождение «эпохи поминовения» и «бума наследия», лейтмотивом которых было увековечение «мест памяти, мест траура» (*Sites of Memory, Sites of Mourning*)¹⁹. Настало время всеобщей переоценки ценностей и прошлого человечества, широкого интереса к концепции исторического единства и глобальной истории, её духовному и материальному миру, признания важности и приоритетности для народов земного шара консолидированного восстановления и изучения наследия прошлого. Одновременно мировое интеллектуальное сообщество поставило вопрос о необходимости интеграции наук о человеке, поскольку, следуя мысли одного из ведущих французских историков XX в. Фернана Броделя, познание мира невозможно без познания вовлечённого в него человека, истории его бытия во всех социальных измерениях,

¹⁷ Wood N. *Vectors of Memory: Legacies of Trauma in Postwar Europe* / Nancy Wood. — Oxford ; New York : Berg, 1999. — 204 p.

¹⁸ Ален (Эмиль Шартье). Прекрасное и истина. Прекрасное и истина [Текст] : избранные труды / Сост., пер., ст. и коммент. К. З. Акопяна. — СПб. : Алетейя, 2016. — С. 200.

¹⁹ Winter J. *Sites of Memory, Sites of Mourning: The Great War in European Cultural History* / Jay Winter. — Cambridge : Cambridge University Press, 1995. — 310 p.

начиная с различных форм диалога с природой и заканчивая сферой культуры²⁰.

В общем, если XVIII в. являлся временем естествознания и ключевым его понятием было «природа», которое в XIX столетии заменили термины «история», «историзм», «общество», то «преимущественным объектом научно-гуманитарного знания» XX в. стала культура²¹. В ней увидели процесс осознания человеком себя и своего места в мире, «личностную представленность истории», выраженную «кругом проявлений личности, её интересов и действительных мотивов, а также продуктов и предметных результатов её творческой деятельности»²². XXI столетие продолжило исследование культуры как «аспекта самосознания человека в качестве субъекта истории» и развило её понимание «как второй после природы онтологической реальности», «как продукта истории и самой истории человека»²³. И хотя, как писал французский философ Ален, «человеческий парадокс состоит в том, что уже всё сказано — и ничего не понято», в книгах «важнее для нас оказывается не то, что там сказано, а те акценты, которые мы сами расставляем»²⁴.

²⁰ *Бродель Ф.* Грамматика цивилизаций / Фернан Бродель ; Пер. с фр. Б. А. Ситникова. — М. : Весь мир, 2008. — 551 с.; *Бродель Ф.* История и общественные науки. Историческая длительность / Фернан Бродель // *Философия и методология истории* : сб. статей / Под ред. И. С. Кона. — Благовещенск : РИО БГК имени И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. — С. 115–142; *Бродель Ф.* Очерки истории / Фернан Бродель ; Пер. с фр. Э. Орловой. — М. : Академический проект ; Альма Матер, 2015. — 223 с.

²¹ *Межуев В. М.* Размышления о культуре и культурологии: культурология в контексте современного гуманитарного знания / Вадим Михайлович Межуев // *Культурологический журнал*. — 2010. — № 2. — URL: <http://sr-journal.ru/> (дата обращения: 15.12.2023); *Межуев В. М.* Культурология vs философия культуры (беседа А. С. Нилогова с В. М. Межуевым) / Вадим Михайлович Межуев // *Вопросы культурологии*. — 2015. — № 4. — С. 35.

²² *Туровский М. Б.* Философские основания культурологии / Марк Борисович Туровский. — М. : РОССПЭН, 1997. — С. 368, 391.

²³ *Туровский М. Б.* Философские основания культурологии / Марк Борисович Туровский. — М. : РОССПЭН, 1997. — С. 384; *Савельева И. М., Полетаев А. В.* История и время. В поисках утраченного / Ирина Максимовна Савельева, Андрей Владимирович Полетаев. — М. : Языки русской культуры, 1997. — С. 41.

²⁴ *Ален (Эмиль-Огюст Шартье).* Суждения / Сост. В. А. Никитин ; Пер. с фр. Г. В. Волковой и др. — М. : Республика, 2000. — С. 341.

Глава первая

Культурные ценности и культурное наследие: «динамичное поле междисциплинарных исследований»²⁵

«Катехизис по охране памятников» Макса Дворжака стал в начале XX в. своего рода этическим кодексом сохранения ценностей культуры и наследия, а также одним из важных оснований складывания международной правовой системы охраны памятников Новейшего времени. Исследователям известно, что в Европе «первый закон, направленный на охрану памятников старины, был принят в Швеции ещё в середине XVII в., а в конце XVIII — первой половине XIX в. акты подобного рода и соответствующие административные органы действовали уже в целом ряде европейских государств, в том числе в Дании, Франции, Бельгии, Пруссии, Саксонии. В России первые указы об охране памятников истории и культуры были изданы Петром I ещё в 1718–1722 гг.»²⁶.

Формирование в мире национальных законодательств об охране и использовании памятников истории и культуры было тесно связано с развитием не только правовой, но и научной, философской, художественной мысли. Так, в Португалии инициатором первого акта по охране культурного наследия 1721 г. была Королевская академия истории, а в Греции научный интерес к археологическим раскопкам привёл к утверждению в 1834 г. «Закона о запрещении вывоза памятников искусства». В 1882 г. Великобритания издала закон о памятниках старины, в 1889 г.

²⁵ Bendix R. F., Groth S. Cultural Property: Interdisziplinäre Forschung zu einem dynamischen Feld / Regina F. Bendix und Stefan Groth // Stefan Groth, Regina F. Bendix, Achim Spiller (Hrsg.) Kultur als Eigentum: Instrumente, Querschnitte und Fallstudien / Göttinger Studien zu Cultural Property. Band 9. — Göttingen : Universitätsverlag Göttingen, 2015. — S. 1–13.

²⁶ Домрин А. Н. Охрана памятников истории и культуры в Великобритании / Александр Николаевич Домрин // Правовая охрана памятников истории и культуры в зарубежных странах : сб. науч. трудов. — М. : ИНИОН РАН, 2005. — С. 26.

Конгресс США принял первый нормативный акт «О сохранении в качестве памятника национального значения одного из древнейших сооружений индейского населения страны — Каса Гранде в Джайла Велли, штат Аризона», а в 1906 г. утвердил федеральный закон «О древностях». В 1913 г. Франция приняла закон «Об исторических памятниках», лёгший в основу Кодекса национального достояния и опиравшийся на опыт работы существовавшей с 1830 г. французской Генеральной инспекции по охране памятников и основанного в 1885 г. общества «Друзья парижских памятников» (*Amis des Monuments parisiens*), которое в 1889 г. провело в Париже «Первый Международный конгресс по охране памятников и произведений искусства». Австрия в 1918 г. ввела запрет на вывоз культурных ценностей, а в 1923 г. Германия приняла федеральный «Закон об охране памятников», при этом в немецких землях и вольных городах до этого уже существовали свои правовые акты, например, в Гамбурге закон «О защите памятников», принятый в 1920 г., или законодательство Пруссии, ведущее начало с 1799 г.

Параллельно велась работа по созданию международной правовой системы охраны памятников: на Гаагских конференциях мира 1899 и 1907 гг., Всемирной Лигой Культуры и Всемирным Советом Культуры Н. К. Рериха, автором идеи «Договора об охране художественных и научных учреждений и исторических памятников» 1928 г., организациями Лиги Наций, в частности, существовавшими в 1920–1940 гг. Международной комиссией интеллектуального сотрудничества, Международным институтом интеллектуальной кооперации и Международным комитетом музеев, а также учреждённой в ноябре 1945 г. Организацией Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры — ЮНЕСКО (*UNESCO; United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization*) и основанным в 1965 г. неправительственным Международным советом по сохранению памятников и достопримечательных мест (*ICOMOS*)²⁷.

²⁷ См. подробнее: Правовая охрана памятников истории и культуры в зарубежных странах : сб. науч. трудов. — М. : ИНИОН РАН, 2005. — 176 с.; Спиридонова Ю. В. Генезис международной охраны культурного наследия в 1930-е гг. / Юлия Валентиновна Спиридонова // Философская мысль. — 2012. — № 3. — С. 184–209.

Во многом благодаря их деятельности сложилась широкая система универсальных международно-правовых норм в области охраны памятников истории и культуры, которая распространяется на большинство стран мира и включает положения таких международных конвенций ЮНЕСКО, как Гагская конвенция о защите культурных ценностей в случае вооружённого конфликта от 14 мая 1954 г., Европейская конвенция об охране археологического наследия, принятая в Лондоне 6 мая 1969 г., Парижская конвенция о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности от 14 ноября 1970 г., Парижская конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия от 16 ноября 1972 г., Конвенция об охране архитектурного наследия Европы, принятая в Гранаде 3 октября 1985 г., Римская конвенция о похищенных или незаконно вывезенных культурных ценностях от 24 июня 1995 г., Парижская конвенция об охране культурного наследия, находящегося под водой, от 2 ноября 2001 г., Конвенция об охране нематериального культурного наследия, принятая 17 октября 2003 г.

Ключевыми понятиями современного международного права, разработанными мировым научным сообществом, являются «культурные ценности», «культурное наследие», «культурное и природное наследие», «нематериальное культурное наследие», «памятники истории и культуры». Развёрнутое юридическое определение понятия «культурные ценности» было впервые дано в принятой в Гааге в 1954 г. «Конвенции о защите культурных ценностей в случае вооружённого конфликта». Согласно ей, «культурными ценностями считаются независимо от их происхождения и владельца: а) ценности, движимые или недвижимые, которые имеют большое значение для культурного наследия каждого народа, такие, как памятники архитектуры, искусства или истории, религиозные или светские, археологические месторасположения, архитектурные ансамбли, которые в качестве таковых представляют исторический или художественный интерес, произведения искусства, рукописи, книги, другие предметы художественного, исторического или археологического значения, а также научные коллекции или важные коллекции книг, архивных материалов или репродукций ценностей, указанных выше; б) здания, главным и действительным назначением которых является сохранение или экспонирование движимых культурных ценностей, указанных в пункте “а”, такие,

как музеи, крупные библиотеки, хранилища архивов, а также укрытия, предназначенные для сохранения в случае вооружённого конфликта движимых культурных ценностей, указанных в пункте “а”; в) центры, в которых имеется значительное количество культурных ценностей, указанных в пунктах “а” и “б”, так называемые “центры сосредоточения культурных ценностей”»²⁸.

В принятой Генеральной конференцией ЮНЕСКО 14 ноября 1970 г. в Париже Конвенции о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности, «термин “культурная ценность” означал собственность, которая по религиозным или светским соображениям конкретно определена каждым государством как имеющая важное значение для археологии, предыстории, истории, литературы, искусства или науки и которая относится к следующим категориям: (а) редкие коллекции и образцы фауны, флоры, минералов и анатомии, а также объекты, представляющие интерес для палеонтологии; (b) ценности, касающиеся истории, включая историю науки и техники, историю войн и обществ, а также связанные с жизнью национальных деятелей, мыслителей, учёных и артистов и с крупными национальными событиями; (с) археологические находки (включая обычные и тайные) и археологические открытия; (d) составные части расчленённых художественных и исторических памятников и археологических мест; (е) старинные предметы более чем 100-летней давности, такие как надписи, чеканные монеты и печати; (f) этнологические материалы; (g) художественные ценности, такие как: (i) полотна, картины и рисунки целиком ручной работы на любой основе и из любых материалов (за исключением чертежей и промышленных изделий, украшенных от руки); (ii) оригинальные произведения скульптурного искусства из любых материалов; (iii) оригинальные гравюры, эстампы и литографии; (iv) оригинальные художественные ассамбляжи и коллажи из любых материалов; (h) редкие рукописи и инкунабулы, старинные книги, документы и издания, представляющие особый интерес (исторический, художественный, научный, литературный и т. д.)

²⁸ Гагская конвенция 1954 года о защите культурных ценностей в случае вооружённого конфликта [Текст] : [Текст конвенции, исполнительный регламент и протокол] / [Предисл. К. П. Рубаник]. — М. : Госюриздат, 1957. — Гл. 1. — Ст. 1.

отдельно или в коллекциях; (i) почтовые, налоговые и аналогичные им марки, отдельно или в коллекциях; (j) архивы, включая фонофото- и киноархивы; (k) предметы мебели возрастом более ста лет и старинные музыкальные инструменты»²⁹. Как видно, в Конвенции 1970 г. термин «культурная ценность» подробно конкретизирован и отражён в семи категориях и нескольких подпунктах.

Наконец, понятием «культурные ценности» оперировала и Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 г., в которой оно было разделено на «любые образцы культурной ценности», «уникальные и незаменимые ценности культурного и природного наследия», «выдающаяся универсальная ценность с точки зрения истории, искусства или науки»³⁰. Согласно статьям № 3 и 11, «Каждому государству — стороне настоящей Конвенции — надлежит определить и разграничить различные ценности, расположенные на его территории», и предоставить «по мере возможности Комитету всемирного наследия перечень ценностей культурного и природного наследия, расположенных на его территории», который «должен содержать документацию относительно места расположения данных ценностей и представляемого ими интереса» для того, чтобы внести ту или иную выдающуюся универсальную ценность в «Список всемирного наследия», а также в «Список всемирного наследия, находящегося под угрозой»³¹.

Несмотря на всестороннее и глубокое раскрытие определения «ценность» и закрепление в современном международном

²⁹ Конвенция о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности, принятая Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры 14 ноября 1970 г. Ст. 1 / Центр Всемирного наследия ЮНЕСКО. — URL: <http://whc.unesco.org>. (дата обращения: 15.12.2023).

³⁰ Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия, принятая Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры 16 ноября 1972 г. Преамбула и ст. 1–2 / Центр Всемирного наследия ЮНЕСКО. — URL: <http://whc.unesco.org>. (дата обращения: 15.12.2023).

³¹ Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия (16 ноября 1972 г.) // Международные нормативные акты ЮНЕСКО. Конвенции, соглашения, протоколы, рекомендации, декларации. — М. : Логос, 1993. — С. 290–302. — Ст. 3, 11.

праве таких понятий, как «культурные ценности», «уникальные и незаменимые ценности», «выдающиеся универсальные ценности», их интерпретация продолжает вызывать немало вопросов у специалистов и является дискуссионной. Юристы, философы, историки, археологи, искусствоведы, архитекторы, культурологи, музееведы наполняют его различными смыслами, которые определяются существующей в разных странах мира спецификой социокультурных концепций и практик, а также национального законодательства³².

Среди экспертов отсутствует консенсус по такому важному вопросу, как соотношение понятий «культурные ценности» и «культурное наследие». Например, преподаватель Миланского университета и правовед Европейского Союза Манлио Фриго полагает, что они не являются эквивалентными, что существует «различие между понятием “культурные ценности” (cultural property) и понятием “культурное наследие” (cultural heritage)», что «первое понятие должно быть дополнено с помощью определения его фактических и правовых связей со вторым», для чего «требуется выяснить, к какому культурному наследию относятся данные ценности», и решить вопрос, «является наследие нацио-

³² См.: *Рыбак К. Е.* Музей в нормативной системе (историко-культурологический анализ) : автореф. дис. ... д-ра культурологии / Кирилл Евгеньевич Рыбак. — СПб. : СПбГУ, 2006. — 35 с.; *Фирсова О. Л., Шестопалова Л. В.* О термине «культурные ценности» в сфере сохранения культурного наследия / Ольга Леонидовна Фирсова, Лидия Владимировна Шестопалова. — М. : Институт Наследия, 2022. — 92 с.; *Шестаков В. А.* Формирование понятия «культурные ценности» / Вячеслав Анатольевич Шестаков // *Studia culturae*. Вып. 11: Опыты интерпретации культурного наследия в горизонте постмодерна. — СПб., 2008. — С. 83–92; *Blake J.* On Defining the Cultural Heritage / Janet Blake // *International and Comparative Law Quarterly*. — 2000. — № 49 (1). — P. 61–85; *Cameron Ch.* The evolution of the concept of Outstanding Universal Value / Charles Cameron. In: King J., Stanley-Price N (eds.). *Conserving the authentic — Essays in honour of Jukka Jokilehto*, ICCROM Conservation Studies. — 2009. — № 10. — P. 127–136; *Groth S., Bendix R. F., Spiller A.* (Hrsg.) *Kultur als Eigentum: Instrumente, Querschnitte und Fallstudien* / Stefan Groth, Regina F. Bendix, Achim Spiller. — Göttingen : Universitätsverlag Göttingen, 2015. — 444 s.

нальным или международным», но «в любом случае, невозможно в рассматриваемой нами области придерживаться принципа общего наследия всего человечества, с точки зрения либо культурных ценностей, либо культурного наследия, и применять соответствующий правовой режим»³³.

В подтверждение своей позиции М. Фриго ссылается на документы международного права: Гаагскую конвенцию 1954 г. о защите культурных ценностей в случае вооружённого конфликта, Конвенцию 1970 г. ООН по вопросам образования, науки и культуры о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности, и второй Протокол к Гаагской конвенции 1954 г. о защите культурных ценностей в случае вооружённого конфликта от 26 марта 1999 г. При этом обращается внимание на то, что в Конвенции ЮНИДРУА (Международного института унификации частного права) о похищенных и незаконно вывезенных культурных ценностях от 24 июня 1995 г. употребляется также термин «cultural objects».

Во многих других документах используется понятие «наследие»: в Европейской конвенции 1969 г. об охране археологического наследия и Конвенции 1985 г. об охране архитектурного наследия Европы, Конвенциях ЮНЕСКО о защите всемирного культурного и природного наследия 1972 г., об охране подводного культурного наследия 2001 г., об охране нематериального культурного наследия 2003 г. и Декларации ЮНЕСКО, касающейся преднамеренного разрушения культурного наследия, от 17 октября 2003 г. Анализ данных правовых актов и комментариев к ним выявил очевидное, а именно, что «понятие культурного наследия по сравнению с понятием культурных ценностей имеет более широкие рамки, поскольку оно подразумевает “наследство, которое должно быть сохранено и передано будущим поколениям”», и понятие культурных ценностей «не соответствует понятию культурного наследия по охватываемым предметам»³⁴.

³³ Фриго М. Культурные ценности и культурное наследие: «борьба понятий» в международном праве? / Манлио Фриго // Международный журнал Красного креста. (Cambridge University Press). — 2004. — № 854. — С. 67, 79.

³⁴ Там же. — С. 69.

Иной точки зрения придерживается исследователь из России, кандидат культурологии Л. Н. Малкина, которая после изучения тех же самых документов Организации Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры приходит к прямо противоположным выводам: «По результатам анализа международных правовых актов ЮНЕСКО, — пишет она, — можно совершенно обоснованно сделать вывод, что понятие *культурные ценности* равнозначно с понятием *культурное наследие*. Необходимо подчеркнуть и практически полную взаимозаменяемость терминов *культурное наследие* и *культурное достояние* в рамках не только актов ЮНЕСКО, но и международного права в целом»³⁵.

Менее категоричен по данному вопросу доктор социальных наук (PhD) университета Лос-Анджелеса А. Г. Буйчик, отмечавший: «...Важным представляется осознание понятия “ценности” в области культуры, что в свою очередь формирует понятие “культурной ценности”, а через него уже определение категории “культурного наследия”, которое базируется на совокупности культурных ценностей, определённых каждой цивилизацией в рамках, принятых данным социумом ценностей», из чего следует, что «человек в частности и общество в целом пришло к осознанию понятия “культурное наследие” через ценностные критерии окружающего их бытия как в общем его созерцании, так и отдельных элементов, которые на современном этапе развития социума отождествляются с объектами, предметами и элементами», формирующими «многогранность культурного наследия в видовом и уровневом понимании»³⁶.

В общем, несовпадение взглядов исследователей разных стран и специальностей не отрицает признания того, что культурные ценности формируют и определяют наследие, служат важным качественным показателем его значимости, поэтому разработка связан-

³⁵ Малкина Л. Н. К вопросу о культурном наследии / Лариса Николаевна Малкина // Вестник ИрГТУ. — 2014. — № 3 (86). — С. 280.

³⁶ Буйчик А. Г. Клирономия — наука о сохранении культурного наследия. История развития мировоззрения, виды и уровни культурного наследия, направления его сохранения и клирономические науки / Александр Геннадьевич Буйчик. — Mauritius : LAP LAMBERT Academic Publishing, 2019. — С. 48, 66, 70; *Buychik A. The formation of klironomical thinking in the system of the social outlook / Alexander Buychik // Eastern European humanitarian collection of mini monographs. Collection of Scientific Works. European Scientific e-Journal. — 2021. — № 1 (7). — P. 119, 126.*

ного с ними тезауруса по-прежнему сохраняет свою актуальность в межкультурной и языковой коммуникации. Это относится также к понятиям «культурное наследие» и «сохранение объектов культурного наследия», которые, несмотря на существующие законодательно установленные их определения, не являются для экспертов и исследователей универсальными, отличаются широтой толкования и во многих странах раскрываются через схожие, но всё же различающиеся по смыслу понятия, не только «Cultural Heritage», но и, например, «national treasures» («национальные сокровища») или «Kulturgut» («культурное достояние»).

В последней трети XX в. международное право пополнилось многогранным понятием «всемирного культурного и природного наследия», включающим несколько типов наследия: всемирное, культурное и природное³⁷. Его определение было дано в Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия, принятой на 17-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО 16 ноября 1972 г. в Париже. Согласно этому документу, под «культурным наследием» понимались, во-первых, «памятники: произведения архитектуры, монументальной скульптуры и живописи, элементы или структуры археологического характера, надписи, пещеры и группы элементов, которые имеют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки»; во-вторых, «ансамбли: группы изолированных или объединённых строений, архитектура, единство или связь с пейзажем которых представляют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки»; в-третьих, «достопримечательные места: произведения человека или совместные творения человека и природы, а также зоны, включая археологические достопримечательные места, представляющие выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, эстетики, этнологии или антропологии»³⁸.

³⁷ *Forrest C. International Law and the Protection of Cultural Heritage / Craig Forrest. — Abingdon : Taylor&Francis, 2011. — 480 p.; Lagrang, E., Oeter S., Uerpmann-Witzack R. Cultural Heritage and International Law / Evelyne Lagrange, Stefan Oeter, and Robert Uerpmann-Witzack. — Luxemburg : Springer, 2018. — 281 p.*

³⁸ Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия (16 ноября 1972 г) // Международные нормативные акты ЮНЕСКО. Конвенции, соглашения, протоколы, рекомендации, декларации. — М. : Лорос, 1993. — С. 290–302. — Ст. 1.

«Природное наследие» по Конвенции 1972 г. включало, во-первых, «природные памятники, созданные физическими и биологическими образованиями или группами таких образований, имеющие выдающуюся универсальную ценность с точки зрения эстетики или науки»; во-вторых, «геологические и физиографические образования и строго ограниченные зоны, представляющие ареал подвергающихся угрозе видов животных и растений, имеющих выдающуюся универсальную ценность с точки зрения науки или сохранения»; в-третьих, «природные достопримечательные места или строго ограниченные природные зоны, имеющие выдающуюся универсальную ценность с точки зрения науки, сохранения или природной красоты»³⁹.

Существенное дополнение в этот перечень внесла Конвенция об охране подводного культурного наследия, принятая Генеральной конференцией ЮНЕСКО 2 ноября в 2001 г. в Париже⁴⁰. Она расширила понятие «культурное и природное наследие» за счёт «подводного культурного наследия», которое охватывало «все следы человеческого существования, имеющие культурный, исторический или археологический характер, которые были частично или полностью под водой, периодически или непрерывно, в течение по крайней мере 100 лет, такие как: i) объекты, сооружения, здания, артефакты и человеческие останки вместе с их археологическим и природным окружением; ii) суда, летательные аппараты, другие транспортные средства или любые их части, их груз или другое содержимое, вместе с их археологическим и природным окружением; и iii) предметы доисторического характера»⁴¹.

³⁹ Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия (16 ноября 1972 г.) // Международные нормативные акты ЮНЕСКО. Конвенции, соглашения, протоколы, рекомендации, декларации. — М. : Логос, 1993. — Ст. 2.

⁴⁰ См.: *Анисимов И. О.* Международно-правовая охрана объектов подводного культурного наследия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Игорь Олегович Анисимов. — М. : НИУ ВШЭ, 2015. — 32 с.; *Рыбак К. Е.* Конвенция об охране подводного культурного наследия и защита культурных ценностей / Кирилл Евгеньевич Рыбак // *Культура: управление, экономика, право.* — 2006. — № 1. — С. 20–24; *Dromgoole S.* Underwater Cultural Heritage and International Law / Sarah Dromgoole. — Cambridge : Cambridge Academ, 2013. — 440 p.

⁴¹ Конвенция об охране подводного культурного наследия, принятая Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций

Основным достоинством принятой в 1972 г. международной Конвенции ЮНЕСКО об охране всемирного культурного и природного наследия, по утверждению экспертов, является «признание “мест выдающейся универсальной ценности”, которые являются частью наследия человечества, заслуживающего охраны и передачи будущим поколениям»⁴². Важно и то, что она «в едином документе связывает концепции охраны природы и сохранения культурных ценностей, которые выигрывают от разработки и внедрения комплексного плана управления с необходимыми мерами по сохранению и механизмами мониторинга»⁴³. А практическое применение данного документа обеспечивает Руководство по выполнению Конвенции, которое в версии 2021 г. на русском языке было издано Российским институтом культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва в Москве⁴⁴. В нём представлены обновлённые нормы об устойчивом развитии, культурных ландшафтах, оценках воздействия и др.

Утверждение вышеназванных международно-правовых актов привело к пониманию «нематериальной ценности живой системы вне зависимости от того, природная она или культурная», и, как следствие, «пристальному вниманию к сохранению стремительно исчезающих из жизни нематериальных форм культуры, обеспечивавших ещё сравнительно недавно самоотождествлённость и преемственность развития общества», а также признанию того, «что многие формы наследия, не зафиксированные, не о вещественные в предметной форме и сегодня находящиеся на грани исчезновения, являются важнейшими источниками культурной идентификации, особенно для мало-

по вопросам образования, науки и культуры 2 ноября 2001 г. Ст. 1. Центр Всемирного наследия ЮНЕСКО. — URL: <http://whc.unesco.org> (дата обращения: 15.12.2023).

⁴² *Prepis A. The values of the world heritage and the younger generatio / Alkiviadis Prepis // Heritage and Modern Times. — 2018. — Vol. 1. — № 3 (3). — P. 7.*

⁴³ *Ibid. — P. 7.*

⁴⁴ Руководство по выполнению Конвенции об охране всемирного наследия [Электронное сетевое издание] / Пер. с англ. — М. : Институт Наследия, 2023.

численных народностей»⁴⁵. В 1997 г. ЮНЕСКО запустило программу «Шедевры устного и нематериального наследия», в рамках которой велось составление перечня «Шедевров устного и нематериального наследия человечества» (Masterpieces of the Oral and Intangible Heritage of Humanity), первоначально включившего 19 шедевров⁴⁶.

А 17 октября 2003 г. была принята Конвенция ЮНЕСКО об охране нематериального культурного наследия, которая определила содержание нематериального культурного наследия как «обычаи, формы представления и выражения, знания и навыки, а также связанные с ними инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства, признанные сообществами, группами и, в некоторых случаях, отдельными лицами в качестве части их культурного наследия» и проявляющиеся «в следующих областях: (а) устные традиции и формы выражения, включая язык в качестве носителя нематериального культурного наследия; (б) исполнительские искусства; (с) обычаи, обряды, празднества; (d) знания и обычаи, относящиеся к природе и вселенной; (е) знания и навыки, связанные с традиционными ремёслами»⁴⁷.

После принятия Конвенции был составлен «Репрезентативный список нематериального культурного наследия человечества» (The Representative List of the Intangible Cultural Heritage of Humanity), насчитывавший к концу 2020 г. 584 объекта из 131 страны, в том числе России («Якутский эпос Олонхо» и «Устная культура семейских старообрядцев Бурятии»), а также «Список нематериального культурного наследия, нуждающегося в срочной охране» (The List of Intangible Cultural Heritage in Need of Urgent Safeguarding) с 35 объектами и «Регистр надлежащей практики охраны» (Register of Good Safeguarding Practices), дающий

⁴⁵ *Киришенблат-Гимблет Б.* Нематериальное наследие как метакультурное производство / Барбара Киришенблат-Гимблет // Вопросы музеологии. — 2013. — № 2 (8). — С. 4.

⁴⁶ Там же — С. 7. См. также: Nas P. J. M. Masterpieces of Oral and Intangible Culture: Reflections on the UNESCO World heritage List / *Peter J. M. Nas* // Current Anthropology. — 2002. — Vol. 43, № 1. — P. 139–148.

⁴⁷ Основные тексты Международной конвенции об охране нематериального культурного наследия 2003 г. — Paris : UNESCO, 2016. — С. 5–6.

возможность мировому сообществу обмениваться положительным опытом охраны нематериального культурного наследия⁴⁸.

Значение Конвенции ЮНЕСКО 2003 г., по оценке многих международных экспертов, состояло в провозглашении ценности «шедевров устного и нематериального наследия человечества»⁴⁹, а также в «признании неопределимой роли нематериального культурного наследия как фактора в сближении людей и обеспечении их взаимодействия и взаимопонимания»⁵⁰. Разработанная в начале XXI в. модель концептуализации нематериального наследия включала понимание того, что «нематериальное наследие является культурным как материальное и живым как природное», в связи с чем она предусматривала «не просто коллекционирование отдельных “нематериальных артефактов”, а сохранение всей системы как живой целостности»⁵¹.

Такой подход позволил расширить номенклатуру основных типов наследия, которая в Среднесрочной стратегии ЮНЕСКО (Medium-Term Strategy), например, на 2014–2021 гг., включала природное, культурное, материальное и нематериальное наследие, а на период 2022–2029 гг. — недвижимое, движимое, подводное,

⁴⁸ См.: *Алиева Г. В.* Международно-правовой режим охраны нематериального культурного наследия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Гюнай Видади кызы Алиева. — М. : РУДН, 2019. — 33 с.; *Бойко Е. И.* Нематериальное культурное наследие ЮНЕСКО — сравнение российского и австрийского путей / Екатерина Ивановна Бойко // *Международные отношения.* — 2019. — № 2. — С. 126–134; *Кирюшина Ю. В.* Нематериальное культурное наследие — актуальное понятие современности / Юлия Владимировна Кирюшина // *Известия Алтайского государственного университета.* — 2011. — Т. 1, № 2 (70). — С. 244–247; *Полякова М. А.* Культурное наследие: современные проблемы изучения и сохранения / Марта Александровна Полякова // *Наследие и современность.* — 2022. — № 5 (2). — С. 138.

⁴⁹ *Aikawa-Faure N.* Transitional Clause on the Relationship to the Proclamation of Masterpieces of the Oral and Intangible Heritage of Humanity / Noriko Aikawa-Faure // *The 2003 UNESCO Intangible Heritage Convention: A Commentary.* — Oxford : Oxford University Press, 2020. — P. 408–431.

⁵⁰ *Prepis A.* The values of the world heritage and the younger generation / Alkiviadis Prepis // *Heritage and Modern Times.* — 2018. — Vol. 1, № 3 (3). — P. 17.

⁵¹ *Киршенблат-Гимблет Б.* Нематериальное наследие как метакультурное производство / Барбара Киршенблат-Гимблет // *Вопросы музеологии.* — 2013. — № 2 (8). — С. 4.

документальное, нематериальное⁵². Правда, логичность таких типологий, по мнению ряда исследователей, является весьма условной, поскольку один тип наследия легко может переходить в другой, в частности, нематериальное наследие часто обретает материальную форму и становится документальным в ходе записей устных традиций, их публикации, аудиовизуального и письменного архивирования и т. д.

Российская Федерация хотя и подписала Конвенцию ЮНЕСКО по защите нематериального культурного наследия, однако впоследствии её не ратифицировала. Причина этого шага заключалась как в «определённом ограничении суверенитета России в данной области», так и в её многонациональном характере, при котором «во многих случаях трудно определить, какой именно народ обладает приоритетом в создании того или иного объекта нематериального культурного наследия. Такого рода разбирательства чреваты рисками обострения межнациональных отношений. Начнутся споры за право считать “своими” те или иные явления, традиции, обычаи. <...> Пока всё это остаётся на бытовом уровне внутри страны — конфликтных ситуаций нетрудно избежать. Но если сюда будет вмешиваться “международное сообщество”, то возможные трения будут использованы противниками России в своих целях»⁵³.

4 декабря 2015 г. Межправительственный Комитет по охране нематериального культурного наследия на состоявшейся в Виндхукке (Намибия) 10-й сессии ЮНЕСКО принял «Этические принципы охраны нематериального культурного наследия», которые вместе с международной Конвенцией 2003 г., по мнению итальянского координатора ЮНЕСКО по нематериальному культурному наследию (ICH) Валентины Л. Дзингари (Valentina L. Zingari), «определяют политические, социальные, культурные контексты», способствующие «пониманию роли гражданского общества в сложной, часто конфликтной и мощной динамике создания

⁵² См.: *Спивак Д. Л.* Диалог наследий в культурной стратегии ЮНЕСКО / Дмитрий Леонидович Спивак // Культурологический журнал. — 2023. — № 2 (52). — URL: <http://cr-journal.ru> (дата обращения: 15.12.2023).

⁵³ *Аристархов В. В.* Россия в системе международного регулирования охраны нематериального культурного наследия / Владимир Владимирович Аристархов // Культурологический журнал. — 2021. — № 4 (46). — URL: <http://cr-journal.ru/> (дата обращения: 15.12.2023).

нематериального культурного наследия»⁵⁴. Подобного мнения придерживался и директор пекинского Института национальных литератур Академии общественных наук Китая профессор Чао Геджин, отмечавший: «Это ещё один эффективный на международном уровне документ, разработанный ЮНЕСКО для охраны нематериального культурного наследия», который «дополняет Конвенцию 2003 года об охране нематериального культурного наследия в этическом аспекте и в организации процессов охраны нематериального культурного наследия на местном, национальном и международном уровнях. Это также отправная точка, с которой международные субъекты в области ИСН будут изучать возможности разработки и расширения способов защиты ИСН на более этической основе»⁵⁵.

Научно-экспертным сообществом обращалось внимание и на то, что нематериальное культурное наследие является важным элементом конструирования смыслов культурного дискурса, в котором участвуют учёные всего мира, в том числе и России⁵⁶. По мнению, например, разработчика и составителя «Энциклопедии нематериального культурного наследия России»⁵⁷ С. Ю. Житенёва, «Нематериальное культурное наследие во многом является фундаментальным и основополагающим понятием, включающим в свой состав цивилизационную составляющую. И если за последние тридцать лет исследования отечественных учёных в сфере сохранения, изучения и использования материального культурного

⁵⁴ *Zingari V. L.* Community participation in Intangible Cultural Heritage safeguarding / Valentina Lapicciarella Zingari // *Pravovedenie*. — 2020. — Т. 64, № 1. — Р. 33–34.

⁵⁵ *Chao G.* UNESCO's Ethical Principles for Safeguarding Intangible Cultural Heritage: Interpretative Reading and Commentary Review / Gejin Chao // *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences*. — 2017. — Vol. 34. — Is. 6. — P. 117.

⁵⁶ *Кабицкий М. Е.* Нематериальное наследие как элемент конструирования смыслов культурного дискурса и некоторые вопросы его изучения и использования в России и странах Европы / Михаил Евгеньевич Кабицкий // *Новые российские гуманитарные исследования*. — 2012. — URL: <http://www.nrgumis.ru/articles/2012/> (дата обращения: 15.12.2023).

⁵⁷ *Энциклопедия нематериального культурного наследия России. Посвящается Году культурного наследия народов России*. — М.: Институт Наследия, 2022. — 576 с.

наследия достигли известных успехов, то этого нельзя сказать о нематериальном наследии, которое требует дальнейшей разработки его теоретико-методологических оснований»⁵⁸.

Особое место в понимании нематериального культурного наследия, представлении об его охране, правовой имплементации, использовании в общественной, культурной, политической жизни занимает религиозное наследие⁵⁹. Как отмечал, например, профессор Университета Нового Южного Уэльса Австралии Лукас Ликсински, религиозное наследие может выступать и «выступает важной частью национального строительства, оторванной от фундаментальных канонов и воспринимаемой как социальная практика», отвечающая «международно признанному праву человека на свободу вероисповедания» и помогающая «религиозным общинам использовать возможности сохранения наследия для защиты веры»⁶⁰. Ярким примером этого является Индия, в которой религия и религиозное наследие с глубокой древности имеют исключительное значение для общества и государства, «всей системы индийской духовности, культуры и религиозно-правовых форм

⁵⁸ *Житенёв С. Ю.* Концепты культурного наследия в системе наук о культуре / Сергей Юрьевич Житенёв // Культурное наследие — от прошлого к будущему : научное издание. — М. ; СПб. : Институт Наследия, 2022. — С. 23.

⁵⁹ *Chechi A.* Protecting Holy Heritage in Italy — A Critical Assessment through the Prism of International Law / Alessandro Chechi // International Journal of Cultural Property. — 2014. — № 21. — P. 397–421; *Lixinski L.* Religious Cultural Heritage: The Law and Politics of Conservation, Iconoclasm, and Identity / Lucas Lixinski // Heritage at the Interface: Interpretation and Identity, ed. by Glenn Hooper. — Florida : University Press of Florida, 2018. — P. 121–135; *Stovel H.* Introduction. Conservation of Living Religious Heritage: Papers from the ICCROM 2003 Forum on Living Religious Heritage: conserving the sacred, eds. Herb Stovel, Nicholas Stanley-Prive, Robert Kilick / Herb Stovel. — Rome : ICCROM, 2005. — P. 1–11; *Takahashi S., Maejima N., Kobayashi H.* UNESCO World Heritage and the regional powers: Changing representations of religious cultural Heritage / Sanami Takahashi, Noriko Maejima and Hiroshi Kobayashi // Eurasia's Regional Powers Compared — China, India, Russia, ed. by Shinichiro Tabata. — Abingdon : Routledge, 2014. — P. 222–239.

⁶⁰ *Lixinski L.* Religious heritage in international law: Nationalism, culture, and rights / Lucas Lixinski // Правоведение. — 2020. — Т. 64, № 1. — P. 138, 154–155.

сознания»⁶¹. Неслучайно изучением памятников древнеиндийской литературы и культуры занимаются учёные не только Индии, но и многих стран мира, в том числе России.

Важной темой, определяемой второй статьёй Конвенции ЮНЕСКО об охране нематериального культурного наследия, является проблема совместимости охраны нематериального культурного наследия и окружающей среды с устойчивым развитием. Исходя из анализа этой Конвенции и понимания того, что «устойчивое развитие в отношении культуры состоит из трёх взаимосвязанных аспектов: общества, окружающей среды и экономики», данная проблема анализируется по целому ряду направлений, например таких, как «воздействие на окружающую среду при охране нематериального культурного наследия», «знания и практики, касающиеся природы и Вселенной», «устойчивость общин к стихийным бедствиям и изменению климата», «права интеллектуальной собственности локальных сообществ», в частности на географические топонимы, которые «могут быть инструментами, способствующими охране и устойчивому развитию как нематериального культурного наследия, так и окружающей среды»⁶².

Ещё одним активно разрабатываемым в современном мире научно-исследовательским направлением является «маркетинг и защита ИСН» — нематериального культурного наследия, в рамках которого, как отмечал адъюнкт-профессор французской бизнес-школы Emlyon Д. Риналло, «связанная с ИСН коммерческая деятельность видится неоднозначным благом, поскольку, с положительной стороны, она может повысить осведомлённость о важности наследия и приносить доход тем, кто им занимается, но с отрицательной стороны она может привести к искажению смысла

⁶¹ Корсунская Л. Г. Памятники древнеиндийской культуры и литературы как феномен культуры традиционного общества / Людмила Газизовна Корсунская // *Фундаментальные проблемы культурологии* : в 4 т. — СПб., 2008. — Т. 2: Историческая культурология. — С. 59.

⁶² *Ubertazzi B. Safeguarding Intangible Cultural Heritage and the environment / Benedetta Ubertazzi // Pravovedenie. — 2020. — Т. 64, № 1. — Р. 124, 137; Ubertazzi B. Manifesting Intangible Cultural Heritage / Benedetta Ubertazzi // The 2003 UNESCO Intangible Heritage Convention: A Commentary, eds. Janet Blake, Lucas Lixinski. — Oxford : Oxford University Press, 2020. — Р. 58–80.*

и цели ИСН», а также «поставить под угрозу жизнеспособность его элементов»⁶³.

В целом экспертное сообщество высоко оценивает международное законодательство в сфере культурного и природного, материального и нематериального наследия, которое регулирует его охрану и влияет на формирование международной культурной политики, играет важную роль в пресечении незаконных археологических раскопок и нелегальной торговли древними артефактами, в том числе подводного культурного наследия, сохранении традиционной культуры, защите, связанной с наследием интеллектуальной собственности, и многом другом. Как писал, например, французский историк Пьер Нора, «само слово “наследие” претерпело семантическую революцию» и «получило совершенно неожиданный резонанс. Оно считалось принадлежащим нотариусам или мелким рантье, но приобрело новые значения. Добро, передаваемое от отца к сыну, стало силой тяготения, которая становится вашими корнями и той связью, что связывает вас с социальным целым, превращаясь в священный и бесценный залог, который следует передать потомкам. Оно сошло с небес соборов и замков, чтобы найти себе убежище в забытых обычаях и старинных умениях, в бутылках доброго вина, в песнях и диалектных поговорках. Оно вышло из национальных музеев, чтобы наводнить собой зелёные долины и отпечататься на камнях старинных улиц»⁶⁴. И если в конце 1970-х гг. «только 12 % французов понимали слово “наследие” как единство национальных и культурных ценностей, а не как компетенцию Гражданского права», то в 1980-е г. эта часть населения Франции возросла до 36 %⁶⁵. Наследство, выйдя за рамки частноправовых отношений (лат. *Hereditas personam defuncti sustinet* — наследство продолжает личность умершего или остаётся никем не принятым — *Hereditas jacens*), вошло в юрисдикцию национального и международного законодательства и стало общенародным наследием.

⁶³ *Rinaldo D.* Heritage storytelling, community empowerment and sustainable development / Diego Rinaldo // *Pravovedenie*. — 2020. — Т. 64, № 1. — С. 64.

⁶⁴ *Нора П.* Эра коммемораций / Пьер Нора // Нора П., Озуф М., де Пюимеж Ж., Винок М. Франция-память / Пер. с фр. Д. Хапаева. — СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. — С. 123–124.

⁶⁵ Там же. — С. 123.

В то же время оценка экспертов содержит и немало критических высказываний в адрес конвенций ЮНЕСКО об охране материального и нематериального культурного наследия. Больше всего вопросов вызывают списки объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО, давление и роль национальных интересов, а также политического влияния различных стран при их формировании. Обращается внимание, во-первых, на произвольность, компромиссность, «диспозитивность» критериев их составления и «отсутствие консенсуса относительно самого процесса отбора»⁶⁶, а во-вторых, на коммерциализацию и маркетинговую связанность со списочными объектами социокультурных практик⁶⁷. При этом говорится не только о безусловном праве открытого выражения несогласия и получения конкретных ответов на вопросы, например о том, «внесён ли объект в список ЮНЕСКО из-за его важности для местного сообщества, внесён ли он в список ради своего выживания или он существует в каких-то коммерческих целях?»⁶⁸, но и о праве судебного оспаривания внесённых в списки ЮНЕСКО объектов культурного наследия⁶⁹.

Так, на примере «Репрезентативного списка нематериального культурного наследия человечества» и ряда его номинаций, таких как «Искусство неаполитанской пиццерии», «Гастрономическая трапеза французов», «Пивная культура в Бельгии», международ-

⁶⁶ *Poddubnykh T.* Heritage as a Concept through the Prism of Time / Tatiana Poddubnykh // *Social Evolution & History*. — 2015. — Vol. 14, № 2. — P. 108, 114.

⁶⁷ См.: *Kirshenblatt-Gimblett B.* Intangible Heritage as Metacultural Production / Barbara Kirshenblatt-Gimblett // *Museum International*. — 2014. — № 66 (1–4). — P. 163–174; *Lixinski L.* International Heritage Law and the Market / Lucas Lixinski // *International Heritage Law for Communities*. — 2019. — № 3 (2). — P. 127–167.

⁶⁸ *Poddubnykh T.* Heritage as a Concept through the Prism of Time / Tatiana Poddubnykh // *Social Evolution & History*. — 2015. — Vol. 14, № 2. — P. 113.

⁶⁹ *Lixinski L.* Heritage Listing as a Tool for Advocacy: The Possibilities for Dissent. Contestation and Emancipation in International Law through International Cultural Heritage Law / Lucas Lixinski // *Asian Journal of International Law*. — 2015. — № 5 (2). — P. 387–409.

ный эксперт Кьяра Бортолотто показывает, каким образом «предприниматели наследия» превращают «живое наследие» (living heritage) в коммерческий продукт глобализированного мира, ориентированный на рыночный спрос и предложение и вызывающий у потребителя лишь мысль о том, «как съесть наследие...»⁷⁰. Согласно её профессиональной оценке, многие позиции списков ЮНЕСКО «функционируют в качестве бренда», и «субъекты наследия на местах действуют как субъекты предпринимательства, наделяющие себя потенциалом посредством превращения культурного капитала в экономический капитал и повышения оценки культурно выделяющихся продуктов и услуг», а «валоризация благодаря культурному признанию увеличивает экономическую ценность предметов, превращённых в наследие. Рост экономической ценности, в свою очередь, вызывает повышение значимости неэкономических аспектов этих предметов»⁷¹.

Однако главной проблемой представления о наследии, как полагают исследователи, является наличие разных, нередко взаимоисключающих концепций и экспертных оценок, региональных практик соблюдения международного права и «международных режимов наследия», которые представлены сводом определённых правил и норм, регулирующих отношения между государствами и правительствами по вопросам сохранения и использования наследия⁷². Объясняется это тем, что в мире культурное наследие

⁷⁰ *Bortolotto C.* Como Comerse Un Patrimonio: Construir Bienes Inmateriales Agroalimentarios Entre Directivas Tecnicas y Empresariado Patrimonial / Chiara Bortolotto // Revista Andaluza de Antropologia. — 2017. — № 12. — P. 144–166.

⁷¹ *Бортолотто К.* ЮНЕСКО, нематериальное культурное наследие и рынок: споры и камни преткновения / Кьяра Бортолотто // *Pravovedenie*. — 2020. — Т. 64, № 1. — С. 81–82. См. также: *Adie B. A.* Franchising Our Heritage: The UNESCO World Heritage Brand / Bailey Ashton Adie // *Tourism Management Perspectives*. — 2017. — № 24. — P. 48–53; *Pfeilstetter R.* Heritage Entrepreneurship. Agency-Driven Promotion of the Mediterranean Diet in Spain / Richard Pfeilstetter // *International Journal of Heritage Studies*. — 2015. — № 21 (3). — P. 215–231; *Ryan J., Siloanto S. A.* Brand for All the Nations: The Development of the World Heritage Brand in Emerging Markets / Jason Ryan, Sari Silvano // *Marketing Intelligence and Planning*. — 2011. — № 29 (3). — P. 305–318.

⁷² *Blake J.* International Cultural Heritage Law / Janet Blake. — Oxford : Oxford University Press, 2015. — 460 p.; *Blake J.* On Defining the Cultural

понимается по-разному и, «несмотря на общие черты различных культур или культурных образований, они обладают своей ярко выраженной индивидуальностью и неповторимостью. Соответственно, институт культурного наследования везде различен, как и те ценности, которые он призван сохранять и передавать грядущим поколениям», и на основании которых «выстраиваются конкретные институты, инструменты, прописанные и неписанные регламенты, обеспечивающие их традирование, <...> процесс номинации и функционирования инстанций, призванных осуществлять, сохранять и транслировать культурное наследие»⁷³.

Ещё в последней трети XX в. было заявлено о необходимости пересмотра терминологического аппарата и инструментария, связанного с культурными ценностями, наследием, его значимости и аутентичности, но в первую очередь переосмысления таких основных концептов, как «культурное наследие», «памятник истории и культуры», «историко-культурная среда», «система

Heritage /Janet Blake // International and Comparative Law Quarterly. — 2000. — № 49 (1). — P. 61–85; *Forrest C.* International Law and the Protection of Cultural Heritage / Craig Forrest. — Abingdon : Taylor&Francis, 2011. — 480 p.; *Francioni F.* Defining Intangible Cultural Heritage / Francesco Francioni // The 2003 UNESCO Intangible Heritage Convention: A Commentary. — Oxford : Oxford University Press, 2020. — P. 48–57; *Francioni F., Gordley J.* (eds.) / Francesco Francioni and James Gordley. Enforcing International Cultural Heritage Law. — Oxford : Oxford University Press, 2013. — 259 p.; *Francioni F., Lenzerini F.* The 1972 World Heritage Convention: A Commentary / Francesco Francioni and Federico Lenzerini. — Oxford : Oxford University Press, 2008. — 576 p.; *Lagrange E., Oeter S., Uerpmann-Witzack R.* Cultural Heritage and International Law / Evelyne Lagrange, Stefan Oeter, and Robert Uerpmann-Witzack. — Luxemburg : Springer, 2018. — 281 s.; *Lixinski L.* International Cultural Heritage Regimes, International Law and the Politics of Expertise / Lucas Lixinski // International Journal of Cultural Property. — 2013. — № 20 (4). — P. 407–429; *Lumley R.* The Debate on Heritage Reviewed / Robert Lumley // Heritage, Museums and Galleries: An Introductory Reader / G. Corsane (ed.). — Aldershot : Ashgate, 2008. — P. 15–26; *Sterling C.* Critical Heritage and the Posthumanities: Problems and Prospects / Colin Sterling // International Journal of Heritage Studies. — 2020. — Vol. 26. — Is. 11. — P. 1077–1091.

⁷³ *Соколов Б. Г.* «Проект» проекта и память в новоевропейской культуре / Борис Георгиевич Соколов // Культурное наследие — от прошлого к будущему : научное издание. — М. ; СПб. : Институт Наследия, 2022. — С. 57.

охраны и реставрации историко-культурных объектов»⁷⁴. Старое, заложенное Алоизом Риглем и Максом Дворжаком классическое понятие культурного наследия как незыблемой исторической, материальной, духовной, этической ценности общенационального масштаба и связанной с ним концепции законодательного утверждения единого государственного реестра памятников, имеющих большую историко-культурную значимость, подверглось существенной ревизии⁷⁵. Одновременно заговорили о важности вопроса «комплексного рассмотрения проблемы наследия как задачи совокупного решения социальных, культурных, экологических и экономических вопросов»⁷⁶, который увязывался с ранее заявленной

⁷⁴ См., например: *Akagawa N., Smith, L. Safeguarding Intangible Heritage: Practices and Politics / Natsuko Akagawa, Laurajane Smith. — London : Routledge, 2018. — 274 p.*; *Barthel-Bouchier D. Cultural Heritage / Diane Barthel-Bouchier // Routledge international handbook of memory studies / A. L. Tota, T. Hagen (eds.). — London : Routledge, 2015. — P. 221–232.*; *Harrison R. Heritage. Critical Approaches / Rodney Harrison. — London : Routledge, 2013. — 268 p.*; *Heinich N. La fabrique du patrimoine: De la cathédrale à la petite cuillère / Nathalie Heinich. — Paris : Editions de la Éditions de la Maison des Sciences de l'Homme (MSH), 2009. — 286 p.*; *Holtorf C., Högberg A. Cultural Heritage and the Future / Cornelius Holtorf, Anders Högberg. — London ; New York : Routledge / Taylor & Francis Group, 2020. — 300 p.*; *Labadi S., Long C. Heritage and Globalisation / Sophia Labadi, Colin Long. — London ; New York : Routledge; Taylor & Francis, 2010. — 248 p.*; *Ristic M., Frank S. Urban Heritage in Divided Cities / Mirjana Ristic, Sybille Frank. — London : Routledge, 2019. — 284 p.*

⁷⁵ *Albert M.-Th., Bernecker R., Rudolff B. Understanding Heritage: Perspectives in Heritage Studies / Marie-Theres Albert, Roland Bernecker and Britta Rudolff. — Berlin : De Gruyter, 2013. — 210 p.*; *Albert M.-Th. (ed.). Perceptions of Sustainability in Heritage Studies / Marie-Theres Albert. — Berlin : De Gruyter, 2015. — 247 p.*; *Ashworth G., Tunbridge J., Graham B. Pluralising Pasts: Heritage, Identity and Place in Multicultural Societies / Gregory Ashworth, John Tunbridge. — London : Pluto Press, 2007. — 236 p.*; *Bendix R. F., Eggert A., Peselmann A. Heritage Regimes and the State / Regina F. Bendix, Aditya Eggert and Arnika Peselmann. — Göttingen : Universitätsverlag Göttingen, 2013. — 413 p.*; *Fournier L.-S., Giancrisofaro L. La régression du patrimoine. Études de cas en Italie et en France / Laurent Sébastien Fournier. — Torino : L'Harmattan Italia, 2020. — 112 p.*; *Lowenthal D. The Heritage Crusade and the Spoils of History / David Lowenthal. — Cambridge : Cambridge University Press, 1998. — 358 p.*

⁷⁶ *Хаханова Л. П. Архитектурное наследие в проблемном поле исторической культурологии / Лилия Павловна Хаханова // Культура памяти : сб. науч. ст. — М. : Древлехранилище, 2003. — С. 118.*

необходимостью обновления понятия культурного наследия, системы взглядов и представлений о нём, роли государства, народа (нации), общества, бизнеса в его сохранении и использовании.

Изданные в 1980–1990 гг. работы американского историка, «отца изучения наследия» в западном мире Дэвида Лоуэнтала («Прошлое — чужая страна», «Одержимый прошлым: крестовый поход за наследием и исторические трофеи»)⁷⁷, а также британских историков Патрика Райта («О жизни в старой стране»)⁷⁸ и Роберта Хьюисона («Индустрия наследия»)⁷⁹, с одной стороны, обратили внимание на существенно возросшую роль наследия в жизни общества, а с другой стороны, указывали на имевшее место различие между наследием и историей, при котором на наследие смотрели как на дальнего родственника истории и видели в нём «продукт правящей идеологии», используемый в политических целях для формирования и закрепления национальной идентичности путём наглядного подтверждения господствующих исторических концепций и взглядов⁸⁰.

Наиболее сильное впечатление на англоязычное население произвела книга Д. Лоуэнтала «Прошлое — чужая страна», которая в 1985 г. вышла в Кембридже и почти сразу же попала в списки обязательной учебной литературы, поскольку в ней на большом эмпирическом материале был представлен многогранный анализ социального значения прошлого и его роли в современной западной культуре. По мнению одного из рецензентов книги, Лоуэнталь смог доходчиво рассказать, почему «история заставляет человека евро-

⁷⁷ *Lowenthal D. The Past Is a Foreign Country / David Lowenthal. — New York : Cambridge University Press, 1985. — 489 p.; Лоуэнталь Д. Прошлое — чужая страна / Дэвид Лоуэнталь ; Пер. с англ. А. В. Говорунова. — СПб. : Владимир Даль : Русский Остров, 2004. — 622 с.; Lowenthal D. Possessed by the Past: The Heritage Crusade and the Spoils of History / David Lowenthal. — New York : Free Press, 1996. — 338 p.; Лоуэнталь Д. Материальное сохранение и его альтернативы / Дэвид Лоуэнталь // Неприкосновенный запас. — М. : Новое литературное обозрение, 2017. — № 114. — С. 133–153.*

⁷⁸ *Wright P. On Living in an Old Country / Patrick Wright. — London : Verso, 1985. — 262 p.*

⁷⁹ *Hewison R. The Heritage Industry: Britain in a Climate of Decline / Robert Hewison. — London : Methuen, 1987. — 159 p.*

⁸⁰ *Gentry K., Smith L. Critical Heritage Studies and the Legacies of the Late-twentieth Century Heritage Canon / Kynan Gentry, Laurajane Smith // International Journal of Heritage Studies. — 2019. — Vol. 25. — Is. 11. — P. 1148–1168.*

пейской культуры постоянно тягаться с прошлым, придумывать новое и немедленно списывать его в архив, откуда его через некоторое время извлекают, но уже другие люди, и только для того, чтобы пустить в доходный оборот. Объясняется всё это страхом, с которым человек, связанный движимым и недвижимым имуществом, семьёй и работой, смотрит в смутное будущее. Идентифицироваться удобнее с прошлым, которое, по сути, и есть “я”, если понимать его как продукт рефлексии. Чтобы выглядеть лучше и успокоиться, “я” создаёт такое прошлое, с которым не грех идентифицироваться»; и «прекрасное прошлое — это то же идеальное пространство, что и прекрасная страна, которая прекрасна только потому, что в неё нельзя вернуться», а «ностальгия по твёрдым историческим истинам — полный аналог ностальгии по утраченной родине, которая видится эмигранту совсем не такой, как изнутри»⁸¹.

Взгляды Дэвида Лоуэнтала вызвали в интеллектуальном сообществе острую дискуссию о феномене наследия, в ходе которой обсуждались вопросы «обращения с прошлым» и «предвзятости наследия», консервации прошлого и того, что якобы «было на самом деле», домысливания, искажения различных форм прошлого, переделки и подделки памятников истории и культуры. Критике подвергся и основной вывод Лоуэнтала: «Неизменное прошлое — это не то, что нам действительно нужно, или, во всяком случае, не всё, что нам нужно. Нам требуется наследие, с которым мы постоянно взаимодействуем, которое объединяет прошлое с настоящим. Это наследие не только необходимо, но и неизбежно; теперь мы не можем избавиться от ощущения, что прошлое в какой-то степени является нашим собственным творением»⁸².

Профессор антропологии Джиллиан Фили-Харник, не соглашаясь с этим утверждением, писала, что «прошлое — это не чужая страна или отдалённый край; это та самая почва, на которой мы стоим, движемся и иным образом взаимодействуем»⁸³. Анализируя

⁸¹ Прошлое — чужая страна. Дэвид Лоуэнталь. Рецензия Я. Левченко // Неприкосновенный запас. — 2005. — № 2. — URL: <http://www.nlobooks.ru/nz>. (дата обращения: 15.12.2023).

⁸² *Lowenthal D. The Past Is a Foreign Country / David Lowenthal.* — New York : Cambridge University Press, 1985. — P. 410.

⁸³ *Feeley-Harnik G. Against the Motion.* In: *Key Debates in Anthropology*, edited by T. Ingold / Gillian Feeley-Harnik. — London ; New York : Routledge, 1996. — P. 216.

дихотомию «прошлое — настоящее» и цитируя фразу известного социолога, антрополога, историка Джона Д. Пила «представления о прошлом являются фактами настоящего», она отмечала, что прошлое оценивается сквозь призму настоящего, а не наоборот, и современные культурные связи тянутся из настоящего в прошлое, а не из прошлого в настоящее⁸⁴. На это обращали внимание также многие исследователи, в частности немецкий философ Эрнст Кассирер, который в начале XX в. отмечал: «Историческое знание есть ответ на определённые вопросы, ответ, который может дать прошлое; но сами вопросы порождены и продиктованы настоящим — нашими настоящими интеллектуальными интересами, равно как и современной нравственной жизнью и социальными потребностями»⁸⁵. О том, что понимание прошлого конструируется настоящим, что «материалы, из которых конструируется это прошлое, заключены в настоящем» (памятные образы, свидетельства), писал и американский социолог, автор книги «Философия настоящего» Джордж Герберт Мид, обращавший внимание на такое явление, как «воображаемое прошлое»⁸⁶.

Во второй половине XX в. вопрос истины в познании прошлого (и соответственно её отражении в наследии) поднял французский философ Поль Рикёр, который связал его с актуальной для того времени проблемой смысла истории в политическом, религиозном, этическом контекстах⁸⁷. А также мэтр исторической науки Франции Жак Ле Гофф, подчёркивавший, что «интерес к прошлому означает стремление прояснить настоящее», поэтому «деление времени по отношению к неким “до” и “после” не ограничивается

⁸⁴ *Peel J. D. Y. Making History: The past in the Ijesha Present / John David Yeadon Peel // Man (NS). — 1984. — № 19 (1). — P. 112; Feeley-Harnik G. Against the Motion. In: Key Debates in Anthropology, edited by T. Ingold / Gillian Feeley-Harnik. — London ; New York : Routledge, 1996. — P. 212–217.*

⁸⁵ *Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке / Эрнст Кассирер ; Пер. Б. Вимер и др. — М. : Гардарика, 1998. — С. 651.*

⁸⁶ *Мид Дж. Г. Философия настоящего / Джордж Герберт Мид ; Пер. с англ. под науч. ред. В. Г. Николаева. — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. — С. 98–100.*

⁸⁷ *Рикёр П. История и истина / Поль Рикёр ; Пер. с фр. И. С. Вдовиной, А. И. Мачульской. — СПб. : Алетейя, 2002. — 399 с.; Рикёр П. Память, история, забвение / Поль Рикёр ; Пер. с фр. И. И. Блауберг и др. — М. : Издательство гуманитарной литературы, 2004. — 725 с.*

оппозицией “настоящее/прошлое” как на индивидуальном, так и коллективном уровне. Сюда нужно добавить третье измерение — будущее»⁸⁸. В этом высказывании Ле Гофф опирался на хорошо известное мнение Августина Блаженного, епископа Гиппонского, который в конце IV в. н. э. писал, что «неправильно говорить о существовании трёх времён, прошедшего, настоящего и будущего. Правильнее было бы, пожалуй, говорить так: есть три времени — настоящее прошедшего, настоящее настоящего и настоящее будущего. Некие три времени эти существуют в нашей душе, и нигде в другом месте я их не вижу: настоящее прошедшего — это память; настоящее настоящего — его непосредственное созерцание; настоящее будущего — его ожидание»⁸⁹.

В XIX в. подобный взгляд развился в «принцип историзма» — разработанный немецкой нарративной школой метод историописания и анализа исторических текстов и памятников, в основе которого лежало представление о постепенности, органичности, преемственности исторического процесса, получившее в XX в. широкое распространение. Одна из главных особенностей «Historismus» «состояла в прочной увязке интереса к современности с интересом к прошлому. Приверженцы историзма изучали историю в развитии, предупреждая об опасности, грозящей тем, кто повернётся спиной к прошлому», т. е. принцип историзма «заключает в себе приятие настоящего» как воплощение прошлого и неизбежный результат прошлого, он «подразумевает, что не только прошлое, но и институты и культура современности могут быть поняты только исторически. Для того, кто не имеет представления об их развитии в предшествующие века, их природа остаётся непостижимой. Именно поэтому история является ключом к пониманию современного мира»⁹⁰. В том числе доставшегося ему от ушедших эпох наследия, благодаря которому «прошлое

⁸⁸ *Ле Гофф Ж.* История и память / Жак Ле Гофф ; Пер. с фр. К. З. Акопяна. — М. : РОССПЭН, 2013. — С. 16, 22.

⁸⁹ *Августин Аврелий.* Исповедь Блаженного Августина, епископа Гиппонского : Пер. с лат. / Аврелий Августин ; Изд. подгот. [и вступ. ст., с. 5–50, написал] А. А. Столяров; Примеч. М. Е. Сергеенко. — М. : Ренессанс, 1991. — Кн. 11:XX, 26.

⁹⁰ *Савельева И. М., Полетаев А. В.* История и время. В поисках утраченного / Ирина Максимовна Савельева, Андрей Владимирович Полетаев. — М. : Языки русской культуры, 1997. — С. 627–628.

остаётся в настоящем» и «предсказуемом будущем», т. е. сохраняется преемственность времён и эпох⁹¹.

Конечно, классический исторический нарратив, опирающийся на идею преемственности исторического развития, исходит из эволюционно заданной последовательности событий: прошлое создаёт настоящее, которое формирует будущее. Но если рассматривать исторический прогресс сквозь призму культуры, то последовательность может быть иной, не связанной с линейным временем, что особенно заметно в искусстве, развитие которого имеет собственную хронологию. На это в конце XX в. обращал внимание польский историк и философ Войцех Вжосек: «Отношение современной исторической науки к прошлому — особенно отдалённому — является ничем иным, как отношением культуры к другой культуре...» или «“переводом” исследуемой культуры на язык культуры исследующей», и «историк, верный принципам своей профессии, наделяет смыслом исследуемый мир в свете значений, которыми, по его мнению (*a de facto* в свете господствующего исторического знания), могли быть наделены анализируемые феномены. Все так называемые следы прошлого “говорят” что-то о прошлом только тогда, когда будут осмыслены благодаря знанию (современному. — Т. II.) о следах такого рода. Для кого-то, кто не обладает такой силой знания, “следы прошлого” так и останутся ничего не значащими, молчаливыми»⁹².

Последний тезис имел особое значение для музеев, которые в ходе дискуссии о наследии подверглись острой критике за «поверхностное изображение прошлого», формирование «туманных зон наследия», «торговлю ностальгией», трансляцию не «авторитетных исторических знаний», а «упакованной и продаваемой на рынке ностальгии — “фальшивой истории”» и многое другое⁹³.

⁹¹ Poddubnykh T. Heritage as a Concept through the Prism of Time / Tatiana Poddubnykh // Social Evolution & History. — 2015. — Vol. 14, № 2. — P. 125.

⁹² Вжосек В. Культура и историческая истина / Войцех Вжосек. — М.: Кругъ, 2012. — С. 24, 29, 31.

⁹³ Gentry K., Smith L. Critical Heritage Studies and the Legacies of the Late-twentieth Century Heritage Canon / Kynan Gentry, Laurajane Smith // International Journal of Heritage Studies. — 2019. — Vol. 25. — Is. 11. — P. 1148–1168; Walsh K. The Representation of the Past: Museums and Heritage in the Postmodern World / Kevin Walsh. — London : Routledge, 1992. — 212 p.

Немецкий философ Теодор Адорно даже сравнивал музеи с мавзолеями и склепами, хранящими «предметы, с которыми у зрителя не возникает необходимой взаимосвязи и которые находятся в процессе умирания. Они обязаны своей сохранностью в большей степени уважению к их истории, чем их надобностью в настоящем»⁹⁴.

Такая ситуация заставила существенно пересмотреть всю музейную сферу, начиная с роли музеев в современной жизни, налаживания активного диалога с населением и заканчивая институциональными обязательствами перед обществом. Как писала музеолог М. Е. Каулен, «Последние годы XX века принесли ряд изменений во взгляды зарубежных музеологов на предмет и определение музееведения. Это было связано с выявившейся во всём мире второй половины XX века тенденцией к расширению круга объектов наследия, включаемых в сферу музейной деятельности. Повсеместный рост числа и удельного веса музеев, памятниковой основой деятельности которых становились не только движимые и недвижимые объекты, но среда в её целостности, включая нематериальные объекты наследия, поставил перед музеологией задачу теоретического осмысления этого процесса, пересмотра таких базовых понятий музееведения, как определения музея и музейного предмета»⁹⁵. Конструктивное решение данной задачи мировым учёным сообществом виделось в переходе от «музейной критики к критическому музею», способному уйти от элитарности и патриархальности и использовать свой культурный авторитет, свои коллекции и музейное пространство в интересах развития всего общества⁹⁶.

Музейный дискурс особенно широк был в Великобритании, которая по числу музеев на душу населения и их посещаемости в XX в. занимала положение музейного лидера, но вместе с тем переживала упадок музейной деятельности и стремилась к её

⁹⁴ Цит. по: Харрис Д. «Наша печаль, наше хрупкое мужество»: музеефикация и новая музеология / Дженнифер Харрис // Вопросы музеологии. — 2011. — № 1 (3). — С. 33

⁹⁵ Каулен М. Е. Роль музея в сохранении и актуализации нематериальных форм наследия / Мария Елисеевна Каулен // Культура памяти : сб. науч. ст. — М. : Древлехранилище, 2003. — С. 126.

⁹⁶ From Museum Critique to the Critical Museum / Katarzyna Murawska-Muthesius and Piotr Piotrowski (eds.). — Ashgate : Routledge, 2015. — 272 p.

обновлению⁹⁷. Во второй половине этого столетия среди английских музееведов (Альмы Виттлин, Чарльза Гиббс-Смита, Кеннета Хадсона и др.) разгорелась полемика о возрождении института музея, пересмотра его интеллектуальной программы и функций, в ходе которой отстаивались три основные концепции назначения музея: классическая как хранилища эталонов культуры, рассчитанного на учёных и знатоков, модернистская как развлекательное учреждение, не имеющее утилитарного значения, и просветительская как инструмент образования⁹⁸.

Разговор о прошлом и будущем музеев активно вёлся на страницах печатных изданий, например вышедшей в 1988 г. книги преподавателя Университетского колледжа Лондона Роберта Ламли «Музейная машина времени»⁹⁹, или сборника «Новая музеология», изданного год спустя под редакцией профессора кафедры истории и теории искусств Эссекского университета Питера Верго, благодаря которому выражение «новая музеология» прочно вошло в западный культурологический тезаурус¹⁰⁰. Как отмечала австралийский исследователь Дженнифер Харрис, «Новая музеология» стала ответом на «жёсткую критику музейного института вплоть до его полного развенчания», её программа «не просто придаёт особое значение социальной ответственности музеев, она направлена на обновление музея» и «растущую социальную вовлечённость музеев», на «фундаментальные изменения в самом музейном призвании» и даже переосмысление всего музейного института «как своеобразного общинного центра, где каждый может ожидать встречи с реальным течением жизни»¹⁰¹.

⁹⁷ *Abercrombie N.* Cultural Policy in the United Kingdom. — Paris : UNESCO, 1982. — 71 p.

⁹⁸ См.: *Кузьмина Е. Е.* Национальная культурная политика Великобритании и музеев / Елена Ефимовна Кузьмина. — М. : НИИ культуры, 1992. — С. 17–18.

⁹⁹ *Lumley R.* The Museum time-machine : putting cultures on display / Robert Lumley. — London ; New York : Routledge, 1988. — 241 p.

¹⁰⁰ *The New Museology* / Ed. by P. Vergo. — London : Reaktion Books Bath Press, 1989. — 230 p.

¹⁰¹ *Харрис Д.* «Наша печаль, наше хрупкое мужество»: музеефикация и новая музеология / Дженнифер Харрис // Вопросы музеологии. — 2011. — № 1 (3). — С. 31, 32, 35, 41.

В 1994 г. в Великобритании был основан академический «Международный журнал по изучению наследия» (*International Journal of Heritage Studies*), который стремился к более тесной интеграции *Heritage Studies* и *Museum Studies*, а также смежных с ними научных направлений, например таких, как развитие эпистемологической критики объективности в истории и исследование социальной (коллективной) памяти. В наследии и его основных хранителях — музеях увидели культурный и социальный феномен, который можно и нужно использовать как инструмент (просветительный, политический, экономический) развития культурной индустрии, социальных связей и отношений, гражданской и национальной идентичности, а также в качестве культурного механизма, обеспечивающего стабильность общества и государства. Как писала, например, в книге «Назначение культуры: туризм, музеи и наследие» Барбара Киршенблат-Гимблет, «наследие — это метод культурного производства, который даёт вторую жизнь в качестве экспозиции самого себя тому, что находится под угрозой или устарело»¹⁰².

В общем, развернувшаяся в конце XX в. дискуссия о прошлом способствовала не только «проблематизации наследия», но и изменению «взаимодействия с наследием»: от традиционной консервации и сохранения наиболее ценных его артефактов до активного включения его в орбиту настоящего. Наследие, традиции рассматривались в качестве квинтэссенции прошлого, актуальной в настоящем и будущем. Эмоциональные обсуждения «прошлого как чужой страны» перешли, по меткому замечанию доктора философии Беверли Батлер, в изучение наследия как «настоящего прошлого» и мощного ресурса для «создания будущего»¹⁰³. И хотя в начале XXI в. сочинения «отца изучения наследия» Дэвида Лоуэнталя и его единомышленников подверглись масштабной ревизии, примером чего является коллективная работа с говорящим

¹⁰² *Kirshenblatt-Gimblett B. Destination Culture: Tourism, Museums and Heritage / Barbara Kirshenblatt-Gimblett. — Berkeley: University of California Press, 1998. — P. 131–176; Киршенблат-Гимблет Б. Нематериальное наследие как метакультурное производство / Барбара Киршенблат-Гимблет // Вопросы музеологии. — 2013. — № 2 (8). — С. 8.*

¹⁰³ *Butler B. Heritage and the Present Past. In Handbook of Material Culture, ed. by C. Tilley, W. Keane, S. Küchler, M. Rowlands, and P. Spyer / Beverley Butler. — London: Sage, 2006. — P. 463.*

названием «Прошлое чужая страна — пересмотрено», да и сам он к этому времени во многом изменил свои взгляды¹⁰⁴, его труды вывели проблематику, связанную с наследием, на новый уровень историко-культурных и социально-политических исследований. В частности, получило развитие такое фундаментальное направление, как клирономия (от греческого слова κλιρονομία [klirónom'ja] или [клирономйа], означающего наследие), в центр которого была поставлена многогранная проблема сохранения историко-культурного наследия¹⁰⁵.

Параллельно формировалась методология исследований наследия. Наряду с использованием «классических» методов социально-гуманитарных наук, исследователи наследия разрабатывали собственный методологический аппарат. По мнению, например, А. В. Фелькер, Дж. Кармана и М.-Л. Стиг Сёренсен, методы исследования наследия условно можно разделить на несколько категорий: «методы работы с текстами (контент, дискурс-анализ и др.); методы исследования человеческого поведения и отношения к наследию (интервью, включённое наблюдение и др.); методы изучения материальных свойств наследия (включая семиотический анализ объектов)» и «методы изучения нематериальных (виртуальных) свойств наследия... Ряд методологических работ посвящён тому, как исследования памяти соотносятся с изучением наследия»¹⁰⁶.

¹⁰⁴ *Murphy A. B., Heffernan M., Price M., Harvey D., DeLyser D., Lowenthal D.* The past is a Foreign Country — Revisited / Alexander Murphy, Michael Heffernan, Marie Price, David Harvey, Dydia DeLyser, David Lowenthal // *The AAG Review of Books*. — 2017. — № 5 (3). — P. 201–214; *Lowenthal D.* The Past Is a Foreign Country — Revisited / David Lowenthal. — Cambridge, UK : Cambridge University Press, 2015.

¹⁰⁵ *Буйчик А. Г.* Клирономия — наука о сохранении культурного наследия. История развития мировоззрения, виды и уровни культурного наследия, направления его сохранения и клирономические науки / Александр Геннадиевич Буйчик. — Mauritius : LAP LAMBERT Academic Publishing, 2019. — 253 с.; *Buychik A.* The formation of klironomical thinking in the system of the social outlook / Alexander Buychik // *Eastern European humanitarian collection of mini monographs. Collection of Scientific Works. European Scientific e-Journal*. — 2021. — № 1 (7). — P. 103–148.

¹⁰⁶ *Фелькер А. В.* Исследования наследия и политики памяти — в поисках общих подходов / Анастасия Владимировна Фелькер // *Политическая наука*. — М., 2018. — № 3. — С. 32–33; См. также: *Carman J.*,

Большие изменения в области гуманитарного знания на рубеже XX–XXI вв. произошли также в России, где в течение почти всего прошлого столетия господствовало советское общественное знание, развитие которого остановилось на уровне «партийности литературы», заявленной Лениным ещё в 1905 г., внедрённой им же в 1917 г. и оборонявшей свои позиции от «буржуазной науки» в течение семидесяти лет. В постсоветской России было, с одной стороны, реабилитировано «антиреволюционное» творчество талантливых соотечественников, а с другой стороны, открыт широкий доступ к иностранной научной литературе, в том числе по истории, наследию, культурологии, что произвело своего рода революцию, а вернее сказать, контрреволюцию по отношению к большевистской культурной революции, объявившей марксизм-ленинизм единственно верным учением на свете.

Россия вновь открыла для себя труды Н. А. Бердяева¹⁰⁷, П. М. Бицилли¹⁰⁸, И. А. Ильина¹⁰⁹, Л. П. Карсавина¹¹⁰, П. Н. Милу-

Stig Sørensen M.-L. Heritage studies: an outline / John Carman, Marie Louise Stig Sørensen // Heritage studies. Methods and approaches. — London : Routledge, 2009 a. — P. 11–28; *Carman J., Stig Sørensen M.-L.* Introduction: making the means transparent: reasons and reflections / John Carman, Marie Louise Stig Sørensen // Heritage studies. Methods and approaches. — London : Routledge, 2009 b. — P. 3–10.

¹⁰⁷ *Бердяев Н. А.* Смысл истории / Николай Александрович Бердяев. — Берлин : Обелиск, 1923. — 268 с.; *Бердяев Н. А.* Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века / Николай Александрович Бердяев // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. — М. : Наука, 1990. — С. 43–271; *Бердяев Н. А.* Смысл творчества (Опыт оправдания человека) / Николай Александрович Бердяев. — М. : Г. А. Леман и С. И. Сахаров, 1916. — 358 с.

¹⁰⁸ *Бицилли П. М.* Трагедия русской культуры. Исследования. Статьи. Рецензии / Петр Михайлович Бицилли. — М. : Русский путь, 2000. — 607 с.

¹⁰⁹ *Ильин И. А.* О русской культуре / Иван Александрович Ильин // Собрание сочинений в 10 т. — М. : Русская книга, 1996. — Т. 6. — Кн. 2. — С. 373–620; *И. А. Ильин: Pro et contra. Личность и творчество Ивана Ильина в воспоминаниях, документах и оценках русских мыслителей и исследователей.* Антология. — СПб. : Русский Христианский гуманитарный институт, 2004. — 895 с.

¹¹⁰ *Карсавин Л. П.* Введение в историю (теория истории) / Лев Платонович Карсавин. — Пб. : Наука и школа, 1920. — 78 с.; *Карсавин Л. П.* Восток, Запад и русская идея / Лев Платонович Карсавин. — Пб.: Academia, 1922. — 80 с.; *Карсавин Л. П.* История европейской культуры : Библиография /

кова¹¹¹, П. А. Сорокина¹¹², Г. П. Федотова¹¹³ и других отечественных мыслителей. Откровением стали и многие зарубежные работы, перед которыми советская власть поставила мощный идеологический и пограничный шлагбаум. Как отмечала, например, заведующая сектором формирования и научной обработки фондов отдела редких книг Российской государственной библиотеки И. Л. Карпова: «В 1990-е гг. постсоветская наука и культура заново осваивали достижения Серебряного века, вновь стали широко известны полузабытые имена, особенно плодотворными были исследования на пересечении историко-филологической и искусствоведческой наук»¹¹⁴. Так, в конце XX в. были возвращены из небытия работы Вячеслава Иванова, считавшего, что «Культура — культ предков, <...> воскрешение отцов»¹¹⁵, или профессора истории И. М. Гревса, автора термина «культуроведение», который применялся им в музейной, краеведческой и экскурсионной работе¹¹⁶.

Лев Платонович Карсавин. — СПб. : СПбГУ, 1995. — 42 с.; *Степанов Б. Е.* Проблема достоверности в методологии истории культуры Л. П. Карсавина / Борис Евгеньевич Степанов // Достоверность и доказательность в исследованиях по теории и истории культуры. — М., 2002. — Кн. 1. — С. 183–215.

¹¹¹ *Милюков П. Н.* Очерки по истории русской культуры : в 3 т. и 4 кн. / Павел Николаевич Милюков. — М. : Прогресс, 1993–1995.

¹¹² *Сорокин П. А.* Основные черты русской нации в двадцатом столетии / Питирим Александрович Сорокин // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. — М. : Наука, 1990. — С. 463–489; *Сорокин П. А.* Современные социологические теории (включая первую четверть XX столетия) / Питирим Александрович Сорокин ; Пер. и сост. А. К. Конюхова и В. В. Сапова. — Сыктывкар : Анбур, 2020. — 912 с.

¹¹³ *Федотов Г. П.* Будет ли существовать Россия? / Георгий Петрович Федотов // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. — М. : Наука, 1990. — С. 450–462; *Федотов Г. П.* Национальное и вселенское / Георгий Петрович Федотов // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. — М. : Наука, 1990. — С. 444–449.

¹¹⁴ *Карпова И. Л.* Книговед Е. И. Яцунок: деятельность и творческое наследие / Ирина Леонидовна Карпова // Библиотекосведение. — 2017. — Т. 66, № 4. — С. 423.

¹¹⁵ Переписка из двух углов. Вячеслав Иванов — Михаил Гершензон // Наше наследие. — 1989. — № III (9). — С. 130.

¹¹⁶ *Гревс И. М.* Очередные задачи краевого культуроведения / Иван Михайлович Гревс // Краеведение. — 1928. — Т. V, № 6. — С. 368–376.

Теория и история культуры, находившиеся ранее на периферии гуманитарного знания России, прежде всего исторического и философского, вошли в число актуальных и востребованных направлений во многом благодаря новым мировоззренческо-методологическим основам и культурологическому подходу, при котором, во-первых, осмысление теории культуры стало «принципиально невозможно вне и помимо её хорошо известных “исторических” понятийных характеристик, таких как “традиция”, “наследие”, “памятник”, “культурная форма”, “культурно-исторический тип” и др.», а во-вторых, «сам исторический процесс как таковой одухотворяется, обретает всё более рельефные культурогенные очертания и ценностный мир»¹¹⁷.

Закрепилось представление о том, что понятие культуры не просто обогащает историческое знание, оно формирует саму историю как науку, в которой историк обращает внимание в первую очередь на культурно значимые события, факты и объекты (в том числе памятники культуры), такие, что задают тон и определяют смысловые характеристики той или иной эпохи. При этом «значимые результаты пройденных исторических этапов удерживаются в культуре в своих индивидуальных синтетических образованиях <...> не только в форме эксплицитно, явно данных источников (памятников культуры, документов и т. д.), но и в форме имплицитной, неявной, ментальной. Явные и неявные формы “осовремениваются” в процессе синтезирования. Культурный синтез, таким образом, историчен и конкретен», он «строится на основе волевого выбора исторических субъектов и всегда селективен»¹¹⁸. В 1976 г. был принят Закон СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры», оказавший, по мнению специалистов, «на правосознание советского общества влияние, которое трудно переоценить»¹¹⁹. Он касался

¹¹⁷ *Щученко В. А.* Теория истории культуры в контексте принципа «конкретного» историзма / Владимир Александрович Щученко // *Фундаментальные проблемы культурологии* : в 4 т. — СПб. : Алетей, 2008. — Том II: Историческая культурология. — С. 102.

¹¹⁸ *Щученко В. А.* Теория истории культуры в контексте принципа «конкретного» историзма / Владимир Александрович Щученко // *Фундаментальные проблемы культурологии* : в 4 т. — СПб. : Алетей, 2008. — Том II: Историческая культурология. — С. 104–105.

¹¹⁹ *Карпова И. Л.* Книговед Е. И. Яцунок: деятельность и творческое наследие / Ирина Леонидовна Карпова // *Библиотекосведение*. — 2017. — Т. 66, № 4. — С. 423–424.

не только монументальной культуры, но, например, и книжной, что позволило библиотекам страны в хранящихся у них старопечатных, редких и ценных изданиях увидеть книжные памятники и посвятить им ряд научных публикаций¹²⁰.

В последней трети XX в. вопрос о духовных измерениях и свершениях истории был расширен за счёт включения в исследовательское поле не только ярких выдающихся явлений и творений культуры, но и всех остальных, которые пусть и в меньшей степени, но также влияют на ход развития человечества. Во многом благодаря французской «Школе Анналов» утвердилось понимание того, что история и культура не сводятся лишь к шедеврам прошлого, что «объектное поле историко-культурного исследования не может быть редуцировано к выдающимся творениям духа», оно «должно включать все без исключения культурно-исторические артефакты, т. е. как выдающиеся “представляющие образцы” культуры, так и культуру повседневности»¹²¹.

В 1992 г. в Москве были созданы два крупных научных центра: Российский институт культурологии, «охвативший своими исследованиями всю систему культуры», и Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, призванный содействовать «научному обеспечению государственной культурной политики и региональных программ по сохранению и использованию национального наследия» в соответствии с Конвенцией ЮНЕСКО «Об охране Всемирного культурного и природного наследия» (1972)» путём разработки концепций и концептуальных основ планов управления российскими объектами Всемирного наследия

¹²⁰ Жаворонкова Е. Ю. Книжный памятник как объект формирования фонда крупной библиотеки : автореф. дис. ... канд. пед. наук по специальности «Библиотечное дело и библиографоведение» / Елена Юрьевна Жаворонкова. — М. : МГУК, 1998. — 16 с.; Самарин А. Ю. О редких книгах и книжных памятниках / Александр Юрьевич Самарин. — М. : Пашков дом, 2014. — 278 с.; Яцунок Е. И. Книжные памятники в культурном наследии России: современное состояние и проблемы / Екатерина Ивановна Яцунок. — М. : Пашков дом, 2008. — 154 с.

¹²¹ Щученко В. А. Теория истории культуры в контексте принципа «конкретного» историзма / Владимир Александрович Щученко // Фундаментальные проблемы культурологии : в 4 т. — СПб. : Алетей, 2008. — Т. II: Историческая культурология. — С. 109–110.

ЮНЕСКО и отечественными памятниками, отобранными для новых номинаций Списка всемирного наследия, а также участия в общеевропейском проекте Совета Европы «Европейские дни наследия»¹²².

Деятельность указанных исследовательских институтов, объединённых в 2014 г. в одно научное учреждение, изменила к лучшему доставшуюся постсоветской России проблемную ситуацию в области изучения культуры и наследия, которое в советскую эпоху заменялось идеологией и направлялось «на решение актуальных проблем современности», связанных с развитием социалистической культуры, теории и практики научного коммунизма¹²³. Неудивительно, что лишь в конце XX в. отечественные учёные заговорили о существовании проблемы «отсутствия единой научно обоснованной точки зрения на историко-культурное наследие» и важности её теоретического и практического решения¹²⁴. Культуролог, доктор философских наук А. Я. Флиер отмечал: «Интерпретация национального культурного наследия является очень

¹²² Наука о культуре. К 90-летию Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва / Отв. ред. С. Ю. Житенёв. — М. : Институт Наследия, 2022. — С. 78, 114; *Филатова Н. В.* Отдел Всемирного наследия и международного сотрудничества / Надежда Владимировна Филатова // Культурологический журнал. — 2022. — № 2 (48). — URL: <http://cr-journal.ru/> (дата обращения: 15.12.2023); *Филатова Н. В.* Анализ актуального законодательства по охране и использованию всемирного культурного и природного наследия государств-участников СНГ, подписавших решение о Базовой организации, заключённых между ними двухсторонних и многосторонних соглашений в этой области, а также зарубежного опыта регулирования сферы сохранения и использования всемирного культурного и природного наследия. — Интернет-номер / Регистрационный номер РИД 62212260095-3; Регистрационный номер НИОКТР АААА-А16-116120610009-9.

¹²³ Из истории охраны и использования культурного наследия РСФСР : сб. науч. тр. — М. : НИИ культуры, 1987. — С. 5–6. См. также: *Баллер Э. А.* Культурное наследие и коммунизм / Элезар Александрович Баллер. — М. : Знание, 1968. — 30 с.; *Ковалёв С. М.* Социализм и культурное наследие / Сергей Митрофанович Ковалёв. — М. : Знание, 1967. — 32 с.

¹²⁴ *Боярский П. В.* Введение в памятниковедение / Пётр Владимирович Боярский. — М. : Советский фонд культуры ; НИИ культуры, 1990. — С. 17.

сложной задачей, поскольку полностью зависит от господствующей в стране политической идеологии. Все прекрасно понимают, что с позиций идеологии революционного марксизма или с позиций идеологии консервативного охранительства любой памятник будет оценён по-разному»¹²⁵.

Начался взаимосвязанный процесс, направленный, во-первых, на конструктивный пересмотр советской мемориальной политики, которая, по мнению культуролога А. В. Святославского, «свела мемориальную культуру к *пропаганде* собственных ценностей и героев», в результате чего «произошло невиданное доселе по масштабам (хотя отчасти имевшее место и прежде) развитие *мифологизаторской* функции памятника, почти вытесняющей собственно мемориальную функцию»¹²⁶, во-вторых, на подготовку новых правовых актов, частью которой стало принятие в 2002 г. Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», и, в-третьих, на разработку философских основ наследия.

Так, профессор И. В. Кондаков, рассматривая в теоретическом плане культурное наследие «как архитектонику разных смысловых слоёв: актуального, потенциального, “снятого” наследия и “архива” наследия», объяснял: «*Актуальное наследие* находится на поверхности реальной культуры и постоянно востребовано современниками (их большинством); *потенциальное наследие* располагается в глубине культурной памяти и “всплывает” на поверхность, когда обращение к актуальному культурному наследию оказывается недостаточным. Потенциальное наследие представляет собой глубинные структуры культуры и может быть названо культурным “подсознанием” эпохи. *Снятое* наследие целиком принадлежит прошлому, являясь, с точки зрения современности, явным анахронизмом»; <...> Наконец, на самом “дне” культурной памяти находится *архив наследия*, практически невостребованный, непонятый, забытый, нуждающийся в научной реконструкции

¹²⁵ *Флиер А. Я.* Феномен культурного наследия: критерии идентификации / Андрей Яковлевич Флиер // Культурное наследие — от прошлого к будущему : научное издание. — М. ; СПб. : Институт Наследия, 2022. — С. 9.

¹²⁶ *Святославский А. В.* Памятник в России / Алексей Владимирович Святославский // Культура памяти : сб. науч. ст. — М. : Древлехранилище, 2003. — С. 67.

и переосмыслении»¹²⁷. Наряду с этими видимыми слоями культурного наследия И. В. Кондаков обнаружил ещё один «невидимый» и как бы несуществующий, “нулевой” слой смыслов и культурных значений, впрочем, нередко выступающий на передний план восприятия и оценки. Это — “мнимое наследие”, располагающееся в культуре как бы “по ту сторону” от наследия действительного, в другой смысловой плоскости по сравнению с действительностью (гипотетической, неverifiedируемой)¹²⁸. Однако именно оно в конце XX — начале XXI в. стало предметом пристального внимания мирового научного и экспертного сообщества.

В 2012 г. по началом Гётеборгского университета возникла международная Ассоциация критических исследований наследия (Association of Critical Heritage Studies — ACHS), учредителем-председателем которой стала директор Центра наследия и музейных исследований Школы археологии и антропологии Австралийского национального университета в Канберре Лораджейн Смит, получившая широкую известность такими своими работами, как «Использование наследия», «Нематериальное наследие», «Наследие, труд и рабочие классы»¹²⁹. Л. Смит является также редактором выпускаемого Ассоциацией критических исследований наследия «Международного журнала исследований наследия» (International Journal of Heritage Studies) и генеральным соредактором публикаций под грифом «Ключевые вопросы культурного наследия» (Key Issues in Cultural Heritage).

Издания Лораджейны Смит вместе с другими научными журналами (например, *Heritage and Society* / «Наследие и общество», *Heritage and Identity* / «Наследие и идентичность») играют роль

¹²⁷ Кондаков И. В. Культурное наследие: действительное и мнимое / Игорь Вадимович Кондаков // Вестник РГГУ. Сер.: История. Филология. Культурология. Востоковедение. — 2016. — № 2 (11). — С. 9–10.

¹²⁸ Там же — С. 10

¹²⁹ *Smith L. Uses of Heritage* / Laurajane Smith. — London ; New York : Routledge, 2006. — 351 p.; *Smith L., Akagawa N. Intangible Heritage* / Laurajane Smith, Natsuko Akagawa. — London ; New York : Routledge ; Taylor & Francis, 2008. — 336 p.; *Smith L., Shackel P. A., Campbell G. Heritage, Labour and the Working Classes* / Laurajane Smith, Paul Shackel, Gary Campbell. — London ; New York : Routledge, 2011. — 303 p.

важной интеллектуальной площадки для широкого междисциплинарного дискурса по вопросам культурного наследия, концептуальным подходам к его определению и изучению в национальном, региональном и локальном контекстах Европы, Азии, Америки, Африки, этики наследия, его культурному, политическому, экономическому влиянию на современное общество. Как подчёркивали К. Джентри и Л. Смит, отличие «критических исследований наследия» от обыкновенных тривиальных «исследований наследия» заключается в стремлении «выйти за рамки традиционного сосредоточения исследований наследия на технических вопросах управления и практики, уделяя особое внимание культурному наследию как политическому, культурному и социальному феномену», а также «отношениям власти, которые сформировались и функционируют благодаря использованию наследия»¹³⁰.

В рамках «Critical Heritage Studies», а также других новых социально-гуманитарных научных дисциплин — «Memory Studies», «New cultural History», «Public History» — в мире развернулся новый дискурс наследия, состоявший из двух пластов: «авторизованного дискурса наследия / authorised heritage discourse», под которым понималось некритическое консервативное восприятие наследия, его неотъемлемой ценности, смысла, материальности, и «неавторизованного дискурса наследия», включавшего инициированные массами «альтернативные и маргинальные дискурсы наследия / subaltern and dissenting heritage discourses»¹³¹. По мнению К. Джентри и Л. Смита, «проводимые в рамках авторизованного дискурса о наследии официальные формы наследия, как правило, воспроизводят устоявшиеся социальные иерархии, однако они могут быть оспорены альтернативными проявлениями наследия и идентичности со стороны субнациональных интересов»¹³².

Побудительными мотивами дискурса критических исследований наследия было, с одной стороны, отсутствие однозначного

¹³⁰ Gentry K., Smith L. Critical Heritage Studies and the Legacies of the Late-twentieth Century Heritage Canon / Kynan Gentry, Laurajane Smith // International Journal of Heritage Studies. — 2019. — Vol. 25. — Is. 11. — P. 1148.

¹³¹ Smith L. Uses of Heritage / Laurajane Smith. — London ; New York : Routledge, 2006. — 351 p.

¹³² Gentry K., Smith L. Critical Heritage Studies and the Legacies of the Late-twentieth Century Heritage Canon / Kynan Gentry, Laurajane Smith // International Journal of Heritage Studies. — 2019. — Vol. 25. — Is. 11. — P. 1148.

понимания наследия и основных его характеристик, а с другой стороны, осознание роли наследия не только в репрезентации национальной истории и закреплении идеализированного представления о её величии, но и в качестве отправного фактора и катализатора перемен¹³³. Обсуждение прошлого в контексте и с точки зрения потребностей настоящего вернуло учёных к обсуждению концепции исторического времени и пониманию важности решения проблемы «наследие сквозь призму времени», которая в той или иной мере стала ключевой для большинства участников дискурса, стремившихся понять, «каков вклад времени и его восприятия в определении наследия», правильно ли при «анализе процесса наследования оценивать прошлое в терминах настоящего, применять ценности настоящего в качестве критериев для оценки объектов прошлого» и «как ЮНЕСКО определяет культурное наследие, используя понятие времени?»¹³⁴

¹³³ *Lumley R.* The Debate on Heritage Reviewed / Robert Lumley // *Heritage, Museums and Galleries: An Introductory Reader* / G. Corsane (ed.). — Aldershot : Ashgate, 2008. — P. 15–26; *Sterling C.* Critical Heritage and the Posthumanities: Problems and Prospects / Colin Sterling // *International Journal of Heritage Studies*. — 2020. — Vol. 26. — Is. 11. — P. 1077–1091; *Stig Sørensen M. L., Carman J.* Heritage Studies: An Outline / Marie Louise Stig Sørensen and John Carman // *Heritage Studies: Methods and Approaches* / M. L. Stig Sørensen, J. Carman (eds.). — L. ; N. Y. : Routledge, 2009. — P. 11–28; *Tolia-Kelly D.P., Waterton E., Watson S.* Heritage, Affect and Emotion: Politics, Practices and Infrastructures / Divya Praful Tolia-Kelly, Emma Waterton, Steve Watson. — L. ; N. Y. ; Routledge, 2016. — 338 p.; *Waterton E., Watson S.* Framing Theory: Towards a Critical Imagination in Heritage Studies / Emma Waterton, Steve Watson // *International Journal of Heritage Studies*. — 2013. — Vol. 19. — Is. 6. — P. 546–561; *Winter T.* Clarifying the Critical in Critical Heritage Studies / Tim Winter // *International Journal of Heritage Studies*. — 2013. — Vol. 6, No. 19. — P. 532–545; *Witcomb A., Buckley K.* Engaging with the Future of ‘Critical Heritage Studies’: Looking Back in Order to Look Forward / Andrea Witcomb, Kristal Buckley // *International Journal of Heritage Studies*. — 2013. — Vol. 6, No. 19. — P. 562–578; *Understanding Heritage: Perspectives in Heritage Studies* / Eds. by M.-Th. Albert, R. Bernecker, B. Rudolff. — Berlin : De Gruyter, 2013. — 200 p.

¹³⁴ *Poddubnykh T.* Heritage as a Concept through the Prism of Time / Tatiana Poddubnykh // *Social Evolution & History*. — 2015. — Vol. 14, № 2. — P. 113–115.

В масштабном исследовании «История и время. В поисках утраченного» И. М. Савельева и А. В. Полетаев указывали: «Рассматривая эволюцию исторического времени, можно отметить, что до середины XVIII в. историю пытались писать исключительно с позиций наблюдателя», от которого «требовалось лишь установить характер и очерёдность событий, т. е. “заполнить” историческое время, и, будучи однажды расположена во времени, история прошлого не должна была претерпевать никаких изменений», но потом «история была темпорализована в том смысле, что, благодаря течению времени, она изменялась в соответствии с данным настоящим, и по мере дистанцирования изменялась также природа прошлого. Как следствие, история теперь происходит не *во* времени, а *через* время. В XX в. эту мысль чётко сформулировал Ж.-П. Сартр: “Мы должны понять, что ни люди, ни их действия не находятся *во времени*: время, как конкретное свойство истории, создается людьми на основе их изначального времяполагания (temporalisation)”»¹³⁵.

Новый взгляд на «историю и время» привёл к тому, что при решении задач, связанных с современностью, приоритетное значение, как отмечал, например, британский урбанист Грегори Дж. Эшворт, стало отдаваться исследованию процесса трансформации истории в «историческое наследие» и множественности форм его использования¹³⁶. В результате некогда единая научная дисциплина по исследованию наследия (Heritage Studies), центральной проблемой которой был анализ того, «каким образом прошлое, понимаемое как комплекс объектов и смыслов, используется в настоящем», постепенно разделилась на несколько взаимосвязанных направлений: критических исследований наследия

¹³⁵ Савельева И. М., Полетаев А. В. История и время. В поисках утраченного / Ирина Максимовна Савельева, Андрей Владимирович Полетаев. — М. : Языки русской культуры, 1997. — С. 92–93; Сартр Ж.-П. Проблемы метода / Жан-Поль Сартр ; Пер. с фр. — М. : Прогресс, 1994. — С. 113.

¹³⁶ Эшворт Г. Дж. От истории к наследию, от наследия к идентичности: в поисках понятий и мод / Грегори Джон Эшворт // Неприкосновенный запас. — М. : Новое литературное обозрение, 2017. — № 4. — С. 154–171; Ashworth G. J. From History to Heritage — From Heritage to Identity: In Search of Concepts and Models / Gregory John Ashworth // Ashworth G. J., Larkham P. J. (Eds.). Building a New Heritage: Tourism, Culture and Identity in the New Europe. — London : Routledge, 1994. — P. 13–30.

(Critical Heritage Studies»), политики (охраны) наследия (Heritage Policies), управления наследием (Heritage Management), законодательства в области наследия (Heritage Legislation) и некоторых других¹³⁷.

Их представители активно участвовали в критическом дискурсе наследия, который касался вопросов эвристического потенциала и смыслов наследия, методологии изучения и практик работы с ним, «тёмного прошлого» и «проблемного, диссонансного» наследия, критериев отбора объектов наследия, проблематизации различных способов его сохранения и актуализации, расширения темпоральных границ за счёт включения современных объектов, роли наследия в формировании национальной идентичности и др.¹³⁸ Если ранее памятниками считали древние сооружения и артефакты особой культурной ценности и красоты, свидетельствующие о великих достижениях человечества, то в новейшую эпоху к памятникам

¹³⁷ Фелькер А. В. Исследования наследия и политики памяти — в поисках общих подходов / Анастасия Владимировна Фелькер // Политическая наука. — М. : ИНИОН РАН, 2018. — № 3. — С. 32–52.

¹³⁸ Gentry K., Smith L. Critical Heritage Studies and the Legacies of the Late-twentieth Century Heritage Canon / Kynan Gentry, Laurajane Smith // International Journal of Heritage Studies. — 2019. — Vol. 25. — Is. 11. — P. 1148–1168; Gentry K. “The Pathos of Conservation”: Raphael Samuel and the politics of Heritage / Kynan Gentry // International Journal of Heritage Studies. — 2015. — Vol. 21 (6). — P. 561–576; Harrison R. Heritage. Critical Approaches / Rodney Harrison. — London : Routledge, 2013. — 268 p.; Heritage, Ideology, and Identity in Central and Eastern Europe: Contested Pasts, Contested Presents / M. Rampley, P. G. Stone, P. Davis, C. Whitehead (eds.). — Woodbridge : Boydell & Brewer, Boydell Press, 2012. — 216 p.; Koziol C. Historic Preservation Ideology: A Critical Mapping of Contemporary Heritage Policy Discourse / Christopher Koziol // Preservation Education and Research. — 2008. — Vol. 1. — P. 41–84 / Сокр. пер.: Козел К. Идеология охраны памятников истории: критический анализ структуры дискурса современной политики исторического наследия / Кристофер Козел // Неприкосновенный запас. — М. : Новое литературное обозрение, 2017. — № 4. — С. 172–187; Logan W., Kockel U., Craith M. N. The New Heritage Studies: Origins and Evolution, Problems and Prospects / William Logan, Ullrich Kockel, Mairead Nic Craith // A Companion to Heritage Studies / W. Logan, M. N. Craith, U. Kockel (eds.). — Chichester : John Wiley & Sons, 2016. — P. 1–26; Tunbridge J. E., Ashworth G. J. Dissonant heritage: The management of the past as a resource in conflict / John E. Tunbridge, Gregory John Ashworth. — Chichester ; N. Y. : John Wiley, 1994. — 299 p.

стали порой относить типичные образцы повседневной культуры недавнего прошлого. Как писал вильнюсский историк С. Стурейко, «тема охраны памятников в привычном смысле стремительно маргинализуется», что говорит об «острой необходимости кардинального концептуального поворота в подходах к наследию. Нам нужен подход, который опирался бы не на слепую веру в драгоценное прошлое и копирование уже существующих практик, а прежде всего на собственные новые исследования»¹³⁹.

Обширное междисциплинарное поле научных дисциплин о наследии, памятниках и в целом наук о культуре привело к «трансформации понимания наследия как объекта к наследию как социальному действию и наследию как процессу»¹⁴⁰. В наследии увидели не только комплекс особо ценных историко-культурных и природных, материальных и нематериальных объектов, подлежащих охране и реставрации, но и многогранный широкий культурно-демократический процесс, связанный с исторической политикой, политикой памяти и репрезентации прошлого, а также многими современными социальными институтами и формами деятельности, например туризмом, просвещением, градостроительством, менеджментом¹⁴¹. Незыблемое, традицион-

¹³⁹ *Стурейко С. А.* Критические исследования наследия как альтернатива академической рутине / Степан Андреевич Стурейко // Неприкосновенный запас. — М.: Новое литературное обозрение, 2017. — № 4. — С. 200.

¹⁴⁰ *Колесник А. С., Русанов А. В.* Наследие-как-процесс: дискуссии о концепте культурного наследия в современных социальных и гуманитарных науках / Александра С. Колесник, Александр В. Русанов // Вестник Пермского университета. История. — 2022. — № 3 (58). — С. 58.

¹⁴¹ *Ashworth G. J., Larkham P. J.* (eds.). Building a New Heritage: Tourism, Culture and Identity in the New Europe / Gregory John Ashworth & Peter J. Larkham. — London : Routledge, 1994. — 278 p.; *Assmann A.* Der lange Schatten der Vergangenheit. Erinnerungskultur und Geschichtspolitik / Aleida Assmann. — München : Verlag C. H. Beck, 2006. — 320 s.; *Ассман А.* Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / Алейда Ассман ; Пер. с нем. Б. Хлебникова. — 2-е изд. — М.: Новое литературное обозрение, 2018. — 328 с.; *Ассман А.* Забвение истории — одержимость историей / Алейда Ассман ; Пер. с нем. Б. Хлебникова. — М.: Новое литературное обозрение, 2019. — 552 с.; *Assmann J.* Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen / Jan Assmann. — München : Verlag C. H. Beck, 1992. — 344 s.; *Ассман Я.* Культурная память.

ное, довольно статичное представление о культурном наследии, определяемом политической элитой, органами государственной власти и управления, сменилось пониманием его в качестве подвижного изменчивого определения, детерминируемого значимыми для разных слоёв населения социальными практиками и действиями («Social Action»)¹⁴².

Если раньше к наследию причисляли «лишь деяния великих, ибо на историю право давали лишь кровь, рождение и подвиг»¹⁴³, то в современном мире многое стало иначе. Утвердилось понимание того, что наследие относится не только к мёртвому прошлому, но и живому настоящему, что оно принадлежит не только старшему поколению, но и молодому. Было признано наличие большого числа обыденных артефактов, предметов, памятных знаков и мест, связанных, например, с популярной музыкой, любительским театром, анимацией, кино и т. д., которые образуют, по словам профессора Лораджейн Смит, современный «неавторизованный дискурс наследия» и воспринимаются разными сообществами и социальными группами в качестве его неофициальных форм. Было заявлено о существовании альтернативного провластной элите демократического народного наследия. Представители критических исследований наследия пошли на поводу «массовой культуры», участники

Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Ян Ассман ; Пер. с нем. М. М. Сокольской. — М. : Языки славянской культуры, 2004. — 368 с.; *Assmann A. Geschichte im Gedächtnis / Aleida Assmann.* — München : Verlag C. H. Beck, 2014. — 224 s.; *Graham B., Ashworth G. J., Tunbridge J. E. A Geography of Heritage: Power, Culture and Economy / Brian Graham, Gregory Ashworth, John Tunbridge.* — London : Arnold ; New York : Oxford University Press, 2000. — 284 p.; *Samuel R. Theatres of Memory: Past and Present in Contemporary Culture / Raphael Samuel.* — London : Verso, 1994. — 508 p.; *Мадхаван К.* Палат. История и память / Кежкпат Палат Мадхаван // Идеи и идеалы. — Новосибирск : Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИИХ» ; Новосибирский государственный технический университет, 2011. — № 4. — С. 56–69.

¹⁴² *Byrne D. Heritage as Social Action / Denis Byrne // The Heritage Reader / G. Fairclough, R. Harrison, J. Jameson Jr., J. Schofield (eds.).* — L. ; N. Y. : Routledge, 2008. — P. 149–173.

¹⁴³ *Фуко М.* Интеллектуалы и власть. Избранные политические статьи, выступления и интервью / Мишель Фуко ; Пер. с фр. С. Ч. Офертаса. — М. : Праксис, 2002. — С. 267.

которой на рубеже XX–XXI вв. поставили вопрос о праве на своё «массовое наследие».

Это привело, по сути, к безграничному расширению и размыванию понятия «наследия»: от древних памятников, музейных и библиотечных собраний, исторических реликвий и хранимых коллективной памятью значимых событий до маркетингового продукта коммерческой индустрии¹⁴⁴. В результате в целом ряде стран культурное наследие стало ассоциироваться уже не только с одобренными верховной властью ценностями, историко-культурными памятниками и государственной политикой по их сохранению, но и с практикой отнесения к наследию образцов массовой повседневной культуры недавнего прошлого, что объяснялось признанием важности не только истории власти и государства, но и народа, не только элитарной, «высокой» культуры (в духе определения Мэтью Арнольда: лучшее, что есть в мире¹⁴⁵), но и культуры рядового человека как представителя широких масс населения и актора народного наследия.

В поле западного интеллектуального диалога о наследии, особенно критических исследований наследия, было введено понятие «неофициального наследия»¹⁴⁶, которое выражает не классические, утверждённые властью образы и образцы культуры, а её демократические, неофициальные, значимые для широких социальных слоёв формы и объекты массовой культуры и альтернативной истории, например народные (самодельные) мемориалы,

¹⁴⁴ См.: *Ashworth G. J.* From History to Heritage – From Heritage to Identity: In Search of Concepts and Models / Gregory John Ashworth // G. J. Ashworth, P. J. Larkham (eds.). *Building a New Heritage: Tourism, Culture and Identity in the New Europe.* – London : Routledge, 1994. – P. 13–30; *Hewison R.* The Heritage Industry: Britain in a Climate of Decline / Robert Hewison. – London : Methuen, 1987. – 159 p.

¹⁴⁵ *Arnold M.* Culture and Anarchy: an essay in political and social criticism / Matthew Arnold. – New York : Macmillan and Co., 1894. – 421 p.

¹⁴⁶ *Kolesnik A. S., Rusanov A. V.* Cultural Heritage in Russian Public Memorial Practices / Alexandra S. Kolesnik, Aleksandr V. Rusanov // *Public History Weekly.* – 2021. – Т. 9, № 10. – URL: PublicHistoryWeekly.degruyter.com (дата обращения: 15.12.2023); *Kolesnik A. S., Rusanov A. V.* Heritage-As-Process And Its Agency: Perspectives Of (Critical) Heritage Studies / Alexandra S. Kolesnik, Aleksandr V. Rusanov; Препринт. – М. : НИУ ВШЭ, 2020. – № 198. – 16 p.

фамильные архивы, коллекции, общественные музеи, галереи «наивных» (интуитивных, «инсайтных») художников, музыкальные рок-клубы, неформальные знаки и памятные места, посвящённые популярным актёрам, певцам, музыкантам и спортсменам¹⁴⁷. В России подобные формы массовой культуры и объекты наследия, согласно профессору И. В. Кондакову, называют мнимыми, вызванными искусственным раздуванием их ценности и «принципиальным неразличением огромным большинством реципиентов современной культуры *художественности* и *информативности*, а вместе с тем и искусства и документа, с одной стороны, искусства и его суррогата, китча — с другой. Эстетическое содержание текстов культуры незаметно замещается то сенсационностью, то спекулятивной актуальностью, то модой, то популярностью, то нормативностью»¹⁴⁸.

Процесс концептуализации понятия «неофициальное культурное наследие», выявления его специфики и форм, определения границ, отделяющих его от официально признанного культурного наследия, тесно связан со становлением новой теории «социального измерения наследия», которая, с одной стороны, оправдывает широкую демократизацию наследия, подвижность его границ за счёт включения в него памятников массовой повседневной культуры, а с другой стороны, возлагает ответственность за его сохранение уже не только на специалистов (экспертов) органов государственной власти и управления, но и «широкие круги»

¹⁴⁷ См., например: *Weiglhofer M., McCully A., Bates J.* Learning about conflict: the role of community museums in educating on difficult heritage in a divided society / Magdalena Weiglhofer, Alan McCully & Jessica Bates // *International Journal of Heritage Studies*. — 2023. — Т. 29. — Is. 5. — P. 365–381; *Jagodzinska K.* Museums lobbied by local communities: potential and actual place of the people in participatory museums of local history / Katarzyna Jagodzinska // *International Journal of Heritage Studies*. — 2023. — Т. 29. — Is. 5. — P. 467–486.

¹⁴⁸ *Кондаков И. В.* Культурное наследие: действительное и мнимое / Игорь Вадимович Кондаков // *Вестник РГГУ. Сер.: История. Филология. Культурология. Востоковедение*. — 2016. — № 2 (11). — С. 12. См. также: *Кондаков И. В.* Мнимости в культуре (К постановке проблемы) / Игорь Вадимович Кондаков // *Изучение и сохранение культурного наследия: Первая междунар. науч.-практ. конф. по культурологии: сб. науч. ст. и докладов*. — Н. Новгород : ННГАСУ, 2010. — С. 5–8.

общественности. Однако они, разделяя наследие на своё и чужое, нужное им и ненужное, превращают его, равно как и весь процесс наследования, в конфликтное поле, особенно в странах с пёстрой этнокультурной и социальной структурой. Всё это усугубляет проблему легитимизации культурного наследия и определения ценности его объектов, которая в условиях признания понятия «неофициального наследия» и резкого возрастания числа реальных и мнимых памятников становится всё более острой.

В результате у многих исследователей стали возникать вполне закономерные вопросы: какое и «чье наследие нужно сохранять?»¹⁴⁹ И «что в наследии является действительным и мнимым; каковы критерии и принципы их различения и отделения одного от другого; “от какого наследства мы отказываемся” и почему; что в наследии нужно охранять и спасать, а что — критиковать, изменять и уничтожать...»¹⁵⁰. И не пришло ли время для «возрождения духовного “аристократизма” — норм поведения, образования, нравственности, выработанных прошлыми поколениями» и возвращения «золотого века» человечества?¹⁵¹ Но это вряд ли возможно в современных условиях господства массовой культуры и свободной интерпретации любого артефакта в качестве объекта наследия.

В общей сложности, как верно подметил эксперт по наследию, преподаватель вильнюсского Европейского гуманитарного университета С. А. Стурейко, «понятие наследия пережило за последние 20 лет стремительную эволюцию, перейдя из глоссария наук о прошлом в разряд социологического факта и став важным элементом антропологии современности», более того, «наследие становится предметом такой же широкой рефлексии, как продукты популярной культуры и её потребители, оно само уже стало эле-

¹⁴⁹ *Tunbridge J. E.* Whose Heritage to Conserve? Cross-Cultural Reflections on Political Dominance and Urban Heritage Conservation / John E. Tunbridge // *Canadian Geographer*. — 1984. — № 26. — P. 171–180.

¹⁵⁰ *Кондаков И. В.* Культурное наследие: действительное и мнимое / Игорь Вадимович Кондаков // *Вестник РГГУ. Сер.: История. Филология. Культурология. Востоковедение*. — 2016. — № 2 (11). — С. 13–14.

¹⁵¹ *Марков Б. В.* Цивилизационное развитие России: наследие и проекты / Борис Васильевич Марков // *Культурное наследие — от прошлого к будущему : научное издание*. — М. ; СПб. : Институт Наследия, 2022. — С. 169.

ментом массовой культуры»¹⁵². Поэтому кажется вполне логичным появление в тексте Среднесрочной стратегии ЮНЕСКО на новый восьмилетний период (2022–2029) задачи «охраны и продвижения разнообразия наследия и культурного [само]выражения», направленной на формирование «культурного контента во всём его многообразии», что, по мысли профессора Д. Л. Спивака, «приравнивает культурное наследие к культуре в целом»¹⁵³.

Такие концептуальные изменения связаны с новым подходом к пониманию наследия, который опирается не только и не столько на классические исторические методы исследования, сколько на методологию современных социальных наук. Актуальность данного подхода определяется стоящими перед наследием угрозами и вызовами, связанными, например, с глобализацией, мультикультурализмом, целостностью культурного наследия, защитой культурного наследия малых коренных народов¹⁵⁴, вооружёнными конфликтами¹⁵⁵, экономическими кризисами, интересами устой-

¹⁵² Стурейко С. А. Критические исследования наследия как альтернатива академической рутине / Степан Андреевич Стурейко // Неприкосновенный запас. — М. : Новое литературное обозрение, 2017. — № 4. — С. 212.

¹⁵³ Спивак Д. Л. Диалог наследий в культурной стратегии ЮНЕСКО / Дмитрий Леонидович Спивак // Культурологический журнал. — 2023. — № 2 (52). — URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/614.html&j_id=56. (дата обращения: 15.12.2023).

¹⁵⁴ Ashworth G., Tunbridge J., Graham B. Pluralising Pasts: Heritage, Identity and Place in Multicultural Societies / Gregory Ashworth, John Tunbridge. — London : Pluto Press, 2007. — 236 p.; Gentry K. History, heritage and localism / Kynan Gentry // Policy Studies. — 2013. — № 34 (5–6). — P. 508–522; Grey S., Kuokkanen R. Indigenous Governance of Cultural Heritage: Searching for Alternatives to Comanagement / Sam Grey, Rauna Kuokkanen // International Journal of Heritage Studies. — 2020. — Vol. 26. — Is. 10. — P. 919–941; Labadi S., Long C. Heritage and Globalisation / Sophia Labadi, Colin Long. — London ; New York : Routledge; Taylor & Francis, 2010. — 248 p.; Ochoa Jiménez M. J. Der Schutz materieller Kulturgüter in Lateinamerika: universelles, regionales und nationales Recht / Maria Julia Ochoa Jiménez. — Göttingen : Universitätsverlag Göttingen, 2011. — 170 s.; Tunbridge J. E. Whose Heritage to Conserve? Cross-Cultural Reflections on Political Dominance and Urban Heritage Conservation / John E. Tunbridge // Canadian Geographer. — 1984. — № 26. — P. 171–180.

¹⁵⁵ Foradori P. Protecting cultural heritage during armed conflict: the Italian contribution to “cultural peacekeeping” / Paolo Foradori // Modern Italy. — 2016. — № 22 (1). — P. 1–17; Lostal M. International Cultural Heritage

чивого развития и менеджмента¹⁵⁶, незаконным оборотом памятников истории и культуры, коммерциализацией, маркетизацией наследия, курсом на развитие массового туризма¹⁵⁷ и «потребление прошлого»¹⁵⁸. Как отмечала в работе «Историческая память в контексте культурного наследия» доктор исторических наук,

Law in Armed Conflict: Case-Studies of Syria, Libya, Mali, the Invasion of Iraq, and the Buddhas of Bamiyan / Marina Lostal. — Cambridge : Cambridge University Press, 2017. — 198 p.

¹⁵⁶ *Graham B., Ashworth G. J., Tunbridge J. E.* A Geography of Heritage: Power, Culture and Economy / Brian Graham, Gregory Ashworth, John Tunbridge. — London : Arnold ; New York : Oxford University Press, 2000. — 284 p.; *Tolia-Kelly D.P., Waterton E., Watson S.* Heritage, Affect and Emotion: Politics, Practices and Infrastructures / Divya Praful Tolia-Kelly, Emma Waterton, Steve Watson. — L. ; N. Y. ; Routledge, 2016. — 338 p.; *Tunbridge J. E., Ashworth G. J.* Dissonant heritage: The management of the past as a resource in conflict / John E. Tunbridge, Gregory John Ashworth. — Chichester ; N. Y. : John Wiley, 1994. — 299 p.

¹⁵⁷ *Ashworth G. J., Larkham P. J.* (eds.). Building a New Heritage: Tourism, Culture and Identity in the New Europe / Gregory John Ashworth & Peter J. Larkham. — London : Routledge, 1994. — 278 p.

¹⁵⁸ *Groth S., Bendix R. F., Spiller A.* (Hrsg.) Kultur als Eigentum: Instrumente, Querschnitte und Fallstudien / Stefan Groth, Regina F. Bendix, Achim Spiller. — Göttingen : Universitätsverlag Göttingen, 2015. — 444 s.; *Heinich N.* La fabrique du patrimoine: De la cathédrale à la petite cuillère / Nathalie Heinich. — Paris : Editions de la Éditions de la Maison des Sciences de l'Homme (MSH), 2009. — 286 p.; *Hewison R.* The Heritage Industry: Britain in a Climate of Decline / Robert Hewison. — London : Methuen, 1987. — 159 p.; *Kirshenblatt-Gimblett B.* Intangible Heritage as Metacultural Production / Barbara Kirshenblatt-Gimblett // Museum International. — 2014. — № 66 (1–4). — P. 163–174; *Lixinski L.* Commercializing Traditional Culture: Promises and Pitfalls in the Convergence of Intellectual Property Law and Cultural Heritage Law / Lucas Lixinski // Annali Italiani Del Diritto d'autore, Della Cultura e Dello Spettacolo. — 2020. — № 29. — P. 298–314; *Lixinski L.* International Heritage Law and the Market / Lucas Lixinski // International Heritage Law for Communities. — 2019. — № 3 (2). — P. 127–167; *Pfeilstetter R.* Heritage Entrepreneurship. Agency-Driven Promotion of the Mediterranean Diet in Spain / Richard Pfeilstetter // International Journal of Heritage Studies. — 2015. — № 21 (3). — P. 215–231; *Ryan J., Silvanto S.* A Brand for All the Nations: The Development of the World Heritage Brand in Emerging Markets / Jason Ryan, Sari Silvanto // Marketing Intelligence and Planning. — 2011. — № 29 (3). — P. 305–318; *Smith L.* Uses of Heritage / Laurajane Smith. — London ; New York : Routledge, 2006. — 368 p.

профессор Э. А. Шулепова, «представленная во многих социокультурных проектах проблема наследия, на наш взгляд, выглядит удручающе изолированно от собственного историко-культурного контекста, так как трактуется как совокупность пассивных факторов, не существенных для формирования прошлого и будущего. Культурный ряд в этих проектах нередко как бы конструируется заново в зависимости от исходной установки. Это можно наблюдать и в утопических проектах традиционалистов, и в модернистских проектах»¹⁵⁹.

Определённую озабоченность мирового научного сообщества вызывают и некоторые другие явления и процессы. Прежде всего, явное доминирование во многих странах англоязычного подхода к изучению, сохранению и использованию наследия, который был выработан в Великобритании и США¹⁶⁰. Их научные материалы и нормативные акты служили примером, задавая тон для многих стран, и по числу цитирований занимали лидирующие позиции, например, положения американского закона «Об охране памятников истории, имеющих национальное значение»: «1. Дух и прогресс Нации основывается и проявляется в её историческом наследии. 2. Исторические и культурные основы Нации должны быть сохранены как живой компонент существования и развития нашего общества; они должны служить ориентирами для американского народа. <...> 6. Рост знаний о нашем историческом наследии, выработка средств для лучшего его исследования и использования, а также поощрение его охраны будут содействовать экономическому росту и развитию страны»¹⁶¹.

Тревогу многих исследователей вызывает также активное и нескрываемое использование наследия в политических целях и интересах, основанную на глубоком знании учёными вандального

¹⁵⁹ Шулепова Э. А. Историческая память в контексте культурного наследия / Элеонора Александровна Шулепова // Культура памяти : сб. науч. ст. — М. : Древлехранилище, 2003. — С. 24.

¹⁶⁰ См.: The Palgrave handbook of contemporary heritage research / E. Waterton, S. Watson (eds.). — Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2015. — 586 p.

¹⁶¹ Домрин А. Н. Законодательство США об охране памятников национального значения / Александр Николаевич Домрин // Правовая охрана памятников истории и культуры в зарубежных странах : сб. науч. трудов. — М. : ИНИОН РАН, 2005. — С. 121–122.

опыта обращения с памятниками прошлого, особенно в периоды революций, войн и диктатур. На современном этапе политическое использование наследия как ядра культуры в форме «мягкой силы» или «гибкой власти» (soft power — термин Дж. Ная)¹⁶² хорошо видно на примере «незападных регионов» мира (Азии, Африки, Латинской Америки), а также Восточной Европы, где наднациональные институты Евросоюза при продвижении культурного наследия отдают приоритет его политическому потенциалу, закрепляющему общеевропейские идеи, смыслы и ценности, укрепляющему чувства европейской идентичности и объединяющему «Большую Европу» в транснациональном подходе к наследию¹⁶³.

В самом конце 2017 г. на Европейском культурном форуме в Милане 2018 год был объявлен Годом культурного наследия Европы с запланированными десятью основными инициативами по четырём направлениям (вовлечённость, устойчивость, защита, инновации) и заданными общеевропейскими рамками действий в области культурного наследия (European Framework for Action on Cultural Heritage), которые включали «совместную деятельность на европейском уровне, в частности, в политике и программах ЕС», а также «создание форума культурного наследия в качестве платформы для консультаций и обмена передовым опытом в области устойчивой политики и политики участия»¹⁶⁴. При этом основное внимание было обращено на использование объектов наследия в интересах политики закрепления европейской ментальности

¹⁶² *Nye J.* Soft Power: The Means to Success in World Politics/ Joseph Nye. — New York : Public Affairs Group, 2004. — 191 p.; *Най Дж.* Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике / Джозеф С. Най ; Пер. с англ. В. И. Супруна. — Новосибирск ; М. : Фонд социо-прогност. исслед. «Тренды», 2006. — 221 с.

¹⁶³ *Jakubowski A., Hausler K., Fiorentini F.* Cultural Heritage in the European Union: A Critical Inquiry into Law and Policy / Andrzej Jakubowski, Kristin Hausler, Francesca Fiorentini. — Leiden : Brill, 2019. — 472 p. См. также: *Murzyn M. A.* Heritage transformation in Central and Eastern Europe/ Monika A. Murzyn // The Ashgate research companion to heritage and identity / B. Graham, P. Howard. (eds.). — London : Ashgate publishing, Ltd., 2008. — P. 315–346.

¹⁶⁴ *Ниеп Н.-J.* The European Year of Cultural Heritage after 2018: A European framework = *Хун Герберт-Ян.* Европейский год культурного наследия после 2018 года: европейские рамки // European Heritage Tribune. 17/12/2018. — URL: heritagetribune.eu. (дата обращения: 15.12.2023).

(идентичности) и «формирования имиджа европейских стран»¹⁶⁵. Другие проекты Евросоюза, например «Европейские культурные маршруты» (European Cultural Routes), «Дни европейского наследия» (European Heritage Days), «Места европейского наследия» (European Heritage Label), также были преимущественно направлены на укрепление общеевропейской идентичности, особенно в бывших странах социалистического лагеря и республиках СССР, в которых «отречение от советского происходило параллельно со стремлением к европейскому»¹⁶⁶. Самый громкий и яркий пример подобного культурно-политического отречения связан с Украиной, решившей на рубеже XX–XXI вв. позиционировать себя в качестве особой «украинской цивилизации», являющейся единственной наследницей древнеевропейской «цивилизации Киевской Руси»¹⁶⁷. Иной пример показывала Белоруссия, которая, вопреки давлению Центра европейских исследований В. Мартенса и Фонда им. К. Аденауэра, инициировавших проект «Коммунистическое наследие в Беларуси и странах ЕС: проблематика интерпретации и актуальность сохранения», рассматривала советское прошлое как часть белорусского и восточноевропейского наследия¹⁶⁸.

Вместе с тем, несмотря на обеспокоенность мирового сообщества будущим наследия человечества, перспективами его сохранения, использования, изучения¹⁶⁹, в среде экспертов возла-

¹⁶⁵ Палий К. Р. Реализация политики в области сохранения материальных объектов культурного наследия: европейский опыт / Кристина Романовна Палий // Управленческое консультирование. — 2018. — № 12. — С. 143.

¹⁶⁶ Фелькер А. В. Исследования наследия и политики памяти — в поисках общих подходов = Felcher A.V. Heritage studies and the politics of memoгу — in search for common approaches / Анастасия Владимировна Фелькер // Political science (RU). — М., 2018. — № 3. — Р. 41.

¹⁶⁷ Пархоменко Т. А. Культурное наследие России сквозь призму истории, смыслов и ценностей / Татьяна Александровна Пархоменко // Культурное наследие — от прошлого к будущему : научное издание. — М. ; СПб. : Институт Наследия, 2022. — С. 130–134.

¹⁶⁸ Десоветизация в контексте трансформации белорусского общества. — Вильнюс : Центр европейской трансформации, 2012. — 196 с.

¹⁶⁹ Holtorf C., Högberg, A. Cultural Heritage and the Future / Cornelius Holtorf, Anders Högberg. — London ; New York : Routledge / Taylor & Francis Group, 2020. — 300 p.; Witcomb A., Buckley K. Engaging with the Future of 'Critical Heritage Studies': Looking Back in Order to Look Forward / Andrea Witcomb, Kristal Buckley // International Journal of Heritage Studies. —

гаются большие надежды на связанные с ним культурные практики, проводимые в интересах «устойчивого развития территорий и общин», для чего, согласно их рекомендациям, необходимо искать «возможности выявления и развития взаимосвязи между материальным и нематериальным наследием как однопорядковыми ресурсами, существенными друг для друга», и вести «междисциплинарный диалог, направленный на переосмысление контекстов охраны различных видов культурного наследия, а также на расширение и повышение его доступности»¹⁷⁰. Иначе говоря, продолжать решать поставленную ещё в XX столетии задачу «широкого и деятельного освоения историко-культурного наследия, активного включения в общественную и культурную жизнь человеческого сообщества достижений материальной и духовной культуры прошлого» и «формирования такой среды, в которой памятники истории и культуры функционировали бы как обязательная составляющая современной жизни»¹⁷¹.

В XXI в. решение данной задачи по-прежнему остаётся актуальным. «Культурное наследие не должно восприниматься как “умерший пережиток” прошлого, который надо искусственно сохранять, — писал в 2018 г. эксперт ИКОМОСа, профессор греческого Университета Фракии, доктор архитектуры Алкивиадис Препис, — но как фактор, позволяющий продолжать историю городского культурного наследия, сохраняемого в соответствующих условиях, обращая особенное внимание на адаптации объектов к потребностям сегодняшнего общества»¹⁷². Большую роль в этом процессе играют историческая политика и коммеморативные практики, мемориальная культура и памятники, связывающие прошлое с настоящим и будущим.

2013. — Vol. 6, No. 19. — P. 562–578; *Understanding Heritage: Perspectives in Heritage Studies* / Eds. by M.-Th. Albert, R. Bernecker, B. Rudolff. — Berlin : De Gruyter, 2013. — 200 p.

¹⁷⁰ *Sinibaldi E., Parente A.* UNESCO's tangible and intangible Cultural heritage: Sustainable development perspectives / Elena Sinibaldi, Antonio Parente // *Правоведение*. — 2020. — Т. 64, № 1. — С. 47, 56.

¹⁷¹ *Боярский П. В.* Введение в памятниковедение / Пётр Владимирович Боярский. — М. : Советский фонд культуры ; НИИ культуры, 1990. — С. 36.

¹⁷² *Prepis A.* The values of the world heritage and the younger generation / Alkiviadis Prepis // *Heritage and Modern Times*. — 2018. — Vol. 1, № 3 (3). — P. 18.

Глава вторая

Современные дискурсы о памятниках истории и культуры

Отдельное направление исследований наследия и дискуссий о нём в России и мире, представленное в разных научных изданиях, материалах международных и региональных конференций, связано с вопросами изучения, сохранения, защиты и использования памятников истории и культуры. Их когнитивный потенциал, определяемый «взаимосвязанной системой знаний — знаний, полученных путём изучения мемориального объекта как объекта научного исследования, и знаний, порождённых этим объектом в сознании носителей данной культуры», позволяет учёным инкорпорировать историческую информацию в современность и открывать культуру прошлого в культуре настоящего¹⁷³. Как отмечалось, например, в сборнике конца прошлого века «Памятниковедение. Теория, методология, практика», сама этимология слова памятник указывает на то, что «оно выражает “память” истории» и является «“знакообразом”, “изобразительным знаком” культуры»¹⁷⁴.

Важное место понятие памятника занимает в международном праве и национальных законодательных актах. Первая статья «Венецианской хартии по вопросам сохранения и реставрации памятников и достопримечательных мест», которая была принята в 1964 г. в Венеции на втором Международном конгрессе архитекторов и специалистов по историческим постройкам, гласила: «Понятие исторического памятника включает в себя как отдельное архитектурное произведение, так и городскую или сельскую среду,

¹⁷³ Батов В. И. Проблема и содержание мемориального проектирования / Виталий Иванович Батов // Памятниковедение. Теория, методология, практика. — М. : НИИ Культуры, 1986. — С. 34, 39.

¹⁷⁴ Глаголев А. И. О ценности памятника культуры и её экономическом выражении (на пути распознавания и измерения значений памятника в культурной и хозяйственной жизни общества) / А. И. Глаголев // Памятниковедение. Теория, методология, практика. — М. : НИИ культуры, 1986. — С. 78.

носящие характерные признаки определённой цивилизации, знаменательного пути развития или исторического события. Оно распространяется не только на выдающиеся памятники, но также на более скромные, приобретающие с течением времени значительную культурную ценность»¹⁷⁵.

Вместе с тем многим юридическим актам национального и международного законодательства об охране и использовании памятников истории и культуры присущ свой подход к пониманию и определению памятника. Так, немецкий закон земли Гессен «О защите памятников культуры» 1974 г. ввёл понятие «охраняемые памятники» и определил, что «охраняемыми памятниками культуры являются предметы, их совокупность или части предметов, в сохранении которых существует общественный интерес, основанный на их художественной, научной, технической, исторической ценности или градостроительных достоинствах (§ 3)»¹⁷⁶. В Великобритании закон «О памятниках старины и археологических зонах» 1979 г. признал памятниками старины «памятники, включённые в реестры, а также другие памятники, представляющие, по мнению Государственного секретаря, общественный интерес по причине их исторической, архитектурной, традиционной, художественной или археологической ценности»¹⁷⁷. В Болгарии «Закон о памятниках культуры и музеях» 1969 г. отнёс к памятникам культуры «произведения человеческой деятельности, являющиеся документальным отражением материальной и духовной культуры и имеющие научное, художественное и историческое значение или связанные с историческими событиями», а также

¹⁷⁵ «Венецианская хартия» (1964). Перевод и комментарии Н.О. Душкиной // Архитектура СССР. — 1990. — № 4. — С. 20–25; Международно-правовые документы по вопросам культуры / С.-Петербург. гуманитар. ун-т профсоюзов; Сост. и науч. ред. проф. А. С. Запесоцкий. — СПб.: СПбГУП, 1996. — 389 с.

¹⁷⁶ Власов И. С. Охрана исторических памятников в Германии / Илья Семёнович Власов // Правовая охрана памятников истории и культуры в зарубежных странах: сб. науч. трудов. — М.: ИНИОН РАН, 2005. — С. 50.

¹⁷⁷ Домрин А. Н. Охрана памятников истории и культуры в Великобритании / Александр Николаевич Домрин // Правовая охрана памятников истории и культуры в зарубежных странах: сб. науч. трудов. — М.: ИНИОН РАН, 2005. — С. 28–29.

«с жизнью и деятельностью видных общественных деятелей, деятелей культуры и науки»¹⁷⁸.

Законодательство Италии вообще не содержит понятия «памятник истории и культуры» и говорит о «предметах, представляющих художественный и творческий интерес» (закон 1939 г.), «публичный интерес» (закон 1964 г.), «художественный и архивный интерес» (закон 1972 г.), о «защите национального историко-культурного достояния» (законы 1973–1975 гг.) и «культурных ценностей и ценностей окружающей среды» (декрет 1999 г.), которые образуют «историческое, художественное, демоэтно-антропологическое, археологическое, архивное и библиотечное достояние»¹⁷⁹. Определением «культурные ценности» оперировало также польское законодательство XX в., и лишь Закон 2003 г. «Об охране памятников и опеке над памятниками» нормативно утвердил понятие «памятник»¹⁸⁰.

Иначе говоря, в одних странах памятниками истории и культуры считаются объекты, обладающие рядом ценностных характеристик, которые служат основанием для всеобщего признания их в качестве «национальных сокровищ» (National Treasures), «культурного достояния» (Kulturgut) и «культурного наследия» (beni culturali)¹⁸¹. В других странах памятники признаются таковыми

¹⁷⁸ Андреева Г. Н. Законодательство о памятниках истории и культуры в Болгарии / Галина Николаевна Андреева // Правовая охрана памятников истории и культуры в зарубежных странах : сб. науч. трудов. — М. : ИНИОН РАН, 2005. — С. 8.

¹⁷⁹ Гайдаенко-Шер Н. И. Охрана национального, археологического, художественного и исторического достояния в Италии / Наталья Ивановна Гайдаенко-Шер // Правовая охрана памятников истории и культуры в зарубежных странах : сб. науч. трудов. — М. : ИНИОН РАН, 2005. — С. 60; Зарубежное законодательство в области сохранения культурного и природного наследия. Информационный сборник. — М. : Институт Наследия, 1999. — С. 5–6.

¹⁸⁰ См.: Трещетенкова Н. Ю. Охрана памятников истории и культуры в Польше / Наталья Юрьевна Трещетенкова // Правовая охрана памятников истории и культуры в зарубежных странах : сб. науч. трудов. — М. : ИНИОН РАН, 2005. — С. 84.

¹⁸¹ Манлио Ф. Культурные ценности и культурное наследие: «борьба понятий» в международном праве? / Фриго Манлио // Международный журнал Красного креста (Cambridge University Press). — 2004. — № 854. — С. 72.

и подлежат правовой защите лишь после включения их в государственные списки или реестры. Например, Свод законов США относит к памятникам истории «районы, территории, здания, сооружения, объекты, внесённые в Национальный реестр»¹⁸². В России памятник — «это то, что объявлено памятником соответствующим административным органом, на то уполномоченным. Нет решения — нет памятника»¹⁸³. Если же после государственной экспертизы решение есть, то памятник включается в списки объектов культурного наследия федерального, регионального или местного (муниципального) значения, попадает под надзор и охрану государства. Аналогичный подход, основанный на государственной регистрации и классификации исторических памятников (согласно Кодексу Наследия), существует во Франции, где «понятие памятника истории и культуры включает два признака: 1) историческая, художественная, мифологическая, научная или живописная ценность; 2) особый правоохранительный режим»; на их основании любые «движимые и недвижимые предметы и объекты, которые представляют интерес с “исторической, художественной, мифологической, научной и живописной” точек зрения, могут быть отнесены к памятникам истории и культуры, подлежащим охране государством»¹⁸⁴.

Существенным недостатком вышеназванного метода отбора памятников в целях отнесения их к историко-культурному наследию, по мнению ряда исследователей, является то, что «определение важности объекта или предмета прошлого остаётся абсолютно субъективным, на усмотрение экспертной комиссии при профильном министерстве каждого государства»¹⁸⁵. А это, в свою очередь,

¹⁸² *Домрин А. Н.* Законодательство США об охране памятников национального значения / Александр Николаевич Домрин // Правовая охрана памятников истории и культуры в зарубежных странах : сб. науч. трудов. — М. : ИНИОН РАН, 2005. — С. 119.

¹⁸³ *Шулепова Э. А.* Историческая память в контексте культурного наследия / Элеонора Александровна Шулепова // Культура памяти : сб. науч. ст. — М. : Древлехранилище, 2003. — С. 12.

¹⁸⁴ *Пилипенко А. Н.* Охрана памятников культуры во Франции / Андрей Николаевич Пилипенко // Правовая охрана памятников истории и культуры в зарубежных странах : сб. науч. трудов. — М. : ИНИОН РАН, 2005. — С. 136.

¹⁸⁵ *Buychik A.* The formation of klironomical thinking in the system of the social outlook / Alexander Buychik // Eastern European humanitarian

ведёт к тому, что памятники «существуют в двух видах: 1) как открытая система, связанная с функционированием выявленных, изученных и включённых в экспозиционный или туристический показ памятников, нередко мемориального характера; 2) как закрытая система, саморазвивающаяся на микро- и макроуровне (как правило, не выявленные историко-культурные объекты или классифицированные, но не поставленные на государственную охрану и не включённые в научный оборот и просветительскую деятельность)»¹⁸⁶. Первые, как отмечалось в первой главе данной работы, составляют так называемое официальное наследие, вторые — неофициальное, нелегитимизированное наследие. Поэтому некоторые страны практикуют смешанный подход. Например, федеральный закон немецкой земли Гессен «Об охране памятников культуры», устанавливая «обязанность регистрации памятников культуры в книге регистрации памятников» Земельного ведомства охраны памятников, одновременно допускает, что «меры по охране памятников культуры могут распространяться также на памятники культуры, которые не внесены ни в книгу регистрации памятников, ни во временный регистрационный список»¹⁸⁷.

Различие в подходах к определению памятника истории и культуры и его охраны определяется политическим устройством страны и ролью государства в культурной политике, которая, по известной типологии членов канадского Совета по искусству Г. Х. Шартрана и К. Мак-Кафи, была выражена несколькими яркими образами: государство — «инженер», полностью управляющее культурой; государство — «архитектор», курирующее сферу культуры через свои структуры в союзе с частными и общественными учреждениями (Франция, Италия); государство — «вдохновитель» (США, где Национальный фонд искусства стимулирует развитие сферы культуры) и государство — «патрон», управляющий

collection of mini monographs. Collection of Scientific Works. European Scientific e-Journal. — 2021. — № 1 (7). — P. 106.

¹⁸⁶ Шулепова Э. А. Историческая память в контексте культурного наследия / Элеонора Александровна Шулепова // Культура памяти : сб. науч. ст. — М. : Древлехранилище, 2003. — С. 15–16.

¹⁸⁷ Зарубежное законодательство в области сохранения культурного и природного наследия. Информационный сборник. — М. : Институт Наследия, 1999. — С. 40, 41.

культурой «методом вытянутой руки»¹⁸⁸. Под этим методом, возникшим в Великобритании и получившим распространение в Канаде и скандинавских странах, понимается «отсутствие административного диктата, участие ведущих учёных в создании новационных культурных проектов, их опора на самые широкие общественные слои»¹⁸⁹. Безусловно, типология Шартрана и Мак-Кафи не является универсальной и во многих странах мира нередко наблюдается смешение разных моделей управления культурой, но в целом она объективно отражает роль и значение государства в культурной политике, в том числе в отношении наследия¹⁹⁰.

В последней трети XX — начале XXI в. научными сообществами мира подверглась ревизии основанная на документах ЮНЕСКО модель оценки, защиты, консервации объектов культурного наследия и связанная с нею проблема подлинности, от решения которой зависит способность объекта воздействовать на окружающий мир. Получившая широкое распространение в разных странах практика причисления к историческим памятникам так называемых новоделов — переделанных или заново воссозданных объектов прошлого, представляющих копии своих предшественников, вызвала и до сих пор вызывает в мире острые дискуссии об аутентичности сохранения культурного наследия и совершенствовании техники реставрации и консервации.

Жаркие споры по этому вопросу, в ходе которых установилось два подхода к пониманию подлинности, возникли ещё в XIX в. в кругу таких видных теоретиков искусства, как французский архитектор и реставратор Эжен Виолле-ле-Дюк и английские

¹⁸⁸ *Hillman-Chartrand H., McCaughey C.* The Arm's Length Principle and the Arts: An International Perspective — Past, Present And Future / H. Hillman-Chartrand, C. McCaughey // *Who's to Pay for the Arts: The International Search for Models of Support*, M. C. Cummings Jr & J. Mark Davidson Schuster (eds.) // American Council for the Arts. — NYC, 1989. См. также: *Chartrand H. H.* Funding the Fine Arts: An International Political Economic Assessment / H. H. Chartrand // *Nordic Theatre Studies*. — 2002. — Vol. 14.

¹⁸⁹ *Кузьмина Е. Е.* Национальная культурная политика Великобритании и музеев / Елена Ефимовна Кузьмина. — М.: НИИ культуры, 1992. — С. 8.

¹⁹⁰ См.: *Востряков Л. Е.* Культурная политика: подходы и концепции западных исследователей / Лев Евгеньевич Востряков // *Научные труды СЗАГС*. — 2011. — Т. 2. — Вып. 1. — С. 42–52.

художники, искусствоведы Джон Раскин (Рёскин) и Уильям Моррис. Эжен Виолле-ле-Дюк «считал, что реставратор должен исходить не из реального облика памятников, а из того, “какими они должны были бы быть”, если бы их создатели неукоснительно следовали принципам архитектурной логики», т. е. исходил из идеи свободного, творческого воссоздания «идеального здания»¹⁹¹, которая позже легла в основу так называемой «стилистической реставрации», допускавшей вольную переделку памятника вплоть до создания его реплики. Творчески воссозданные Эженом Виолле-ле-Дюком средневековые памятники (капелла-реликварий Сент-Шапель в Париже, аббатство Сен-Дени, замок Пьерфон в регионе О-де-Франс департамента Уаза и многие другие) до сих пор вызывают споры среди архитекторов-реставраторов, которые, однако, признают, что без Виолле-ле-Дюка все они были бы утрачены навсегда.

Его оппоненты Джон Раскин (Рёскин) и Уильям Моррис, отстаивавшие «художественную правду» и «художественный историзм», считали любое субъективное произвольное вмешательство в памятник при реставрации губительным и рассматривали подлинность в качестве главного признака исторического объекта¹⁹². В 1877 г. по инициативе У. Морриса в Лондоне возникло Общество защиты старинных зданий, работа которого была направлена на охрану памятников архитектуры, защиту их от реставрации и грубого вмешательства в их аутентичный облик. Манифест общества провозглашал реставрацию архитектурных объектов «в высшей степени губительной идеей», поскольку она «признаёт возможным уничтожить в здании те или иные следы истории, иначе говоря — следы жизни самого здания, а затем в какой-то произвольный момент остановиться»¹⁹³.

¹⁹¹ *Галямичев А. Н.* Э. Э. Виолле-ле-Дюк и его место в истории изучения средневековых городов Франции / Александр Николаевич Галямичев // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: История. Международные отношения. — Саратов, 2012. — Т. 12. — Вып. 4. — С. 36.

¹⁹² *Седых Э. В.* Раскин и Моррис: проблемы эстетики / Элина Владимировна Седых // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. — 2007. — Вып. 4. — Ч. 1. — С. 33–41; *Рескин Дж.* Лекции об искусстве / Джон Рескин; Пер. с англ. П. Когана. — М.: БГС-ПРЕСС, 2006. — 318 с.

¹⁹³ *Моррис У.* Искусство и жизнь. Избранные статьи, лекции, речи, письма / Уильям Моррис; Пер. с англ. В. А. Смирнова, Е. В. Корниловой; сост. А. А. Аникст. — М.: Искусство, 1973. — С. 402.

За почти полутора столетний период своего существования лондонское Общество защиты старинных зданий провело множество диспутов и кампаний против реставрации, реконструкции, перестройки и сноса памятников архитектуры как в самой Великобритании, так и за её пределами, например Вестминстер-холла в Лондоне, собора Сан-Марко в Венеции, исторических построек в городе Биджапур (Виджаяпур) индийского штата Карнатака. В наши дни Общество защиты старинных зданий «продолжает руководствоваться основными принципами теории консервации памятников архитектуры, разработанной его основателями ещё в последней четверти XIX века, отвергая реставрационные технологии, ведущие к потере старинным зданием его аутентичности и настаивая на использовании в противовес реставрации восстановительного ремонта объектов архитектурного наследия»¹⁹⁴.

Всё это оказало большое влияние на мировое профессиональное сообщество, которое в 1931 г. при активном участии Международного совета музеев приняло Афинскую хартию по вопросам реставрации исторических памятников, во втором пункте которой отмечалось: «Предлагаемые проекты реставрации должны быть подвергнуты квалифицированной критике, чтобы предотвратить ошибки, которые приведут к потере характера и исторических ценностей сооружений»¹⁹⁵. В 1957 г. на прошедшем в Париже Первом международном конгрессе архитекторов и специалистов по историческим постройкам основной темой разговора был вопрос защиты памятников при интеграции исторического наследия в городское пространство, рассмотрение которого продолжилось в 1964 г. в Венеции на Втором международном конгрессе архитекторов и специалистов по историческому наследию и вылилось в обсуждение проблемы обратимости реставрации и консервации исторических объектов в интересах сохранения их подлинности. Дискуссия завершилась принятием «Венецианской хартии по вопросам сохранения и реставрации памятников

¹⁹⁴ Ильин А. В. Деятельность лондонского Общества защиты старинных зданий в Викторианскую эпоху / Аким Васильевич Ильин // Преподаватель XXI век. — 2013. — Вып. 4 (ч. 2). — С. 323.

¹⁹⁵ The Athens Charter for the Restoration of Historic Monuments — 1931. — URL: <https://www.icomos.org/en/charters-and-texts/179-articles-en-francais/ressources/charters-and-standards/167-the-athens-charter-for-the-restoration-of-historic-monuments>. (дата обращения: 15.12.2023).

и достопримечательных мест», основу которой составила идея подлинности в качестве ключевого положения концепции сохранения культурного наследия. Преамбула «Венецианской хартии» указывала: «Монументальные произведения, несущие духовные послания прошлого, остаются в современной жизни живыми свидетелями вековых традиций народов. Человечество с каждым днём всё более осознает общечеловеческую ценность памятников, рассматривает их как общее наследие и перед лицом будущих поколений признаёт совместную ответственность за их сохранность. Оно считает себя обязанным передать поколениям памятники во всём богатстве их подлинности»¹⁹⁶.

Поскольку «Венецианская хартия» носила рекомендательный, а не законодательный характер, дискуссия о подлинности памятников в среде архитекторов, реставраторов, искусствоведов и других специалистов продолжилась. В конце XX в. в развитие Конвенции ЮНЕСКО 1972 г. об охране всемирного культурного и природного наследия были разработаны «руководящие принципы управления объектами Всемирного наследия», критерии оценки памятника для внесения его в Список всемирного наследия и «тест на подлинность», включавший такие параметры, как подлинность замысла, подлинность материала, подлинность мастерства (исполнения), подлинность окружения и подлинность функции¹⁹⁷. А в 1994 г. на конференции в Японии был принят «Нарский документ о подлинности» — особая международная декларация, пять лет спустя утверждённая на XII Генеральной Ассамблее ИКОМОСа в Мехико.

Участовавшие в составлении «Нарского документа о подлинности» международные эксперты, опираясь на «Венецианскую хартию» 1964 г. и рассматривая подлинность «в качестве наиболее существенного, определяющего фактора наследия и связанных с ним ценностей», отмечали: «Сохранение культурного наследия во всех его исторических формах и во всём многообразии основано на ценностях, составляющих основу наследия. Наша способность

¹⁹⁶ «Венецианская хартия» (1964). Перевод и комментарии Н. О. Душкиной // Архитектура СССР. — 1990. — № 4. — С. 20–25.

¹⁹⁷ *Feeley-Harnik G.* Against the Motion. In: *Key Debates in Anthropology*, edited by T. Ingold / Gillian Feeley-Harnik. — London ; New York : Routledge, 1996. — P. 59–76.

к их осознанию во многом зависит от источников информации об этих ценностях, их правдивости и достоверности. Знание, понимание и интерпретация источников информации применительно к исходной и последующей характеристикам культурного наследия являются необходимой основой для определения всех сторон подлинности»¹⁹⁸.

Несмотря на то, что «Нарский документ о подлинности» закрепил основные критерии исторической достоверности, аутентичности культурного наследия, в мире не стихают диспуты относительно понятия подлинности памятника истории и культуры и допустимых методов его реставрации. В научной среде обращается внимание на «трудности, связанные с оценкой подлинности объекта культурного наследия, нуждающегося в реставрации», и на спорные тезисы «Нарского документа о подлинности», а именно: «1. Тезис: подлинность является “определяющим фактором наследия и связанных с ним ценностей”, т. е. она выступает ценностной категорией культуры; НО ценность как раз и заключается в подлинности. 2. Тезис: “подлинность напрямую зависит от местного культурного контекста”; НО если предмет был сделан в одном месте, а использовался в другом, то он уже не является подлинным? 3. Тезис: “невозможность формулировки абсолютного и универсального определения понятия ценности”; НО, как определить, что и как конкретно тогда надо сохранять и реставрировать? 4. Тезис: “для каждого из рассматриваемых объектов культурного наследия необходимо оценивать как все возможные аспекты подлинности, так и каждый из них в отдельности” (ст. 11); НО при этом не определены объективные критерии оценки, которые в каждом конкретном случае являются субъективными, а также критерии, по которым можно оценить авторский замысел. 5. Тезис: “необходимость объединения подлинного материального и нематериального наследия в их целостности и единстве”, НО как на практике реставрировать нематериальное, заключённое в материальном носителе?»¹⁹⁹

¹⁹⁸ Нарский документ о подлинности. (г. Нара, Япония, 1994 г.). Перевод Н. О. Душкиной // Реставрация и реставраторы в России сегодня. Научно-практическая конференция (24–26 ноября 1998 г.). Охрана культурного наследия в документах. — М.: ГосНИИР, ЦНРПМ, 1998. — С. 27–29.

¹⁹⁹ Краснова Т. Н. Понятие подлинности в контексте сохранения культурного наследия / Татьяна Николаевна Краснова // Культурное наследие России. — 2022. — № 1. — С. 87–88.

Вопросы возникают и при рассмотрении критериев международного «теста на подлинность», разработанного Советом по вопросам памятников и достопримечательных мест (ИКОМОС). Например, у хранящихся в музейных коллекциях археологических предметов «подлинность “окружения” отсутствует, так как предмет мог неоднократно менять своё место до погребения и после извлечения из раскопок. Какое из его окружений следует принимать за подлинное? Подлинность первоначального “замысла” (как сказано “подлинность “формы”)... далеко не всегда извлечённые из земли предметы сохраняют свою форму и первоначальный замысел. Чаще всего археологам приходится иметь дело с остатками или фрагментами изделий, скрытыми под плотным слоем известковых наслоений, или хрупкими размокшими (деструктурированными) предметами. Подлинность “мастерства” исполнения также может находиться под вопросом, т. к. условия эксплуатации предмета, процессы естественного старения материалов, а также условия залегания могут внести значительные коррективы в состояние его сохранности и “мастерство” исполнения может сильно пострадать»; наконец, «подлинность “материала” (“субстанции”). В этом пункте больше вопросов, т. к. не указано какой материал выступает в качестве эталона подлинности: тот, который использовал автор при создании своего творения, или то, что от него осталось и дожило до наших дней. Исходя из этих определений, археологический объект подлинностью не обладает»²⁰⁰.

О том, что международные критерии подлинности не подходят ко многим памятникам, особенно со сложной историей строительства, говорил и другой исследователь: «Вывод напрашивается сам собой — каждый памятник индивидуален, в каждом отдельном случае его подлинность определяется специалистами на основании его истории, этапов строительства и сохранности. Все рассуждения о проблеме подлинности, трудности её определения и некоей трансформации этой проблемы с 1960-х годов, времени утверждения “Венецианской хартии”, необходимы, чтобы подчеркнуть, что современная тенденция в реконструкции памятника на время его создания практически неприменима к усадебному наследию»,

²⁰⁰ *Краснова Т. Н.* Понятие подлинности в контексте сохранения культурного наследия / Татьяна Николаевна Краснова // Культурное наследие России. — 2022. — № 1. — С. 88.

поэтому «не столь важно, с какой точностью копия будет воспроизводить оригинал: воссозданный объект станет символом памяти, в котором хозяева дома будут бережно сохранять историю своего города или села и той усадьбы, целостность которой становится своеобразным залогом её сохранения»²⁰¹.

Но у многих специалистов возникает вопрос, в какой степени новодел, являясь призрачным «символом памяти», может считаться «памятником истории» и способен выражать подлинную «память прошлого», транслировать её из настоящего в будущее? Ведь «информация о событиях минувшего, заложенная в памятниках, представляет не только познавательный интерес, она, как генетический код, во многом определяет грядущее»²⁰². А что определяют сфальсифицированные памятники, какой нравственный императив они передают подрастающему поколению, особенно когда экскурсоводы выдают их за подлинники? И почему, например, подделка живописных картин во всём мире считается преступлением, а архитектурных памятников нет? При этом подавляющее большинство исследователей понимают и принимают целесообразность реставрации, сохраняющей артефакты ушедших эпох, а при невозможности её своевременного проведения — консервации, разногласия и жаркие дискуссии возникают тогда, когда речь заходит о тотальной реконструкции, в процессе которой создаются современные «клоны» разрушенных историко-культурных объектов.

Защитник новоделов П. В. Боярский, писавший о допустимости и даже желательности их возведения, видел разрешение связанных с ними споров и проблем в таком «концептуальном объяснении»: «“Новодел” заполняет наиболее существенные пробелы непрерывного ряда памятников, способствует процессу “воспроизведения” исторической картины развития человеческого общества в сознании зрителя. Принцип непрерывности воспроизведения выдвигает требование особого комплексного подхода к реставрации памятников, утративших свой первоначальный облик. Решение об

²⁰¹ Полякова М. А. «Новодел» в усадьбе: «pro» et «contra» / Марта Александровна Полякова // Наследие и современность. — 2020. — № 3 (2). — С. 48, 51.

²⁰² Памятники Отечества. Альманах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. № 1. — М.: Советская Россия, 1980. — С. 6.

их реконструкции должно основываться на необходимости заполнения имеющихся пробелов в рассматриваемом историческом ряду памятников. При полном отсутствии объектов, аналогичных (по конструкции, технологии, форме и т. д.) первоначальному облику памятника, и наличии аналогичных перестроенных объектов на одном из них исторические напластования могут быть сняты полностью или частично и памятник подвергнут реконструкции»²⁰³. Исходя из «совокупности информации, заключённой в памятниках, и воздействия её на зрителя», П. В. Боярский разделил все памятники истории и культуры на три вида: законсервированные памятники, отреставрированные памятники и «реконструируемые памятники (“новоделы”), восстановленные или воссозданные заново, показывающие исторический или художественный облик первоисточника...»²⁰⁴.

Вместе с тем для многих учёных, экспертов наследия, теоретиков и практиков реставрации подлинность, аутентичность памятника является исключительной ценностью и объективной категорией, лежащей в основе понимания наследия: «Как невозможно доказать причастность к убийству с помощью “такого же” или похожего пистолета, так невозможно доказать и величие нации с помощью реконструированного или заново построенного замка», — говорил, например, один из европейских экспертов²⁰⁵. О том же писала и культуролог, профессор Э. А. Шулепова: «Воссозданный, а не подлинный памятник не может считаться объектом предшествующего времени, он является всего лишь копией, следовательно, и статус у него должен быть соответствующий», и «подмена объектов наследия, эрозия этого фундаментального понятия в итоге ведёт к смещению традиционных ценностей в обществе, что чревато потерей связи с исторической памятью и, главное, потребности в её

²⁰³ Боярский П. В. Введение в памятниковедение / Пётр Владимирович Боярский. — М. : Советский фонд культуры ; НИИ культуры, 1990. — С. 42.

²⁰⁴ Там же. — С. 42–43.

²⁰⁵ Стурейко С. А. Критические исследования наследия как альтернатива академической рутине / Степан Андреевич Стурейко // Неприкосновенный запас. — М. : Новое литературное обозрение, 2017. — № 4 (114). — С. 203.

сохранении»²⁰⁶. Наконец, о понятии подлинности в современной теории и практике реставрации, его ценности для культуры вообще и архитектурного наследия в частности неоднократно говорила и писала эксперт ICOMOS по историческим памятникам, профессор Московского архитектурного института Н. О. Душкина²⁰⁷.

Но, вопреки этим мнениям, утвердившееся со времён французского архитектора и реставратора Э. Э. Виолле-ле-Дюка стремление к воссозданию «идеального здания» в его первоначальном замысле и в духе современных представлений о нём привело к тому, что копия, реплика памятника получила полное право на существование, более того, стала всё чаще признаваться равноценной оригиналу. Как писал британский урбанист Г. Дж. Эшворт, если «история — это зафиксированное в памяти прошлое; наследие — современный товар, сознательно созданный для удовлетворения современного спроса», который «не может существовать без потребителя», то «проблема аутентичности вырастает не из противоречия между так или иначе интерпретируемым продуктом наследия

²⁰⁶ Шулепова Э. А. Историческая память в контексте культурного наследия / Элеонора Александровна Шулепова // Культура памяти : сб. науч. ст. — М. : Древлехранилище, 2003. — С. 12–13.

²⁰⁷ Душкина Н. О. Историческая реконструкция: теория, реалии и фантомы / Наталья Олеговна Душкина // В фокусе наследия: к 80-летию Юрия Александровича Веденина и 25-летию создания Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва. — М. : РАН, Институт географии, 2018. — С. 219–241; Душкина Н. О. Новая парадигма наследия? / Наталья Олеговна Душкина // Исследования по истории архитектуры и градостроительства. Труды кафедры истории архитектуры и градостроительства. Вып. 3. — М. : ДПК Пресс, 2012. — С. 315–323; Душкина Н. О. Подлинность и архитектурное наследие (к постановке проблемы и современная интерпретация понятия) / Наталья Олеговна Душкина // Проблема копирования в европейском искусстве. — М. : РАХ, 1998. — С. 244–258; Душкина Н. О. Понятие подлинности в современной теории и практике реставрации / Наталья Олеговна Душкина // Наука о культуре: итоги и перспективы : научно-информационный сборник / Российская государственная библиотека, НИО Информкультура. Вып. 3. — М. : РГБ, 1996. — С. 4–5; Душкина Н. О. (авт.-сост., науч. ред.). XX век. Сохранение культурного наследия. = 20-th century. Preservation of cultural heritage : [сб. материал. конф.] Heritage at Risk. Сохранение архитектуры XX века и всемирное наследие (Москва, 17–20 апреля 2006 г.) / Наталья Олеговна Душкина. — М. : МАРХИ, 2006. — 276 с.

и некой объективной исторической правдой. Поэтому нет смысла сравнивать продукт с предполагаемой исторической реальностью, в чём бы она ни состояла и каким бы методом её ни обнаруживали. Противоречие и вытекающая из него проблематика определяются тем, насколько по-разному разные потребители понимают аутентичность. Если наследие зависит от потребителя, то от него же зависит и подлинность: потребитель устанавливает аутентичность ресурса. Отсюда возникают как многочисленные сложности для производителя, так и возможности их преодоления»²⁰⁸.

«Примирение» потребительского общества с новоделами, копиями и репликами во многом явилось результатом произошедших в теории и практике сохранения исторических памятников изменений, суть которых сводилась к тому, что классическая реставрация с её идеалами подлинности, аутентичности в социально-экономических условиях второй половины XX в. постепенно замещалась «фасадной реставрацией», консервацией и реконструкцией²⁰⁹. Понимание подлинности стало многозначным и многоплановым, но если консервация нацелена на фиксацию состояния памятника в интересах обеспечения его физической целостности, предотвращения разрушения с возможностью его дальнейшей реставрации ради сохранения в качестве ценного исторического объекта (свидетеля истории) и произведения искусства, то реконструкция допускает коренную переделку памятников вплоть до их сноса и создания современных копий, новоделов, муляжей прошлого, которые в глазах учёных «никогда не тождественны исходным образцам — они лишь образное подобие объекта прошлого...»²¹⁰.

²⁰⁸ Эшворт Г. Дж. От истории к наследию, от наследия к идентичности: в поисках понятий и мод / Грегори Джон Эшворт // Неприкосновенный запас. — М. : Новое литературное обозрение, 2017. — № 4. — С. 154–171.

²⁰⁹ Так, в 1950 г. был основан Международный институт консервации музейных экспонатов (International Institute for the Conservation of Museum Objects — ИИ) с журналом «Уроки консервации», в 1959 г. под эгидой ЮНЕСКО в Риме возник Международный научный центр по хранению и реставрации культурного наследия (ICROM), а в 1966 г. в рамках Международного совета музеев (ICOM) был образован Комитет по консервации.

²¹⁰ Чернявская Е. Н. Мемориальная функция памятников культуры / Елена Николаевна Чернявская // Культура памяти : сб. науч. ст. — М. : Древлехранилище, 2003. — С. 48.

Примеров реконструированных памятников вплоть до новоделов во всём мире множество: Старый город, Новый город и Королевский дворец в Варшаве, здания исторических центров Дрездена и Франкфурта-на-Майне, «Золотые ворота» в Киеве, Коломенский дворец царя Алексея Михайловича, Иверская часовня и храм Христа Спасителя в Москве, Ахенский кафедральный собор в Германии рубежа VIII–IX в. с усыпальницей Карла Великого, в котором наряду с реставрацией проводились работы по переделке и перестройке его внешнего и внутреннего пространства, установке новых витражей, части колонн и даже нового алтаря, что, однако, не помешало включению его в 1978 г. в список Всемирного наследия ЮНЕСКО²¹¹. В 1980 г. в этот список был добавлен «Исторический центр Варшавы» с восстановленными из руин «церквями, дворцами и рыночной площадью» как «выдающийся пример почти полной реконструкции исторического периода, охватывающего 13–20 века»²¹². А в 1991 г. список Всемирного наследия ЮНЕСКО пополнился жемчужиной готической архитектуры Франции — Реймским собором, который был построен в XIV в., разрушен в годы Первой мировой войны и потом восстановлен, правда, с утратой многих средневековых скульптур и витражей, заменённых копиями²¹³. Наконец, в 2000 г. частью Всемирного наследия ЮНЕСКО был признан замок Сюри в Японии с главным дворцом и правительственными зданиями древнего королевства Рюкю, расположенный в городе Наха префектуры Окинава, который в 1944 г. был фактически стёрт с лица земли авиацией США и спустя сорок с лишним лет по старым чертежам отстроен заново²¹⁴.

²¹¹ *Grimme E. G.* Der Dom zu Aachen. Architektur und Ausstattung / Ernst Gunter Grimme. — Aachen : Einhard-Verlag, 1994. — 386 s.

²¹² Исторический центр Варшавы. Центр Всемирного наследия ЮНЕСКО. — URL: <http://whc.unesco.org/> (дата обращения: 15.12.2023).

²¹³ *Demouy P.* Notre-Dame de Reims: sanctuaire de la monarchie sacrée / Patrick Demouy / Caisse Nationale des Monuments Historiques et des Sites. — Paris : CNRS, 1995. — 127 p.; The North Transept of Reims Cathedral: Design, Construction, and Visual Programs / J. M. Feltman (eds.). — New York : Routledge, 2016. — 240 p.

²¹⁴ *Benesch O., Zwigenberg R.* Shuri Castle and Japanese Castles: A Controversial Heritage / Oleg Benesch, Ran Zwigenberg // The Asia-Pacific Journal. Japan Focus. — 2019. — Vol. 17. — Is. 24. — № 3. — URL: <http://apjiff.org/> (дата обращения: 15.12.2023).

Многочисленные факты отнесения новоделов к всемирному наследию явно и неявно способствовали закреплению и распространению копирующих памятники «новодельных» практик. При этом вместо крайне непопулярного термина «новодел» начинают употреблять такие слова, как «воссоздание» или даже «научный новодел», подразумевающие использование аутентичных материалов, соблюдение технологического процесса и стилевого единства, а также в качестве оправдания говорить о том, что всякий новодел рано или поздно «становится “старым” новоделом, а потом и вовсе превращается в артефакт, имеющий свою собственную идентичность и подлинность. В первую очередь это касается новодела “с нуля”, а также воссоздания утраченных артефактов»²¹⁵. В результате, как отмечал академик архитектуры И. Г. Лежава, «миллиарды людей не воспринимают “подлинность” как качество. Им достаточно похожей формы», а «новодел это, имитация или воссоздание — народу нет разницы», ему трудно отличить новое от старого, и он искренно верит в аутентичность, например башен Кёльнского собора со вставными деталями из пластмассы»²¹⁶.

В современной практике сохранения культурного наследия, по признанию экспертов, существует и такой большой «проблемный блок», как «недодел», который «выражен в поспешной сдаче артефактов наследия в эксплуатацию», что обусловлено «поверхностным уровнем понимания ценности и историко-культурной значимости тех или иных памятников, рождённым в пространстве массовой культуры вследствие “брендинга” наследия, воздействия “легенд” и симуляций в медиасфере»²¹⁷. Кроме того, как отмечают некоторые исследователи, нередки ситуации, когда «феномен новодела во многих аспектах пересекается с проблемным полем подделки в её безобидном, или “лёгком”, и криминальном аспектах.

²¹⁵ *Леонов И. В., Прокуденкова О. В.* Новодел как форма воспроизведения старины в современной культуре / Иван Владимирович Леонов, Ольга Викторовна Прокуденкова // Вестник С.-Петерб. гос. ун-та культуры и искусств. — 2018. — № 1 (34). — С. 149.

²¹⁶ *Лежава И. Г.* Жизнь памятника в городе / Илья Георгиевич Лежава // Academia. Архитектура и строительство. — 2015. — № 3. — С. 19, 26.

²¹⁷ *Леонов И. В., Прокуденкова О. В.* «Новодел» в практике сохранения культурного наследия: границы применения / Иван Владимирович Леонов, Ольга Викторовна Прокуденкова // Вестник С.-Петерб. гос. ун-та культуры и искусств. — 2017. — № 4 (33). — С. 84.

<...> Примером такого “лёгкого” случая может являться то, что не все музеи с охотой озвучивают информацию о процентном соотношении “меморий” и “имитаций” в своих экспозициях, не обозначая явно, что подлинное, а что нет, тем самым во многом противореча Венецианской хартии 1964 г. В итоге посетители, не получив необходимую информацию по причине отсутствия акцентов на неё, оказываются в пространстве “симуляции”..., иначе говоря, они вводятся в заблуждение»²¹⁸.

В современном мире подобная симуляция встречается повсеместно. Как отмечала австралийский исследователь Дженнифер Харрис, «произошло устойчивое понижение приоритета предмета; в некоторых музеях больше нет коллекций подлинных предметов, они либо берут предметы где угодно, как это делает Музей Сиднея, либо копируют, как это происходит в Музее Еврейской Диаспоры в Тель-Авиве. Вместо господства предмета основным фокусом музейной деятельности стали идеи. В некоторых случаях идеи выражаются даже без использования предметов и фотографий, потому что предполагается, что идея настолько важна и очевидна, что её можно и не вербализовать. Выставка идей без предметов демонстрирует широко распространённый коллапс музеефикации — изъятия и исследования — как определяющей формы деятельности музеев»²¹⁹.

Практика новоделов и подделок под старину в силу разных причин и обстоятельств широко применялась и применяется к памятникам, например мраморной статуи Давида работы Микеланджело, которая после установки на площади Синьории во Флоренции в 1504 г. стала символом города, но в 1873 г. из-за угрозы разрушения была перенесена в Академию изящных искусств, а на её место в 1910 г. поставлена копия, выполненная скульптором Л. Арригетти. Или средневековая колокольная башня при соборе Святого Марка в Венеции (Campanile di San Marco), которая в 1902 г. саморазрушилась, через десять лет была заново отстроена

²¹⁸ *Леонов И. В., Прокуденкова О. В.* Новодел как форма воспроизведения старины в современной культуре / Иван Владимирович Леонов, Ольга Викторовна Прокуденкова // Вестник С.-Петербург. гос. ун-та культуры и искусств. — 2018. — № 1 (34). — С. 148.

²¹⁹ *Харрис Д.* «Наша печаль, наше хрупкое мужество»: музеефикация и новая музеология / Дженнифер Харрис // Вопросы музеологии. — 2011. — № 1 (3). — С. 38.

со словами «там, где была, и такая же, как была» и официально открыта 25 апреля 1912 г. — ровно через тысячу лет после своей предшественницы²²⁰. Правда, не совсем «такая же, как была», поскольку в ней для удобства экскурсантов сделали лифт, т. е. воссоздание древнего объекта было соединено с новоделом.

В этой связи у экспертов по наследию возникает немало вопросов: что важнее — сохранение аутентичности памятника и материалов, из которых он был создан, или воплощённого в нём историко-культурного образа и заложенной при его основании идеи? И не подразумевает ли забота о наследии и борьба за его сохранение обязательное проведение реставрации, консервации, реконструкции, без которых оно просто исчезнет? И почему ради актуализации исторического памятника нельзя приспособить его к современным нуждам, изменить окружающую его историческую среду и первоначальные функции? Подобные постоянно возникающие вопросы, по мнению сотрудника Европейского гуманитарного университета в Вильнюсе С. А. Стурейко, указывают не только на «недостаточное научное осмысление феномена памятника», но и большую проблему, «имя которой — острая необходимость кардинального концептуального поворота в подходах к наследию. Нам нужен подход, — утверждал Стурейко, — который опирался бы не на слепую веру в драгоценное прошлое и копирование уже существующих практик, а прежде всего на собственные новые исследования»²²¹.

Против этого мало кто возражает, однако отношение государства и общества к наследию, культурным ценностям, памятникам прошлого всегда исторически обусловлено и ограничено уровнем развития общественно-государственных институтов и необходимостью решения стоящих перед ними задач. Ведь памятник выступает не только в качестве основной единицы культурного наследия, но и определённого мемориального знака, функционирующего в определённой исторической среде, фиксирующего социальную память и заключающего в себе множество смыслов, которые «проецируются на различные системы ценностей, что делает культуру

²²⁰ Крузе М. А. Венеция / Мария Андреевна Крузе. — 3-е изд., испр. и доп. — М. : Эксмо, 2014. — С. 21.

²²¹ Стурейко С. А. Критические исследования наследия как альтернатива академической рутине / Степан Андреевич Стурейко // Неприкосновенный запас. — М. : Новое литературное обозрение, 2017. — № 4 (114). — С. 201.

памяти постоянной ареной борьбы мнений и даже идейной и политической борьбы»²²². Так, в 2005 г. крупнейшие историки Франции, возмущённые диктатом государства в области национальной культурной политики и наследия, составили петицию под громким названием «Свободу истории» («Воззвание из Блуа»), в которой Жак ле Гофф, Пьер Нора, Марк Ферро и другие выступили против вмешательства парламента Французской Республики в оценку событий прошлого и принятия новых мемориальных законов²²³.

Как известно, «войны памяти», сопровождавшиеся массовой борьбой с памятниками и «культурой отмены», присутствовали на протяжении всей истории человечества. В Новой и Новейшей истории подобное повторялось не раз, но самые вандальные примеры были связаны с революциями во Франции и России, в корне изменившие коммеморативное пространство, хрестоматийным примером чего является советский план «Монументальной пропаганды», представленный в ленинском декрете 1918 г. «О памятниках Республики» и основанный на принципе «созидание через разрушение». Жажда забвения, искоренения прошлого, по меткому замечанию профессора И. Л. Малыгиной, обусловлена тем, что памятники, будучи эмоционально окрашенными символами исторического и культурного наследия, «реализуют функции социальной консолидации, маркируют границы “своего” и “чужого” культурного пространства и поэтому первыми подлежат разрушению в ситуациях “столкновения идентичностей”»²²⁴ — социальных, национальных, конфессиональных и др.

Это же относится и к борьбе профессиональных творческих мнений, в ходе которой нередко происходит коренной пересмотр

²²² *Святославский А. В.* История России в зеркале памяти. Механизмы формирования исторических образов / Алексей Владимирович Святославский. — М.: Древлехранилище, 2013. — С. 17.

²²³ *Дорская А. А., Дорский А. Ю.* «Войны памяти» и их правовое измерение: мемориальные законы как явление правовой жизни конца XX — начала XXI века / А. А. Дорская, А. Ю. Дорский // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер.: Юридические науки. — 2019. — № 4 (36). — С. 19–27.

²²⁴ *Малыгина И. В.* Культурное наследие в контексте гуманитарных поражений глобализации / Ирина Викторовна Малыгина // Культурное наследие — от прошлого к будущему: научное издание. — М.; СПб.: Институт Наследия, 2022. — С. 202.

ранее данных экспертиз тех или иных объектов наследия, памятников истории и культуры: «Время сильнее экспертизы, — писал академик, доктор архитектуры И. Г. Лежава. — Что говорили парижские деятели культуры по поводу Эйфелевой башни? Все были за её снос. Даже Виктор Гюго требовал немедленно уничтожить эту “железную уродину”. Теперь это памятник номер один в Европе. Или дом Ипатьевых, который снёс в Екатеринбурге, а затем восстановил как памятник эпохи один и тот же “эксперт” — Борис Ельцин! <...> Так разве эксперты скажут, что надо сохранять как памятник эпохи? И вообще, о какой эпохе идёт речь? А сейчас разве не эпоха?»²²⁵

Причина возникновения подобных вопросов заключена в том, что всем экспертным и научным оценкам присуща «смысловая многогранность интерпретативной рамки», которая подвержена постоянному изменению²²⁶. Пересматриваются и по-разному истолковываются не только представления об историческом времени, его преемственности, ценности памятников, старых архитектурных построек и других объектов культурного наследия, но и фундаментальные понятия прекрасного, красоты, «эстетических отношений искусства к действительности»²²⁷. Неудивительно, что в XXI в., согласно наблюдению профессора кафедры ЮНЕСКО Российской академии народного хозяйства и государственной службы, доктора философских наук О. Н. Астафьевой, становится всё более явной «востребованность в совместных действиях и в достижении общности смыслового подхода к пониманию культуры, культурных ценностей и культурного наследия...»²²⁸.

²²⁵ *Лежава И. Г.* Жизнь памятника в городе / Илья Георгиевич Лежава // *Academia. Архитектура и строительство.* — 2015. — № 3. — С. 14.

²²⁶ *Астафьева О. Н.* Модели и дискурсы современной культурной политики: культурологическое осмысление / Ольга Николаевна Астафьева // *Культурное наследие — от прошлого к будущему: научное издание.* — М.; СПб.: Институт Наследия, 2022. — С. 303.

²²⁷ *Чернышевский Н. Г.* Эстетические отношения искусства к действительности / Николай Гаврилович Чернышевский. — М.: Госполитиздат, 1948. — 180 с.

²²⁸ *Астафьева О. Н.* Модели и дискурсы современной культурной политики: культурологическое осмысление / Ольга Николаевна Астафьева // *Культурное наследие — от прошлого к будущему: научное издание.* — М.; СПб.: Институт Наследия, 2022. — С. 316.

В мире, безусловно, «существуют “абсолютные” памятники — те, ценность которых никто — ни люди, ни специалисты не оспаривают, то есть памятники, узаконенные и принятые социумом, — писал академик И. Г. Лежава. — Но таких мало. В остальных случаях в этом процессе господствует субъективизм», частично объясняемый тем, что мировая культура «сравнительно недавно обрела трепетное отношение к памятникам. Сколько палат, дворцов и особняков было снесено и многократно перестроено в Европе. Сколько пострадало древних русских церквей, сколько их фресок записано и уничтожено в XIX веке»²²⁹. Такое же нигилистическое отношение к древним сооружениям и артефактам, основывавшееся на убеждении в том, что новое всегда лучше старого, наблюдалось у народов Америки, Австралии, Океании, азиатских и африканских стран.

Сложившаяся в современном мире проблемная ситуация вокруг наследия, памятников истории и культуры, по мнению ряда учёных, во многом обусловлена наличием «некоторого несоответствия между весомостью самой мемориальной культуры, явления которой насковзь пронизывают нашу жизнь, и недостаточным научным осмыслением феномена памятника, причём памятника в самом широком смысле — как знака напоминания, а не только произведения искусства, оцениваемого с исключительно эстетической точки зрения, или памятника археологии в его чисто информационной функции как порождения конкретной культуры без установки на намеренную историческую коммуникацию»²³⁰. А именно она в настоящее время особенно интересует научное сообщество, занятое не только традиционным открытием культурно-исторической реальности давнего и недавнего прошлого, но и выявлением механизмов коммеморации, анализом того, «каким образом в конкретной культурной среде оказывается *представлено* то, что имело место в истории»²³¹. Одну из главных ролей в этом сложном процессе играет память.

²²⁹ Лежава И. Г. Жизнь памятника в городе / Илья Георгиевич Лежава // Academia. Архитектура и строительство. — 2015. — № 3. — С. 15, 17.

²³⁰ Святославский А. В. Мемориальные аспекты культуры / Алексей Владимирович Святославский // Культура памяти : сб. науч. ст. — М. : Древлехранилище, 2003. — С. 3.

²³¹ Святославский А. В. Среда обитания как среда памяти: к истории отечественной мемориальной культуры : автореф. дис. ... д-ра культурологии / Алексей Владимирович Святославский. — М. : МПГУ, 2011. — С. 3–4.

Глава третья

Культура, наследие, память

Представленные во второй половине XX — начале XXI в. на страницах научных изданий разных стран дискурсы о наследии и памятниках в той или иной степени касались вопросов их отношения не только с историей и культурой, но и с памятью, которая рассматривалась в качестве одного из ценных свидетельств о прошлом и анализировалась вместе со своим антиподом — забвением. Память как социокультурный феномен виделась связующим элементом истории, традиции и культуры, участвующим в процессе репрезентации прошлого, коммеморации и формирования образов культуры. «Необходимо углублённое исследование проблематики памяти во всех её аспектах от памяти субъекта до памяти национальной и общечеловеческой, — говорил в конце прошлого столетия основатель отечественного памятниковедения П. В. Боярский, поясняя: — Выявление различных особенностей и свойств памяти даёт возможность углубить не только основополагающие методы сохранения и оценки значимости различных категорий памятников, но и способы их изучения, реставрации, охраны и использования»²³².

О значении памяти в развитии общества и культуры много писали зарубежные мыслители, например американский социолог Эдвард Шилз в книге «Традиция»²³³ или французский философ Ален (Эмиль Шартье), который, цитируя известную фразу «мёртвые правят живыми», отмечал: «...Наши избранные мысли с помощью культа мёртвых становятся лучше нас самих. <...> Род человеческий возвышается, отдавая дань памяти; наши предки делают нас лучше, чем были сами, уже тем только, что мы почитаем

²³² Боярский П. В. Введение в памятниковедение / Пётр Владимирович Боярский. — М. : Советский фонд культуры ; НИИ культуры, 1990. — С. 31–32.

²³³ Shils E. Tradition / Edward Shils. — Chicago : University of Chicago Press, 1981. — 334 p.

их, прислушиваемся к памяти сердца»²³⁴. Благодаря трудам Жака Ле Гоффа²³⁵, Пьера Нора²³⁶, Джеффри К. Олика²³⁷, Поля Рикёра²³⁸, Рафаэля Самюэля²³⁹, Мориса Хальбвакса²⁴⁰, Патрика Хаттона²⁴¹, Алейды и Яна Ассман²⁴², а также некоторых других учёных,

²³⁴ *Ален (Эмиль Шартье)*. Прекрасное и истина. Прекрасное и истина [Текст] : избранные труды / Сост., пер., ст. и коммент. К. З. Акоюна. — СПб. : Алетейя, 2016. — С. 184.

²³⁵ *Ле Гофф Ж.* История и память / Жак Ле Гофф ; Пер. с фр. К. З. Акоюна. — М. : РОССПЭН, 2013. — 302 с.

²³⁶ *Нора П.* Между памятью и историей. Проблематика мест памяти / Пьер Нора // Нора П., Озуф М., де Пюимеж Ж., Винок М. Франция-память / Пер. с фр. Д. Хапаева. — СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. — С. 17–50; *Нора П.* Эра коммемораций / Пьер Нора // Нора П., Озуф М., де Пюимеж Ж., Винок М. Франция-память / Пер. с фр. Д. Хапаева. — СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. — С. 95–148; *Nora P.* Les Lieux de mémoire, I–VII / Pierre Nora. — Paris : Gallimard, 1984–1992.

²³⁷ *Olick J. K.* States of Memory: Continuities, Conflicts, and Transformations in National Retrospection (Politics, History, and Culture) / Jeffrey K. Olick. — Durham, NC : Duke University Press, 2003. — 368 p.; *Olick J. K.* The politics of regret: On collective memory and historical responsibility / Jeffrey K. Olick. — London : Routledge, 2013. — 240 p.

²³⁸ *Рикёр П.* Память, история, забвение / Поль Рикёр; Пер. с фр. И. И. Блауберг и др. — М. : Издательство гуманитарной литературы, 2004. — 725 с.

²³⁹ *Samuel R.* Theatres of Memory: Past and Present in Contemporary Culture / Raphael Samuel. — London : Verso, 1994. — 479 p.

²⁴⁰ *Хальбвакс М.* Коллективная и историческая память / Морис Хальбвакс ; Пер. с фр. Мих. Габовича // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. — М. : Новое литературное обозрение, 2005. — С. 16–50; *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти / Морис Хальбвакс ; Пер. с фр. и вступ. ст. С. Зенкина. — М. : Новое издательство, 2007. — 346 с.

²⁴¹ *Хаттон П. Х.* История как искусство памяти / Патрик Х. Хаттон ; Пер. с англ. В. Ю. Быстрова. — СПб. : Владимир Даль ; Фонд Ун-т, 2003 (Акад. тип. Наука РАН). — 422 с.

²⁴² *Ассман А.* Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / Алейда Ассман ; Пер. с нем. Б. Хлебникова. — М.: Новое литературное обозрение, 2014. — 328 с.; *Ассман А.* Забвение истории — одержимость историей / Алейда Ассман ; Пер. с нем. Б. Хлебникова. — М. : Новое литературное обозрение, 2019. — 552 с.; *Ассман Я.* Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Ян Ассман ; Пер. с нем. М. М. Сокольской. — М. : Языки славянской культуры, 2004. — 363 с.; *Assmann A.* Geschichte im Gedächtnis / Aleida Assmann. — München : Verlag C. H. Beck, 2014. — 224 s.

проблематизировавших тему памяти в рамках критических дискурсов о прошлом и наследии, изучение памяти (Memory Studies) в XX в. стало актуальным направлением социально-гуманитарных исследований.

Пьер Нора, характеризуя современную эпоху, отмечал присущий ей «шквал коммемораций» и «взрыв всего, связанного с наследием» самых разных социальных и национальных групп: «Но власть памяти сегодня настолько сильна, — писал он, — что коммеморативный аппетит эпохи подчинил себе всё, вплоть до стремления управлять этим феноменом», в результате чего «динамика коммеморации совершенно изменилась. Мемориальная модель возобладала над исторической, что сделало новым — непредсказуемым и капризным — обращение с прошлым. Прошлое утратило свой органичный, безапелляционный и принудительный характер. Имеет значение не то, что прошлое накладывает на нас, а лишь то, что в него вкладывают», — утверждал французский историк²⁴³.

В 1992 г. была принята Программа ЮНЕСКО «Память мира» (Memory of the World), нацеленная на защиту всемирного документального наследия и составление регистров документального наследия «Память мира» на международном, региональном и национальном уровнях стран Азии, Северной и Южной Америки, Африки, Европы, арабского мира, Карибского бассейна и Тихоокеанского региона²⁴⁴. Повышенный интерес к Memory Studies вызвал в мире «бум памяти», породивший такой феномен, как «неостывающая память»²⁴⁵. Не стала исключением и Россия, где тему памяти во второй половине XX — начале XXI в. развивали основатель российской семиотической школы, культуролог,

²⁴³ Нора П. Эра коммемораций / Пьер Нора // Нора П., Озуф М., де Пюимеж Ж., Винок М. Франция-память / Пер. с фр. Д. Хапаева. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. — С. 95, 113, 131, 133.

²⁴⁴ См.: Edmondson R., Jordan L., Prodan A. C. (eds.) The UNESCO Memory of the World Programme: Key Aspects and Recent Developments / Ray Edmondson, Lothar Jordan and Anca Claudia Prodan. — Berlin : Springer, 2020. — 340 p.

²⁴⁵ Романовский Н. В. Неостывающая память (круглый стол) / Николай Валентинович Романовский // Социологические исследования. — 2020. — № 5. — С. 3–17; Романовский Н. В. Новое в социологии — «бум памяти» / Николай Валентинович Романовский // Социологические исследования. — 2011. — № 6. — С. 13–23.

академик Ю. М. Лотман²⁴⁶, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук Л. П. Репина²⁴⁷, доктор исторических наук, профессор Е. А. Вишленкова²⁴⁸, доктор исторических наук, профессор И. М. Савельева (совместно с профессором А. В. Полетаевым)²⁴⁹,

²⁴⁶ *Лотман Ю. М.* Память в культурологическом освещении / Юрий Михайлович Лотман // Лотман Ю. М. Избранные статьи : в 3 т. — Таллинн : Александра, 1992. — Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. — С. 200–202; *Лотман Ю. М.* Память культуры / Юрий Михайлович Лотман // Лотман Ю. М. Семиосфера. — СПб. : Искусство-СПб, 2010. — С. 614–621; *Святославский А. В.* История России в зеркале памяти. Механизмы формирования исторических образов / Алексей Владимирович Святославский. — М. : Древлехранилище, 2013. — 592 с.

²⁴⁷ *Время — История — Память.* Историческое сознание в пространстве культуры / Под ред. Л. П. Репиной. — М. : ИВИ РАН, 2007. — 319 с.; *История и память : History and memory : Историческая культура Европы до начала Нового времени / Под ред. Л. П. Репиной.* — М. : Кругъ, 2006. — 763 с.; *Образы времени и исторические представления: = Images of time and historical representations : Россия — Восток — Запад / Под ред. Л. П. Репиной.* — М. : Кругъ, 2010. — 959 с.; *Репина Л. П.* Знание о прошлом и культурная память / Лорина Петровна Репина // Труды Отделения историко-филологических наук РАН — 2005. — М. : Наука, 2005. — С. 71–91.

²⁴⁸ *Вишленкова Е. А.* Мемориальная культура российского университета XIX века / Елена Анатольевна Вишленкова // Мир историка. Историкографический сборник. Вып. 7. — Омск : Изд.-во Омск. гос. ун-та, 2011. — С. 81–94; *Вишленкова Е. А., Ильина К. А.* Реформа университетских архивов в России 1830-х годов / Елена Анатольевна Вишленкова, Кира Андреевна Ильина // История и историческая память. — Саратов : Северо-Кавказский федеральный университет, 2014. — С. 40–59; *Вишленкова Е. А., Ильина К. А.* Университетский архив и модернизация государственного управления в Российской империи 1820–1830-х гг. / Елена Анатольевна Вишленкова, Кира Андреевна Ильина // Новое прошлое. — 2016. — № 2. — С. 86–106; *Биографии университетских архивов / Под ред. Е. А. Вишленковой, А. Н. Дмитриева, Н. В. Самутиной.* — М. : Изд. Дом Высшей школы экономики, 2017. — 297 с.; *Vishlenkova E. A.* University Tradition: a Resource or Burden? / Elena A. Vishlenkova // History of Education and Children's Literature. — 2014. — Т. IX, № 1. — P. 203–225.

²⁴⁹ *Савельева И. М.* Перекрестки памяти / Ирина Максимовна Савельева // В кн.: Хаттон Патрик Х. История как искусство памяти. — СПб. : Изд-во Владимир Даль, 2003. — С. 398–421; *Савельева И. М.* «Уроки истории» учёной корпорации / Ирина Максимовна Савельева // Мир историка. Историкографический сборник. Вып. 7. — Омск : Изд-во Омск. гос. ун-та, 2011. — С. 63–80; *Савельева И. М., Полетаев А. В.* Знание о прошлом.

доктор культурологии, профессор А. В. Святославский²⁵⁰ и другие исследователи.

В 2003 г. Российский институт культурологии в Москве издал сборник научных статей «Культура памяти»²⁵¹, в 2004 г. Челябинское отделение Российского общества интеллектуальной истории выпустило сборник статей «Век памяти, память века: опыт обращения с прошлым в XX столетии»²⁵², в 2015 г. Социологический институт РАН в Санкт-Петербурге опубликовал сборник «Наше прошлое: ностальгические воспоминания или угроза будущему?»²⁵³ и т. д. Многие сборники выходили по итогам научных конференций, как внутрисоссийских, так и международных. Их участников в основном волновали два взаимосвязанных вопроса: с одной стороны, как соотносятся память о прошлом и история, «могут ли политики, власть предержажшие, и простые граждане доверять исторической науке», а с другой стороны, «какова социальная функция коллективной памяти, если она состоит из присущих

Теория и история: в 2 т. / Ирина Максимовна Савельева, Андрей Владимирович Полетаев. Т. 1: Конструирование прошлого. — СПб. : Наука, 2003. — 632 с.; Т. 2: Образы прошлого. — СПб. : Наука, 2006. — 751 с.; *Савельева И. М., Полетаев А. В.* История и время. В поисках утраченного / Ирина Максимовна Савельева, Андрей Владимирович Полетаев. — М. : Языки русской культуры, 1997. — 800 с.

²⁵⁰ *Святославский А. В.* История России в зеркале памяти. Механизмы формирования исторических образов / Алексей Владимирович Святославский. — М. : Древлехранилище, 2013. — 592 с.; *Святославский А. В.* Мемориальная культура / Алексей Владимирович Святославский // Прикладная культурология. Энциклопедия / Сост. и науч. ред. И. М. Быховская. — М. : Согласие, 2019. — С. 454–456; *Святославский А. В.* Мемориальные аспекты культуры / Алексей Владимирович Святославский // Культура памяти : сб. науч. ст. — М. : Древлехранилище, 2003. — С. 3–8; *Святославский А. В.* Среда обитания как среда памяти: к истории отечественной мемориальной культуры : автореф. дис. ... д-ра культурологии / Алексей Владимирович Святославский. — М. : МПГУ, 2011. — 53 с.

²⁵¹ *Культура памяти* : сб. науч. ст. — М. : Древлехранилище, 2003. — 276 с.

²⁵² *Век памяти, память века: опыт обращения с прошлым в XX столетии* : сб. ст. — Челябинск : Каменный пояс, 2004. — 543 с.

²⁵³ *Наше прошлое: ностальгические воспоминания или угроза будущему?* Материалы VIII социологических чтений памяти Валерия Борисовича Голофаства (Санкт-Петербург, СИ РАН, 9–11 декабря 2014 г.) / Ред. и сост. О. Б. Божков. — СПб. : Эйдос, 2015. — 368 с.

группам и массе убеждений (представлений об истории) и связанных с ними ритуалов, и тем самым, по определению, далека от объективности»²⁵⁴. При этом «внимание исследователей к проблематике исторической памяти с особой рельефностью проявлялось в той области, которая наиболее конфликтна, то есть порождается различными интерпретациями и оценками тех или иных событий, а также попытками формировать и/или регулировать процессы исторической памяти, либо вынося их в центр воспоминаний, либо предавая забвению»²⁵⁵.

Профессор Варбургского института Лондонского университета Фрэнсис Йейтс в работе «Искусство памяти» писала: «Лишь немногие знают, что греки, изобретатели всевозможных искусств, открыли также искусство памяти, которое подобно другим было передано Риму и вошло затем в европейскую традицию. Это искусство памяти использовало технику запечатления в памяти неких “образов” и “мест”. Обычно оно квалифицировалось как “мнемотехника” и в новые времена представлялось весьма незначительной областью человеческой деятельности. Однако в эпоху, предшествовавшую изобретению книгопечатания, хорошо развитая память имела жизненно важное значение, и манипуляции с памятьными образами должны были так или иначе захватывать всю душу целиком»²⁵⁶. И не только всю душу, но и весь разум. На это обращал внимание профессор истории парижского университета Сорбонна Марк Блок, считавший, что «в отличие от других наша цивилизация всегда многого ждала от своей памяти. Этому способствовало всё — и наследие христианское, и наследие античное. Греки и латиняне, наши первые учителя, были народами-историографами», поэтому «наше искусство, наши литературные памятники полны

²⁵⁴ *Святославский А. В.* История России в зеркале памяти. Механизмы формирования исторических образов / Алексей Владимирович Святославский. — М.: Древлехранилище, 2013. — С. 46.

²⁵⁵ *Кочеляева Н. А.* Методология работы с культурной памятью. «Трудные места» и их представление в публичном пространстве / Нина Александровна Кочеляева // Наше прошлое: ностальгические воспоминания или угроза будущему? Материалы VIII социологических чтений памяти Валерия Борисовича Голофаства (Санкт-Петербург, СИ РАН, 9–11 декабря 2014 г.) / Ред. и сост. О. Б. Божков. — СПб.: Эйдос, 2015. — С. 104.

²⁵⁶ *Йейтс Ф.* Искусство памяти / Фрэнсис Амелия Йейтс. — СПб.: Университетская книга, 1997. — С. 6.

отзвуков прошлого, с уст наших деятелей не сходят поучительные примеры из истории, действительные или мнимые...»²⁵⁷.

В Новейшее время интерес к историософским исследованиям памяти был обусловлен сочинениями XIX столетия, в частности книгой «Недуги памяти» художника Теодюля Рибо²⁵⁸ и работой «Материя и память» французского философа Анри Бергсона²⁵⁹. Последняя существенно повлияла на творчество социолога, преподавателя Страсбургского университета Мориса Хальбвакса, который в 1925 г. опубликовал книгу «Социальные рамки памяти», вызвавшую в научных кругах большой интерес в связи с предложенной в ней концепцией формирования коллективной памяти и социальных представлений о прошлом, воплощённых в разных объектах материальной и нематериальной культуры²⁶⁰. В дальнейшем эта книга неоднократно переиздавалась, так же как и опубликованное в 1950 г. уже после смерти философа его сочинение «Коллективная память», в котором рассматривались такие понятия, как историческая память, социальная память, индивидуальная память и коллективная память²⁶¹.

Концепция Хальбвакса послужила основой для многих последующих исследований памяти, в том числе представителей феноменологического подхода в социологии, разработавших свою концепцию памяти, научный аппарат которой включал не только классические категории: «история», «прошлое», «забвение», «память», «виды и формы памяти» (индивидуальная, коллективная, историческая и т. д.), но и такие понятия, как «воспоминание», «припоминание», «поминовение», «политика памяти»²⁶². Каждое

²⁵⁷ Блок М. Апология истории, или Ремесло историка / Марк Блок ; Пер. с фр. Е. М. Лысенко. — М. : Наука, 1986. — С. 7–8.

²⁵⁸ Ribot Th. Les Maladies de la mémoire / Théodule Ribot. — Paris : Librairie Germer Balliere et. Cie, 1881. — 169 p.

²⁵⁹ Bergson H. Matière et mémoire / Henri Bergson. — Paris : Alcan, 1896. — 346 p.; Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память / Анри Бергсон ; Пер. с фр. — Минск : Харвест, 1999. — 1408 с.

²⁶⁰ Halbwachs M. Les Cadres sociaux de la mémoire / Maurice Halbwachs. — Paris : Alcan, 1925. — 404 p.

²⁶¹ Halbwachs M. La Mémoire collective / Maurice Halbwachs. — Paris : Presses Universitaires de France, 1950. — 205 p.

²⁶² См., например: Casey E. S. Remembering: A Phenomenological Study / Edward S. Casey. — Bloomington : Indiana University Press, 1987. —

из них детально анализировалось учёными и служило основанием для выявления новых видов, форм и подгрупп памяти. Так, историк культуры, египтолог, профессор Гейдельбергского университета Ян Ассман отмечал, во-первых, самую примитивную — миметическую (подражательную) память; во-вторых, предметную память, которая ассоциируется с вещами и предметами прошлого; в-третьих, коммуникативную (внутрисемейную, родовую) память; в-четвёртых, объединяющую предыдущие три — культурную память, а среди них различал ещё холодную (информационную) память, механически фиксирующую прошлое, и горячую память, которая актуализирует исторические события и факты, превращая их нередко в мифы и легенды²⁶³. В свою очередь супруга профессора Яна Ассмана, историк литературы, культуролог, профессор Констанцкого и Венского университетов Алейда Ассман разработала свою типологию памяти. Подвергнув критике понятие «коллективная память» за размытость и неопределённость, она предложила конкретизировать его и разделить, с одной стороны, на социальную и политическую память²⁶⁴, а с другой стороны, на память индивидуума, память социальной группы, память политического коллектива нации и память культуры²⁶⁵.

Французский философ Поль Рикёр, являвшийся профессором Сорбонны и Чикагского университета, в своей книге «Память, история, забвение», которая была выстроена вокруг вопросов «О чём мы вспоминаем?» и «Кому принадлежит память?», разрабатывал также темы «примирённой памяти» и «политики справедливой памяти». Их значение и суть он видел как в умении не забывать, так и не становиться заложником собственной памяти.

362 p.; *Wertsch J. V. Voices of collective remembering* / James V. Wertsch. — Cambridge : Cambridge univ. press, 2002. — 202 p.

²⁶³ Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Ян Ассман ; Пер. с нем. М. М. Сокольской. — М. : Языки славянской культуры, 2004. — С. 18–20.

²⁶⁴ Assmann A. Re-framing memory. Between Individual and Collective Forms of Constructing the Past / Aleida Assmann // K. Tilmans, F. van Vree and J. Winter (eds.). *Performing the Past: Memory, History, and Identity in Modern Europe*. — Amsterdam University Press, 2010. — P. 35–50.

²⁶⁵ Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / Алейда Ассман ; Пер. с нем. Б. Хлебникова. — М. : Новое литературное обозрение, 2014. — С. 13.

Рикёр объяснял: «...меня не перестаёт волновать положение дел, когда в одном случае слишком увлекаются вопросами памяти, в другом — забвения и ни слова не говорят о значении поминания и о злоупотреблениях памятью или забвением. Идея о политике справедливой памяти является в этом отношении одной из главных тем, изучение которых я считаю своим гражданским долгом»²⁶⁶.

Интересную концепцию «памятных мест» разработал историк культуры, видный представитель интеллектуального движения *Nouvelle Histoire*, член Французской академии с 2001 г. Пьер Нора, на которую ссылались учёные многих стран, в частности на утверждение, что «о памяти столько говорят только потому, что её больше нет. На смену памяти пришли места воспоминаний. Места воспоминаний в традиции древней мнемотехники следует понимать как локусы (места) в широком смысле, которые вызывают образы воспоминаний (воображения)... Они могут включать в себя географические места, здания, памятники и произведения искусства, а также исторические личности, дни памяти, философские тексты, способы речи или символические действия», в результате чего «критики, столкнувшись с этой неоднородностью, задались вопросом, что на самом деле делает всё это памятным местом»²⁶⁷. Ответ на него давался на страницах выпускавшегося П. Нора многотомного издания «Места памяти» и прежде всего его первых основных томов: «Республика», «Нация», «Франция», «Переосмысление Франции: мир воспоминаний. История и память», оказавших большое влияние на мировые исследования памяти и породивших немалое число последователей, а также критиков²⁶⁸.

²⁶⁶ Рикёр П. Память, история, забвение / Поль Рикёр ; Пер. с фр. И. И. Блауберг и др. — М. : Издательство гуманитарной литературы, 2004. — С. 15, 21.

²⁶⁷ Nora P. Les lieux de mémoire / Pierre Nora // Leggewie C., Zifonun D., Lang, A-K., Siepmann M. und Hoppen J. Schlüsselwerke der Kulturwissenschaften. — Bielefeld : Transcript Verlag, 2012. — S. 158.

²⁶⁸ Nora P. Les Lieux de mémoire. T. 1: La République / Pierre Nora. — Paris : Gallimard, 1984. — 674 p.; Nora P. Les Lieux de mémoire. T. 2: La Nation / Pierre Nora. — Paris : Gallimard, 1986. — 667 p.; Nora P. Les Lieux de mémoire. T. 3: Les Francs / Pierre Nora. — Paris : Gallimard, 1997. — 4751 p.; Nora P. Rethinking France: Les Lieux de mémoire. Vol. 4: Histories and Memories / Pierre Nora. — Chicago University of Chicago Press, 2010. — 504 p.

Каждой эпохе присуще своё видение истории, исторического наследия, памятников прошлого и «мест памяти», формирующих визуальный образ историко-культурного нарратива. «Особым моментом нашей истории», как считал Нора, является «интерес к местам памяти, где память кристаллизуется и находит своё убежище»: «Это поворотный пункт, когда осознание разрыва с прошлым сливается с ощущением разорванной памяти, но в этом разрыве сохраняется ещё достаточно памяти для того, чтобы могла быть поставлена проблема её воплощения. Чувство непрерывности находит своё убежище в местах памяти. Многочисленные места памяти (*lieux de mémoire*) существуют потому, что больше нет памяти социальных групп»²⁶⁹, — приходил к парадоксальному выводу Нора.

Он связывал «конец обществ-памятей» с «концом того, что мы переживали как очевидное — тождество истории и памяти», которого больше нет, поскольку: 1. «Память — это жизнь, носителями которой всегда выступают живые социальные группы, и в этом смысле она находится в процессе постоянной эволюции, она открыта диалектике запоминания и амнезии, не отдаёт себе отчёта в своих последовательных деформациях, подвластна всем использованиям и манипуляциям», а «история — это всегда проблематичная и неполная реконструкция того, чего больше нет. Память — это всегда актуальный феномен, переживаемая связь с вечным настоящим. История же — это репрезентация прошлого»; 2. «История как интеллектуальная и светская операция взывает к анализу и критическому дискурсу. Память помещает воспоминание в священное, история его оттуда изгоняет, делая его прозаическим»; 3. «Память порождается той социальной группой, которую она сплачивает, это возвращает нас к тому, что, по словам Хальбвакса, существует столько же памятей, сколько и социальных групп, к идее о том, что память по своей природе множественна и неделима, коллективна и индивидуальна. Напротив, история принадлежит всем и никому, что делает универсальность её призванием»; 4. «Память укоренена в конкретном, в пространстве, жесте, образе и объекте. История не

²⁶⁹ *Нора П.* Между памятью и историей. Проблематика мест памяти / Пьер Нора // Нора П., Озуф М., де Пюимеж Ж., Винок М. Франция-память / Пер. с фр. Д. Хапаева. — СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. — С. 17.

прикреплена ни к чему, кроме временных протяжённостей, эволюции и отношений вещей. Память — это абсолют, а история знает только относительное»; 5. «В сердце истории работает деструктивный критицизм, направленный против спонтанной памяти. Память всегда подозрительна для истории, истинная миссия которой состоит в том, чтобы разрушить и вытеснить её», и «движение истории, амбиции историков не являются воскрешением того, что действительно произошло, но полным его уничтожением. Безусловно, всеобщий критицизм сохранил бы музеи, медали, памятники, т. е. необходимый арсенал своей собственной работы, но ценой лишения их того, что в наших глазах сделало их местами памяти»²⁷⁰.

Одновременно Пьер Нора на примере Франции показывал, что бывали периоды взаимопроникновения «истории, памяти, нации», в которые «национальное определение настоящего... категорически требовало своего оправдания ясностью прошлого», а «история священна, поскольку священна нация», но когда в XX в. «пара гударство-нация постепенно стала замещаться парой государство-общество», тогда «история из традиции памяти <...> удивительным образом превращается в знание общества о себе самом» и «легитимизация через прошлое и, следовательно, через историю уступила место легитимизации через будущее. Прошлое можно лишь знать и почитать, нации можно служить, будущее нужно готовить. Три термина обрели свою самостоятельность. Нация — это больше не борьба, а данность, история превратилась в одну из социальных наук, а память — это феномен исключительно индивидуальный»²⁷¹.

Говоря о современности, Нора отмечал, что изучение мест памяти находится на пересечении двух течений: «С одной стороны, это движение чисто историографическое, момент рефлектирующего возвращения истории к себе самой, с другой — это движение собственно историческое, конец определённой традиции памяти. Это время мест, это тот момент, когда огромный капитал

²⁷⁰ Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти / Пьер Нора // Нора П., Озуф М., де Пюимеж Ж., Винок М. Франция-память / Пер. с фр. Д. Хапаева. — СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. — С. 18–21.

²⁷¹ Там же. — С. 23–25.

наследия, который мы переживаем в интимности памяти, исчезает, чтобы ожить снова только под взглядом восстановленной истории. Решительное углубление работы истории, с одной стороны, и начало консолидации наследия — с другой. <...> Оба течения сливаются воедино, чтобы сразу же вернуть нас к базовым инструментам исторической работы и к наиболее символическим объектам нашей памяти», таким как архивы, библиотеки, словари и музеи²⁷².

Для П. Нора «места памяти — это останки» и «ценности в себе — свидетели другой эпохи, иллюзии вечности. Отсюда — ностальгический аспект проявлений почтения, исполненных ледяной патетики. Это ритуалы общества без ритуалов, преходящие святыни десакрализирующего общества, верность партикулярному в обществе, которое отвергает партикуляризм, фактические различия в обществе, принципиально стирающем их, знаки признания и принадлежности к группе в обществе, которое стремится распознавать только равных и идентичных индивидов. Места памяти рождаются и живут благодаря чувству, что спонтанной памяти нет, а значит нужно создавать архивы, нужно отмечать годовщины, организовывать празднования, произносить надгробные речи, нотариально заверять акты, потому что такие операции не являются естественными»²⁷³. Однако есть «внутренняя привязанность, всё ещё заставляющая нас чувствовать себя должниками по отношению к тому, что нас сделало, и историческая удалённость, вынуждающая нас бесстрастно осматривать наследство и составлять его инвентарь. Уцелевшие места памяти, в которых мы больше не живём, полуофициальные и полностью институционализированные, наполовину эмоциональные и чисто сентиментальные; места единодушия при отсутствии единства, больше не способные выразить ни активной убеждённости, ни страстного участия, где, однако, ещё прощупывается биение чего-то, оставшегося от символической жизни. Сползание от мемориального к историческому,

²⁷² Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти / Пьер Нора // Нора П., Озуф М., де Пюимеж Ж., Винок М. Франция-память / Пер. с фр. Д. Хапаева. — СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. — С. 25–26.

²⁷³ Там же — С. 26.

от мира, где были предки, в мир случайных отношений с тем, что нас сделало, переход от тотемической истории к истории критической — это и есть момент мест памяти», ибо «потребность в памяти есть потребность в истории»²⁷⁴.

Нора полагал, что «чем меньше память переживаема внутренне, тем более она нуждается во внешней поддержке и в ощутимых точках опоры, в которых и только благодаря которым она существует. Отсюда типичная для наших дней одержимость архивами, влияющая одновременно как на полную консервацию настоящего, так и на полное сохранение всего прошлого», в результате чего «воспоминание полностью превратилось в свою собственную тщательную реконструкцию. Записанная на плёнку память предоставила архиву заботу помнить её и умножать знаки там, где она сбросила, как змея, свою мёртвую кожу»²⁷⁵. Нора называл это «материализацией памяти» и «памятью бумаги, которая «стала автономным институтом музеев, библиотек, складов, центров документации, банков данных»: «Невозможно предсказать, что надо будет вспомнить, — объяснял он. — Отсюда — запрет разрушать, превращение всего в архивы, недифференцированное расширение мемориального поля, гипертрофированное раздувание функции памяти, связанное именно с чувством её утраты, и соответственно усиление всех институтов памяти». И если «в классическую эпоху было три источника пополнения архивов: знатный род, церковь и государство», то сегодня кто только «не считает себя обязанным записать свои воспоминания, написать свои “мемуары”, причём не только самые незначительные участники исторических событий, но и свидетели их деятельности, их супруги и их врачи»²⁷⁶.

В качестве доказательства своих слов Нора ссылаясь на 1980 год — Год наследия, который «стал ярчайшим примером этого, расширив значение понятия до самых крайних пределов неопределённости. Десятью годами раньше Ларусс 1970-го года издания

²⁷⁴ Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти / Пьер Нора // Нора П., Озуф М., де Пюимеж Ж., Винок М. Франция-память / Пер. с фр. Д. Хапаева. — СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. — С. 27–28.

²⁷⁵ Там же. — С. 28–29.

²⁷⁶ Там же. — С. 29–30.

ещё определяет понятие “наследие” как “имущество, которое досталось от отца или матери”. Малый Робер 1979-го года издания уже трактует его как “собственность, передаваемую по наследству, культурное наследие страны”. От очень ограниченной концепции исторических памятников вместе с конвенцией об исторических местах 1972 г. совершается резкий переход к понятию, от которого теоретически ничто не должно ускользнуть. Следует не только всё охранять, но и всё сохранять из указующих знаков памяти, даже если точно неизвестно, признаками какой памяти они являются»²⁷⁷. Одновременно, как отмечал Нора, «память выходит в центр философских размышлений благодаря Бергсону, в центр психологии личности благодаря Фрейдю, в центр литературной автобиографии благодаря Прусту», и происходит «решительное смещение того, что передаёт память: вместо исторического — психологическое, вместо социального — индивидуальное, вместо всеобщего — субъективное, вместо повторения — ремеморация»²⁷⁸.

Говоря о местах памяти, Нора отмечал, что их формирует «игра памяти и истории» и они «принадлежат двум царствам, что придаёт им и интерес, и сложность одновременно: простые и двусмысленные, естественные и искусственные, немедленно открывающиеся самому непосредственному чувственному опыту и в то же время пригодные для самого абстрактного анализа. На самом деле они являются местами в трёх смыслах слова — материальном, символическом и функциональном, — но в очень разной степени. Даже место, внешне совершенно материальное, как, например, архивное хранилище, не является местом памяти, если воображение не наделит его символической аурой»²⁷⁹. Тем не менее Нора относит к местам памяти архитектурные и монументальные объекты, топографические и туристические места, надгробные памятники и многое другое; он даёт их развёрнутую типологию и классификацию (доминирующие, доминируемые,

²⁷⁷ *Нора П.* Между памятью и историей. Проблематика мест памяти / Пьер Нора // Нора П., Озуф М., де Пюимеж Ж., Винок М. Франция-память / Пер. с фр. Д. Хапаева. — СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. — С. 30–31.

²⁷⁸ Там же — С. 34.

²⁷⁹ Там же — С. 40.

публичные, частные и т. д.), определяя: «Места памяти — это наш момент национальной истории»²⁸⁰.

Большое влияние на разработку вопросов памяти, истории, культуры, наследия оказали исследования в области социальной, культурной, исторической антропологии, социологии, культурологии, новой социальной истории, проводившиеся, например, Французской социологической школой (англ. French sociological school), видным представителем которой был Морис Хальбвакс, автор работ о коллективной памяти и социальных рамках памяти²⁸¹, американской «Новой школой социальных исследований» (The New School for Social Research), члены которой подготовили и опубликовали в 2011 г. «Словарь коллективной памяти» (The Collective Memory Reader)²⁸², немецкой исторической «Билефельдской школой» (Bielefeld School) и, конечно же, французской «Школой Анналов» (École des Annales), массово включившей в научный оборот (а за ней и представители других мировых школ, в том числе России²⁸³) так называемые эго-документы — историко-биографические материалы нижних слоёв общества — самых обыкновенных, простых и даже, беря определение Мишеля Фуко, «бес-

²⁸⁰ Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти / Пьер Нора // Нора П., Озуф М., де Пюимеж Ж., Винок М. Франция-память / Пер. с фр. Д. Хапаева. — СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. — С. 48.

²⁸¹ Хальбвакс М. Коллективная и историческая память / Морис Хальбвакс ; Пер. с фр. Мих. Габовича // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. — М. : Новое литературное обозрение, 2005. — С. 16–50; Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Морис Хальбвакс ; Пер. с фр. и вступ. ст. С. Зенкина. — М. : Новое издательство, 2007. — 346 с.

²⁸² The Collective Memory Reader / Ed. by Jeffrey K. Olick, Vered Vinitzky-Seroussi, Daniel Levy. — New York : Oxford University Press, 2011. — 497 p.

²⁸³ Илизаров Б. С. Народный архив. Живые голоса эпохи / Борис Семенович Илизаров. — М. : Вече, 2014. — 416 с.; Цветаева Н. Н. Память о советском прошлом в автобиографических нарративах / Нина Николаевна Цветаева // Наше прошлое: ностальгические воспоминания или угроза будущему? Материалы VIII социологических чтений памяти Валерия Борисовича Голофаства (Санкт-Петербург, СИ РАН, 9–11 декабря 2014 г.) / Ред. и сост. О. Б. Божков. — СПб. : Эйдос, 2015. — С. 118–125.

славных» людей, повседневная память которых оказалась для историков, социологов, философов, культурологов не менее ценна, чем память «великих мира сего», поскольку позволяла изучить общество не только «сверху», но и «снизу», узнать как то, что в нём «утверждается и превозносится», так и то, что в нём «отвергается и исключается»²⁸⁴.

В поле зрения учёных находились такие актуальные для гуманитарного знания вопросы, как «социальная/коллективная память», «история и память» и «история в памяти», «культура памяти и историческая политика», «история как искусство памяти», «социальная история как “места памяти”», «проблематика мест памяти», «память и время», «забвение истории — одержимость историей», «память, забвение и власть»²⁸⁵. У культурологов особый интерес вызывает понятие «культура памяти», которое включает в себя «как деятельность по увековечению современной мемориализатору культуры, так и реконструкция прошлой (ушедшей) по отношению к современности культуры. Культура памяти, став основой исторической науки, теории культурного наследия и породив целый комплекс социокультурных практик (охрана, реставрация и реконструкция наследия, музейное дело, коммеморативная политика, использование наследия в просветительной, политической, коммерческой и иных целях), вызвала

²⁸⁴ Фуко М. Жизнь бесславных людей // Фуко М. Интеллектуалы и власть. Избранные политические статьи, выступления и интервью / Мишель Фуко ; Пер. с фр. С. Ч. Офергаса. — М. : Праксис, 2002. — С. 7, 249–277.

²⁸⁵ См., например: Fogu C., Kansteiner W. The Politics of Memory and the Poetics of History / Claudio Fogu, Wulf Kansteiner. In The Politics of Memory in Postwar Europe, edited by R. Ned Lebow, W. Kansteiner, and C. Fogu. — Durham : Duke University Press, 2006. — P. 284–310; Magnusson S. G. Social History as «Sites of Memory»? The Institutionalization of History: Microhistory and the Grand Narrative / Sigurður Gylfi Magnusson // Journal of Social History. — 2006. — Vol. 39, № 3. — P. 891–913; Olick J. K. The politics of regret: On collective memory and historical responsibility / Jeffrey K. Olick. — London : Routledge, 2013. — 240 p.; Wood N. Vectors of Memory: Legacies of Trauma in Postwar Europe / Nancy Wood. — Oxford ; New York : Berg, 1999. — 204 p.

к жизни уже немало исследований, объединяющихся вокруг понятий “социальной памяти”, “культурной памяти”, “коллективной памяти”, “исторической памяти”. Эти понятия у одних исследователей выступают как полные или неполные синонимы, у других различаются»²⁸⁶. Но практически все признают, что память играет важную социальную роль в процессе актуализации прошлого в настоящем, важно лишь уметь отделять представления о прошлом, сформированные коллективной памятью, и полученные после её «стерилизации», замещения разными мифами и легендами²⁸⁷.

По характеру «культуры памяти», выражающейся в особом отношении к тем или иным памятным датам и местам, образующим «среду памяти», можно судить о национальном историческом сознании, политике памяти и политической культуре страны. В этом плане важную роль в «культуре памяти» играют календари, фиксирующие течение времени и ключевые события, факты, даты, некоторые из которых возводятся в ранг праздничных с разной иерархией или статусом — рабочих и нерабочих. Например, в США половина общенациональных праздников (нерабочих дней) связана с американской историей и культурой, которая, как отмечал профессор социологии и антропологии Чикагского университета Уильям Уорнер во введении к своей книге «Живые и мёртвые: исследование символической жизни американцев», «есть символическая организация сохраняемых памятью переживаний мёртвого прошлого, по-новому ощущаемых и понимаемых здравствующими членами коллектива» и выражается в «ритуа-

²⁸⁶ *Святославский А. В.* История России в зеркале памяти. Механизмы формирования исторических образов / Алексей Владимирович Святославский. — М. : Древлехранилище, 2013. — С. 9.

²⁸⁷ *Irwin-Zarecka I.* Frames of Remembrance: The Dynamics of Collective Memory / Iwona Irwin-Zarecka. — New Brunswick : Transaction Publishers, 1994. — 214 p.; *Хальбвакс М.* Коллективная и историческая память / Морис Хальбвакс ; Пер. с фр. Мих. Габовича // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. — М. : Новое литературное обозрение, 2005. — С. 16–50; *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти / Морис Хальбвакс ; Пер. с фр. и вступ. ст. С. Зенкина. — М. : Новое издательство, 2007. — 346 с.; *Хаттон П. Х.* История как искусство памяти / Патрик Х. Хаттон ; Пер. с англ. В. Ю. Быстрова. — СПб. : Владимир Даль ; Фонд Ун-т, 2003 (Акад. тип. Наука РАН). — 422 с.

лизации прошлого» — это День рождения Дж. Вашингтона, День поминовения, День независимости и День ветеранов²⁸⁸.

Иная картина сложилась в странах Западной Европы, где большинство общенациональных праздников являются христианскими, и лишь единицы связаны с памятливыми историческими датами, например во Франции это — День Победы 8 мая 1945 г., День взятия Бастилии 14 июля 1789 г. и День окончания Первой мировой войны 11 ноября 1918 г., а в Италии — День освобождения от фашизма 25 апреля 1945 г. и День провозглашения Республики 2 июня 1946 г. В России же среди праздничных нерабочих дней есть лишь один христианский — Рождество, которое завершает новогодние каникулы, все остальные даты имеют историко-государственный и социально-политический характер: Новый год, День защитника Отечества, Международный женский день, День Труда, День Победы, День России и День народного единства.

Вместе с тем среди исследователей отношение таких взаимообусловленных понятий, как история и память, до сих пор остаётся дискуссионным. Некоторые учёные считают их тождественными, другие отдают приоритет истории за стремление к научной истине и объективности, третьи выделяют память как менее подверженную псевдонаучным идеологическим манипуляциям в процессе репрезентации прошлого. При этом, как отмечал, например, в книге «Захор. Еврейская история и еврейская память» профессор Колумбийского университета Й. Х. Йерушалми, лишь благодаря коллективной памяти древние народы, державшиеся заповеди «Помни» (Захор) и не имевшие историописания, смогли сохраниться и сохранить свою культуру²⁸⁹. Пьер Нора называл их «народами памяти», обладавшими «сильным капиталом памяти и слабым капиталом истории»²⁹⁰, который они кристаллизировали

²⁸⁸ Warner W. L. *The Living and the Dead: A Study of the Symbolic Life of Americans* / William Lloyd Warner. — New Haven : Yale University Press, 1959. — P. 8; Уорнер У. Живые и мёртвые / Уильям Уорнер ; Пер. с англ. В. Г. Николаева. — М. ; СПб. : Университетская книга, 2000. — С. 5.

²⁸⁹ *Йерушалми Йосеф Хаим*. Захор = Zakhor : Еврейская история и еврейская память / Йосеф Хаим Йерушалми ; Пер. с англ. Р. Нудельмана. — М. : Мосты культуры ; Иерусалим : Гешарим, 2004. — 167 с.

²⁹⁰ *Нора П.* Между памятью и историей. Проблематика мест памяти / Пьер Нора // Нора П., Озуф М., де Пюимеж Ж., Винок М. Франция-память / Пер. с фр. Д. Хапаева. — СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. — С. 18–19.

в местах памяти, формировавших их идентичность, укреплявших чувство вечности, непрерывности исторического существования.

На особую роль памяти обращал внимание и Вяч. Иванов, писавший: «Но сама культура, в её истинном смысле <...> есть память не только о земном и внешнем лике отцов, но и достигнутых ими посвящениях. Живая, вечная память, не умирающая в тех, кто приобщается к этим посвящениям! Ибо последние были даны через отцов для их отдалённейших потомков, и ни одна нота новых когда-то письмен, врезанных на скрижалях единого человеческого духа, не прейдёт. В этом смысле не только монументальна культура, но и инициатива в духе. Ибо память, её верховная владычица, приобщает истинных служителей своих “инициациям” отцов и, возобновляя в них таковые, сообщает им силу новых зачатий, новых починов. Память — начало динамическое; забвение — усталость и перерыв движения, упадок и возврат в состояние относительной косности»²⁹¹.

Отдельный раздел «памяти и истории» посвятил в своей знаменитой книге «Прошлое — чужая страна» упоминавшийся уже американский профессор Дэвид Лоуэнталь, считавший, что, несмотря на имеющиеся различия между историей и памятью, они близки друг другу, ибо «историк принуждён выбирать не из множества того, что было (*res gestae*), но из других сообщений о том, что было (*historia rerum gestarum*). В этом смысле так называемые “первичные источники” стоят ничуть не ближе к реальности, чем производные от них хроники», не говоря уже о воспоминаниях²⁹². Это объясняет существующее в современной научной среде при воссоздании прошлого стремление к использованию максимально возможного корпуса источников, не только научно определённых и выверенных, но и художественных, литературных, на что указывала, в частности, канадский профессор Ивона Ирвин-Зарецкая в книге «Рамки воспоминаний. Динамика коллективной памяти»²⁹³.

²⁹¹ Переписка из двух углов. Вячеслав Иванов — Михаил Гершензон // Наше наследие. — 1989. — № III (9). — С. 125.

²⁹² Лоуэнталь Д. Прошлое — чужая страна / Дэвид Лоуэнталь ; Пер. с англ. А. В. Говорунова. — СПб. : Владимир Даль ; Русский Остров, 2004. — С. 339.

²⁹³ Irwin-Zarecka I. Frames of Remembrance: The Dynamics of Collective Memory / Iwona Irwin-Zarecka. — New Brunswick : Transaction Publishers, 1994. — 214 p.

Говорили об этом и многие деятели культуры, например, член Французской академии, писатель Андре Моруа, полагавший, что «художественное творчество — не сотворение мира ex nihilo (т. е. из ничего. — *Т. П.*). Это перегруппировка элементов действительности. Легко показать, что даже самые невероятные истории, кажущиеся нам весьма далёкими от реальных наблюдений, <...> сотканы из жизненных воспоминаний»²⁹⁴. А Максим Горький был убеждён в том, что «художник — больше историк и лучше историк, чем специалисты-историки», поскольку может буквально «несколькими строчками дать вполне чёткий образ, характер» того или иного исторического героя или эпохи, а сам образ, «мечта, выдумка в искусстве и жизни играют ту же роль орудия познания истины, как гипотеза в области науки»²⁹⁵.

В общем, можно согласиться с Жаком Ле Гоффом, что «Память — это исходный материал истории. Будь то в идеальной, устной или письменной форме, она представляет собой некий живой источник, который питает историков. Но поскольку историческая память чаще всего имеет бессознательный характер, в действительности существует гораздо большая опасность, что со временем в мыслящих сообществах манипулированию будет скорее подвергнута она, чем сама история как отрасль знания. Впрочем, последняя, в свою очередь, питает память и вновь подключается к тому грандиозному диалектическому процессу, в котором участвуют память и забвение и которым живут индивиды и общества. А для осмысления существующих воспоминаний — так же как и того, что было забыто, — и превращения всего этого в материал для размышлений, в объект изучения — нужен историк», иначе говоря, «память — это понятие-перекрёсток», которое связано с «феноменами, непосредственно относящимися к наукам о человеке и обществе»²⁹⁶.

По мнению отечественных учёных И. М. Савельевой и А. В. Полетаева, историю и память связывает категория времени,

²⁹⁴ *Моруа А.* Шестьдесят лет моей литературной жизни : сб. статей / Андре Моруа ; Пер. с фр. — М. : Прогресс, 1977. — С. 169.

²⁹⁵ Горький и советские писатели. Неизданная переписка / Максим Горький // Литературное наследство. — М. : АН СССР, 1963. — Т. 70. — С. 62, 563.

²⁹⁶ *Ле Гофф Ж.* История и память / Жак Ле Гофф ; Пер. с фр. К. З. Акopian. — М. : РОССПЭН, 2013. — С. 6, 79.

которая «в историческом исследовании выполняет самые разные функции. Важнейшие из них: обеспечение социальной памяти, организация прошлого, его реконструкция и интерпретация»²⁹⁷. А вот разделяет историю и память разный характер «конструирования прошлого» и выражения «истины» прошлого²⁹⁸, разная степень объективности или тенденциозности исторических нарративов и коллективной памяти, определяемая тем, что «память о прошлом и знание о нём совместно создают современные смыслы культуры», наделяющие «преимуществом те образы исторического порядка, которые поддерживают в сфере культурной коммуникации господствующие ценности и их актуальные воплощения»²⁹⁹. Как утверждал, например, философ, историк культуры Мишель Фуко, «Истину производят. Подобные производства истин нельзя отделить от власти и механизмов власти, как потому, что эти механизмы власти делают возможными и производят эти производства истин, так и потому, что эти производства истин сами оказывают властные воздействия, которые нас связывают и сковывают»³⁰⁰.

Проблема «истинности» и «легитимности» представлений о прошлом находится в центре многих научных дискурсов. Их участники, в частности упоминавшийся уже Пьер Нора на примере Франции, показывали, что она возникла из-за имевшей место подмены реальной памяти о прошлом псевдопамятью и попыток замещения ею научной истории, которая является интеллектуальной, критичной и универсальной, тогда как память существует как неосознанная динамичная форма, предназначенная для служения настоящему, в результате чего произошло разделение

²⁹⁷ Савельева И. М., Полетаев А. В. История и время. В поисках утраченного / Ирина Максимовна Савельева, Андрей Владимирович Полетаев. — М. : Языки русской культуры, 1997. — С. 139.

²⁹⁸ Constructing the Past: Essays in Historical Methodology / Ed. by Jacques Le Goff and Pierre Nora. — Cambridge : Cambridge University Press, 1985. — 217 p.

²⁹⁹ Вжосек В. Об историческом мышлении / Войцех Вжосек ; Пер. с польск. К. Ю. Ерусалимского // Вжосек В. Культура и историческая истина. — М. : Кругъ, 2012. — С. 167.

³⁰⁰ Фуко М. Интеллектуалы и власть. Избранные политические статьи, выступления и интервью / Мишель Фуко ; Пер. с фр. С. Ч. Офертса. — М. : Праксис, 2002. — С. 286.

истории и памяти³⁰¹. Нора писал: «Если пристально взглянуть на большие категории объектов, которые принадлежат к виду “места памяти”, — во всё то, что относится к культуре мёртвых, что принадлежало наследию, что управляет присутствием прошлого в настоящем, — то станет ясно, что некоторые из них, не вошедшие в него из-за узкого определения, могут претендовать на то, чтобы быть включёнными в него, и что, напротив, многие, и даже большинство из тех, которые могли бы быть включены в него в принципе, должны на самом деле быть исключены. То, что превращает некоторые доисторические, географические или археологические памятники в места памяти, иногда даже в самые значительные из них, является именно тем, что должно было бы помешать им стать таковыми, — полное отсутствие желания помнить, компенсируемое чудовищным бременем, наложенным на них временем, наукой, мечтой и памятью людей»³⁰².

На различия истории и памяти обращал внимание и Жак Ле Гофф: «Объектом истории является именно тот смутный смысл прошлого, который стремится признать в продуктах деятельности воображения одно из главных выражений исторической реальности, а в особой степени то, какова их реакция на своё прошлое. Но эта опосредованная история не есть история историков, которая одна только и призвана быть научной. То же самое относится и к памяти. Подобно тому, как прошлое — это не история, а её объект, точно так же и память — не история, но один из её объектов и одновременно простейший уровень исторического исследования»³⁰³. Память — коллективная, индивидуальная — конструирует прошлое, а не отражает его во всей полноте реально существовавших исторических фактов и явлений, что приводит

³⁰¹ *Nora P. Reasons for the Current Upsurge in Memory / Pierre Nora // Transit. — 2002. — Vol. 22 (1). — P. 4–8; Realms of memory. The construction of the French past / P. Nora, L. Kritzman (eds.). — N. Y. : Columbia univ. press, 1997. — 642 p.*

³⁰² *Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти / Пьер Нора // Нора П., Озуф М., де Пюимеж Ж., Винок М. Франция-память / Пер. с фр. Д. Хапаева. — СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. — С. 43–44.*

³⁰³ *Ле Гофф Ж. История и память / Жак Ле Гофф; Пер. с фр. К. З. Акопяна. — М. : РОССПЭН, 2013. — С. 169.*

к появлению самых разных, нередко конфликтующих интерпретаций и версий прошлого³⁰⁴.

В общем при реализации коммеморативных практик явное предпочтение отдаётся исторической науке, которая «может быть представлена своего рода методическим инструментом работы с коллективной памятью. Она призвана упорядочить процессы восприятия, осмысления и использования полученных из прошлого смыслов. Важную роль в формировании коллективной памяти играет так называемая политика памяти (мемориальная политика), проводимая властью, партиями и общественными движениями»³⁰⁵. При этом, как писал французский историк Жан-Пьер Вернан в книге «Миф и мышление у греков. Исследование по исторической психологии», «обожествление памяти» препятствует «стремлению исследовать прошлое» и даже проникается «подлинной ненавистью к истории»³⁰⁶. Вероятно потому, что чувствует в ней конкурента, ибо память, по меткому замечанию Пьера Нора, несёт «благонамеренную ложь», а история — «ложь научную», так что обе они говорят на одном языке и «одна поправляет другую»³⁰⁷.

Правда, некоторые исследователи отрицают «теорию разрыва памяти» с историей, но соглашаются с наличием другой современной проблемы — «одержимости культурной памятью» и важности её научного решения³⁰⁸. Профессор Колумбийского университета

³⁰⁴ Матусевич О. А. Конфликт интерпретаций прошлого в современном обществе / Ольга Александровна Матусевич // Труды Белорусского государственного технологического университета — БГТУ. История, философия, филология. — 2015. — № 5 (178). — С. 131–135.

³⁰⁵ Святославский А. В. История России в зеркале памяти. Механизмы формирования исторических образов / Алексей Владимирович Святославский. — М. : Древлехранилище, 2013. — С. 12.

³⁰⁶ Vernant J-P. Mythe et Mythe et pensée chez les Grecs: études de psychologie historique / Jean-Pierre Vernant. — Paris : F. Maspero, 1965. — P. 73–74.

³⁰⁷ Опыт словаря нового мышления / Под общ. ред. Ю. Афанасьева, М. Ферро. — М. : Прогресс ; Париж : Пайо, 1989. — С. 439, 441.

³⁰⁸ Feeley-Harnik G. Against the Motion. In: Key Debates in Anthropology, edited by T. Ingold / Gillian Feeley-Harnik. — London ; New York : Routledge, 1996. — P. 172–177; Huyssen A. Twilight Memories: Marking Time in a Culture of Amnesia / Andreas Huyssen. — New York ; London : Routledge, 1995. — 292 p.; Samuel R. Theatres of Memory: Past and Present in Contemporary Culture / Raphael Samuel. — London : Verso, 1994. — 508 p.

Андреас Хьюссен (Гюйссен) в книге «Сумеречные воспоминания: топтание времени в культуре амнезии» писал: «Великий парадокс нашей культуры fin de siecle заключается в том, что новизна ещё больше ассоциируется с памятью и прошлым, чем с ожиданиями будущего. Но если одержимость памятью является одним из характерных симптомов в наш век состарившейся современности, то культурная и политическая амнезия, несомненно, является её контрапунктом»³⁰⁹.

В причинах этого явления пыталась разобраться профессор Ирвин-Зарецкая, писавшая: «Когда мы говорим о социальном забвении, нам лучше всего избегать психологических или психоаналитических категорий и сосредоточиться, скорее, на социальных, политических и культурных факторах», а также на формировании обратной забвению «неконфликтной памяти», «смягчающей» и «стерилизующей»³¹⁰. Именно это происходило в постсоветской России, мемориальная культура которой основывалась «на трёх “китах”»: на научной историографии — настолько, насколько она способна выдержать давление власти и денег; на проводимой властью мемориальной политике (обычно называемой на Западе политикой памяти), а также на той групповой памяти, которая во многом находится вне сферы какой бы то ни было “научности”, формируется по своим специфичным законам, в том числе на устной традиции» и которая «неотделима от мифотворчества»³¹¹. Что же касается самого последнего времени, то, по мнению сотрудника Копенгагенского университета Нанны Бонд Тильstrup, в современном мире прослеживается явная тенденция создания на базе наследия «новой формы политики культурной памяти, которая

³⁰⁹ *Huyssen A.* Twilight Memories: Marking Time in a Culture of Amnesia / Andreas Huyssen. — New York ; London : Routledge, 1995. — 292 p. («The great paradox of our fin de siecle culture is that novelty is even more associated with memory and the past rather than future expectation. But if the obsession with memory is one salient symptom in this age of a modernity grown old, then cultural and political amnesia is undoubtedly its counterpoint»).

³¹⁰ *Irwin-Zarecka I.* Frames of Remembrance: The Dynamics of Collective Memory / Iwona Irwin-Zarecka. — New Brunswick : Transaction Publishers, 1994. — P. 116.

³¹¹ *Святославский А. В.* История России в зеркале памяти. Механизмы формирования исторических образов / Алексей Владимирович Святославский. — М. : Древлехранилище, 2013. — С. 52.

объединяет национальные и наднациональные представления с глобальными информационными структурами»³¹².

Исследование взаимообусловленности таких понятий, как память и наследие, представляет другую тему современного историко-культурного дискурса. В нём «локации, признанные наследием, обеспечивают физическое “основание” для космополитической памяти» и «наследие рассматривается как совокупность материальных и нематериальных маркеров коллективной памяти, которые помогают выстраивать и поддерживать последнюю»³¹³. Как отмечала итало-русский исследователь А. Фелькер, «наследие способствует формированию, циркуляции и закреплению памяти на транснациональном (глобальном), национальном, региональном, локальном, семейном и индивидуальном уровнях», в связи с чем наибольший интерес представляет «сопряжение исследований наследия и политики памяти», изучение того, «как объекты наследия служат конструированию идеологически нагруженной коллективной памяти»³¹⁴. А также в какой степени наследие и память отражают «реальное» прошлое³¹⁵.

При анализе взаимодействия наследия и памяти учёные пытаются найти ответы на целый ряд непростых вопросов: «Каковы способы и механизмы использования объектов наследия в политических целях? Какую роль играет политический интерес в процессе принятия решений о необходимости сохранения наследия или игнорирования такой необходимости? Как проявляется столкновение различных интересов при интерпретации объектов наследия? Как те или иные интересы приобретают решающее

³¹² *Thylstrup N. B.* The Politics of Mass Digitization / Nanna Bonde Thylstrup. — Cambridge, MA : MIT Press, 2018. — P. 57.

³¹³ *Barthel-Bouchier D.* Cultural Heritage / Diane Barthel-Bouchier // Routledge international handbook of memory studies / A. L. Tota, T. Hagen (eds.). — London : Routledge, 2015. — P. 221.

³¹⁴ *Фелькер А. В.* Исследования наследия и политики памяти — в поисках общих подходов / Анастасия Владимировна Фелькер // Политическая наука. — М., 2018. — № 3. — С. 28–52 = *Felcher A. V.* Heritage studies and the politics of memory — in search for common approaches // Political science (RU). — М., 2018. — No. 3. — P. 33.

³¹⁵ *Соколов Б. Г.* «Проект» проекта и память в новоевропейской культуре / Борис Георгиевич Соколов // Культурное наследие — от прошлого к будущему : научное издание. — М. ; СПб. : Институт Наследия, 2022. — С. 56.

значение? Как конструируется и проявляет себя идея “права первенства” интерпретации наследия и насколько потенциально конфликтен этот принцип? Как этот принцип становится предметом манипуляций?»³¹⁶ Исследователи пытаются выяснить, из-за чего возникают «войны памяти» и «войны за наследие», почему в одних регионах и странах они практически отсутствуют, а в других смена смыслов и практик, связанных с памятью и наследием, происходит довольно регулярно³¹⁷.

На протяжении долгого времени основными хранителями памяти и её опредмеченной части — материального наследия — являются архивы, библиотеки, музеи, в результате чего клирономические, культурологические, архивные, музейные, библиографоведческие и библиотековедческие исследования рассматриваются как взаимосвязанные, базирующиеся на документальных следах и свидетельствах прошлого. Об этом говорит, в частности, реализация в конце XX — начале XXI в. ряда инновационных проектов, например «Российская музейная энциклопедия», подготовленная Российским институтом культурологии, научные сотрудники которого собрали и обобщили данные о более чем двух тысячах музеев и находящихся в них 60 миллионов единиц хранения — историко-культурных объектов наследия³¹⁸; исследовательский проект Российского института культурного и природного наследия

³¹⁶ *Фелькер А. В.* Исследования наследия и политики памяти — в поисках общих подходов / Анастасия Владимировна Фелькер // Политическая наука. — М., 2018. — № 3. — С. 28–52 = *Felcher A. V.* Heritage studies and the politics of memory — in search for common approaches // Political science (RU). — М., 2018. — No. 3. — P. 34–35.

³¹⁷ См.: *Эшворт Г. Дж.* От истории к наследию, от наследия к идентичности: в поисках понятий и мод / Грегори Джон Эшворт // Неприкосновенный запас. — М.: Новое литературное обозрение, 2017. — № 4. — С. 154–171; *Heritage, Ideology, and Identity in Central and Eastern Europe: Contested Pasts, Contested Presents* / M. Rampley, P.G. Stone, P. Davis, C. Whitehead (eds.). — Woodbridge: Boydell Press, 2012. — 216 p.; *History, memory and politics in Central and Eastern Europe: Memory games* / G. Mink, L. Neumayer (eds.). — London: Palgrave Macmillan UK, 2013. — 270 p.

³¹⁸ Российская музейная энциклопедия: в 2 т. / Рос. ин-т культурологии МК РФ и РАН; редкол. В. Л. Янин (пред.) и др. — М.: Прогресс; Рипол классик, 2001. — Т. 1: А-М. — 2001. — 414 с.; Т. 2: Н-Я. — 2001. — 434 с.

«Живое наследие памяти»³¹⁹ или научный проект «Биография университетских архивов» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»³²⁰. Наконец, нельзя не сказать и о таком масштабном национальном проекте, как «Общероссийский свод книжных памятников», частью которого стало издание «Собрания книжных памятников (редких и ценных изданий) в библиотеках, музеях и архивах Российской Федерации: библиографический указатель (1917–2014)», содержащее данные об отдельных экземплярах, коллекциях, собраниях, фондах 563 библиотек, архивов и музеев из 170 городов Российской Федерации³²¹.

Вместе с тем главную проблему деятельности всех этих организаций эксперты видят не столько в сохранении памяти и памятников культуры, сколько в забвении³²². Философ Поль Рикёр рассматривал забвение двояко: с одной стороны, прошлое утрачивается вследствие забвения, к которому приводит разрушение свидетельств прошедшей истории — архива, библиотеки, музея, исторических мест города, хранящих следы прошлого, но, с другой стороны, забвение является не только врагом памяти и истории, а ещё и одним из важнейших их ресурсов, т. е., по мнению Рикёра, существует не только забвение как стирание следов, но и забвение как резерв³²³. В качестве примера, подтверждающего эти слова,

³¹⁹ Живое наследие памяти. Российские геологические династии: мысли о прошлом и будущем. К 300-летию РАН и 270-летию МГУ имени М. В. Ломоносова : сборник научных статей по итогам круглого стола / Науч. ред. и сост. Д. Я. Романова [Электронное сетевое издание]. — М. : Институт Наследия, 2021. — 276 с.; Живое наследие памяти : к 300-летию РАН и 100-летию академика Е. П. Чельшева : сборник научных статей по итогам круглого стола [Электронное сетевое издание] / Науч. ред. и сост. Д. Я. Романова. — М. : Институт Наследия, 2023. — 132 с.

³²⁰ Биографии университетских архивов / под ред. Е. А. Вишленковой, А. Н. Дмитриева, Н. В. Самутиной. — М. : Изд. Дом Высшей школы экономики, 2017. — 297 с.

³²¹ Собрания книжных памятников (редких и ценных изданий) в библиотеках, музеях и архивах Российской Федерации: библиографический указатель (1917–2014). — М. : Пашков дом, 2015. — 627 с.

³²² См., например: *Huyssen A. Twilight Memories: Marking Time in a Culture of Amnesia* / Andreas Huyssen. — New York ; London : Routledge, 1995. — 292 p.

³²³ *Рикёр П. Память, история, забвение* / Поль Рикёр ; Пер. с фр. И. И. Блауберг и др. — М. : Издательство гуманитарной литературы, 2004. — С. 693.

можно вспомнить Древний Египет 1351(1353)–1334(1336) г. до н. э. — периода правления фараона-реформатора Эхнатона, имя которого после его смерти египтянами было предано забвению, удалено из списков правителей со всех надписей и табличек, а созданная им столица Ахетатон превращена в пустыню, словом, было сделано всё, чтобы вычеркнуть Эхнатона из истории, однако сегодня о нём известно едва ли не больше, чем о каком-либо другом фараоне, поскольку пески накрыли его город и тем самым сохранили для потомков. Вернул его в мировую историю британский археолог Ф. Питри, который в конце XIX в. раскопал в районе Амарны дворец, храм, архив, скульптуры Эхнатона и Нефертити и многое другое. Возвращение из забвения в историю Рикёр называет «счастливым забвением», «примиренной памятью», прощением, которые «заново переkreщивают собой все операции, конституирующие память и историю, и оставляют особый след на забвении»³²⁴.

Исторический пример обращения египтян с наследием фараона Эхнатона показывает также, что в основе замалчивания, забвения прошлого лежат механизмы манипулирования коллективной памятью, используемые в государственных, политических, идеологических интересах. И механизмы эти разные, так же как и типы забывания, о которых в книге «Семь типов забывания» писал социолог Кембриджского университета Пол Коннертон: репрессивное стирание (*repressive erasure*), предписывающее забывание (*prescriptive forgetting*), забывание как основа формирования новой идентичности (*forgetting that is constitutive in the formation of a new identity*), структурная амнезия (*structural amnesia*), забывание как аннулирование (*forgetting as annulment*), забывание как запланированное устаревание (*forgetting as planned obsolescence*) и забывание как униженное молчание (*forgetting as humiliated silence*)³²⁵. «Показать себя властителем памяти и забвения, — писал Ж. Ле Гофф, — это одна из важнейших задач классов, групп и индивидов, которые господствовали и господствуют в исторических обществах»³²⁶.

³²⁴ Рикёр П. Память, история, забвение / Поль Рикёр ; Пер. с фр. И. И. Блауберг и др. — М. : Издательство гуманитарной литературы, 2004. — С. 403, 633.

³²⁵ Connerton P. Seven Types of Forgetting / Paul Connerton // *Memory Studies*. — 2008. — Vol. 1 (59). — P. 59–71.

³²⁶ Ле Гофф Ж. История и память / Жак Ле Гофф ; Пер. с фр. К. З. Акопяна. — М. : РОССПЭН, 2013. — С. 82.

Они либо стирали, уничтожали память, либо увековечивали, закрепляли её в материальной/нематериальной культуре: устном творчестве, документах, хрониках, анналах, летописях, памятниках, мемориальных надписях, которых со временем становилось так много, что появилась отдельная вспомогательная историческая дисциплина — эпиграфика.

На тему «культурного “забывания” и “припоминания”» много рассуждал Ю. М. Лотман, отмечавший: «Актуальные тексты высвечиваются памятью, а неактуальные не исчезают, а как бы погасают, переходя в потенцию. <...> Культурная память как творческий механизм не только панхронна, но противостоит времени. Она сохраняет прошедшее как пребывающее. С точки зрения памяти как работающего всей своей толщей механизма, прошедшее не прошло. Поэтому историзм в изучении литературы, в том его виде, какой был создан сначала гегельянской теорией культуры, а затем позитивистской теорией прогресса, фактически антиисторичен, так как игнорирует активную роль памяти в порождении новых текстов. <...> Каждая культура определяет свою парадигму того, что следует помнить (т. е. хранить), а что подлежит забвению. Последнее вычёркивается из памяти коллектива и “как бы перестаёт существовать”. Но сменяется время, система культурных кодов, и меняется парадигма памяти-забвения. То, что объявлялось истинно-существующим, может оказаться “как бы несуществующим” и подлежащим забвению, а несуществовавшее — сделаться существующим и значимым», иначе говоря, «память не является для культуры пассивным хранилищем, а составляет часть её текстообразующего механизма»³²⁷. Такую память Лотман называл «креативной (творческой)», в отличие от информационной памяти, к которой он относил «механизмы сохранения итогов некоторой познавательной деятельности»³²⁸.

Большая роль в работе механизмов управления памятью и забвением, по признанию исследователей, всегда отводилась институтам памяти — музеям, мемориалам, архивам, библиотекам,

³²⁷ Лотман Ю. М. Память в культурологическом освещении / Юрий Михайлович Лотман // Лотман Ю. М. Избранные статьи : в 3 т. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. — Таллинн : Александра, 1992. — С. 200–202.

³²⁸ Там же. — С. 201.

институализирующим наследие, «преобразующим» память в историю. Самым сложным при этом является процесс коммеморации, мемориализации и музеефикации конфликтных, «трудных мест» памяти, вызывающий жаркие дискуссии в мировом профессиональном и гражданском обществах вплоть до «сражений на полях памяти», частью которых стала война с памятниками, охватившая многие страны и континенты от Америки и Европы до Австралии и Азии. Всевозраставший накал «сражений на полях памяти» привёл к возникновению международного и национального «мемориального законодательства», которое вводило в целом ряде государств юридический запрет на отрицание тех или иных исторических событий и правовую ответственность за их непризнание. К этим событиям и фактам относился геноцид армян в Первую мировую войну, геноцид евреев (Холокоста) во Вторую мировую войну, решения Нюрнбергского трибунала 1946 г. В качестве примера международных актов «мемориального законодательства» можно отметить две Резолюции Генеральной ассамблеи ООН: от 21 ноября 2005 г. № 60/7 и от 26 января 2007 г. № 61/255, осуждающие отрицание Холокоста, или правовые нормы Франции конца XX — начала XXI в., определяющие юридическую ответственность французов за отрицание Холокоста.

Вместе с тем, по оценке экспертов, существующие в мире мемориально-правовые акты отличаются противоречивостью и двойственностью. Так, в работе «“Войны памяти”» и их правовое измерение: мемориальные законы как явление правовой жизни конца XX — начала XXI века» указывается, что «мемориальное законодательство направлено на формирование коллективной памяти, проникновение юридического мышления в сферу отношения к прошлому. Это явление имеет крайне неоднозначный характер. С одной стороны, происходит консолидация мнения общества в отношении прошедших и будущих событий. Но, с другой стороны, наносится удар по свободе научных исследований, свободе слова»³²⁹. Как отмечала в 2013 г. специальный докладчик ООН

³²⁹ Дорская А. А., Дорский А. Ю. «Войны памяти» и их правовое измерение: мемориальные законы как явление правовой жизни конца XX — начала XXI века / А. А. Дорская, А. Ю. Дорский // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер.: Юридические науки. — 2019. — № 4 (36). — С. 24.

в области культурных прав Фарида Шахид, «практика увековечения должна стимулировать и поощрять <...> критическое осмысление и обсуждение форм отображения прошлого, но также проблем социального отчуждения и насилия»³³⁰. И положительным примером в этом отношении признаётся экспозиция, посвящённая Второй мировой войне, Холокосту и гражданской войне в Испании, которая представлена в Национальном центре современного искусства королевы Софии в Мадриде.

В общем, подводя итог всему вышесказанному, хочется ещё раз процитировать историка Пьера Нора: «Идентичность, память, наследие — три ключевых слова современного сознания, три лика нового континента Культуры. Три соседствующих слова, имеющих сильные коннотации, нагруженные множественными смыслами, которые нуждаются друг в друге и опираются друг на друга»³³¹. Все они в той или иной мере обусловлены историческим развитием, определяющим социокультурные механизмы эволюции, формирования идей, ценностей, традиций, ментальности народа. И хотя культура обладает собственной логикой социально-исторического развития, для которой характерны не только многочисленные изменения и трансформации, но и глубокие кризисы вплоть до расколов, конструктивное взаимодействие всех её основополагающих элементов, в том числе культурной памяти, воплощённой в духовном и материальном наследии, обеспечивает сохранение человечества и поступательное движение истории.

³³⁰ Доклад Специального докладчика в области культурных прав Фарида Шахид. Процессы увековечения памяти. — А/НRC/25/49 — Организация Объединенных Наций. Генеральная Ассамблея. Двадцать пятая сессия. П. 3 Повестки дня. — С. 3. Цит. по: *Кочеляева Н. А.* Методология работы с культурной памятью. «Трудные места» и их представление в публичном пространстве / Нина Александровна Кочеляева // Наше прошлое: ностальгические воспоминания или угроза будущему? Материалы VIII социологических чтений памяти Валерия Борисовича Голофаства (Санкт-Петербург, СИ РАН, 9–11 декабря 2014 г.) / Ред. и сост. О. Б. Божков. — СПб.: Эйдос, 2015. — С. 106.

³³¹ *Нора П.* Эра коммемораций / Пьер Нора // Нора П., Озуф М., де Пюимеж Ж., Винок М. Франция-память / Пер. с фр. Д. Хапаева. — СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. — С. 144.

Заключение

Анализ современного дискурса об историческом и культурном наследии показал, что он представляет собой динамичное поле междисциплинарных исследований, возделываемое учёными самых разных научных направлений и специальностей — философами, историками, юристами, искусствоведами, архитекторами, культурологами, экономистами, менеджерами. Благодаря их трудам была сформирована национальная и международная правовая система охраны памятников и наследия, закреплено понимание того, что отражённое в них прошлое влияет не только на настоящее, но и будущее, что наследие является фундаментальной ценностью (исторической, культурной, социальной, этической, экономической), определяющей характер и вектор развития человечества, смысл его существования.

Широкий интерес к истории, культуре, наследию, национальным ценностям и традициям стал отличительной чертой Нового и Новейшего времени. Он был вызван участием в мировых событиях прошлого огромных масс населения, которые поставили вопрос о праве не только государства и власти, но и простого народа на культуру и историю, коллективную память и наследие. Мировые войны и национальные революции окончательно закрепили это право, распространили его на историческую политику, коммеморативную практику и всю мемориальную культуру.

В ходе научных и общественных дискурсов об истории, наследи, культуре, памяти и памятниках были сформированы новые направления социально-гуманитарных исследований (*Nouvelle Histoire*, *Cultural Studies*, *Heritage Studies*, *Memory Studies*), которые подвергли существенному пересмотру классическое понимание культурного наследия как незыблемой общенациональной ценности, а также концепцию законодательного утверждения единого государственного реестра памятников истории и культуры. Параллельно на фоне общих дискуссий «о прошлом, настоящем и будущем» велась переоценка всего феномена культурного наследия, его терминологического аппарата и инструментария, системы

взглядов и представлений о нём, роли государства, народа (нации), общества, человека, бизнеса в его сохранении и использовании.

В ходе данного процесса были выявлены основные проблемные вопросы научных исследований и практических разработок, связанные с наследием, памятью и культурой: сохранение подлинности наследия, аутентичности памятников и целостности окружающей их историко-культурной среды, типология наследия, альтернативные формы наследия, «туманные зоны наследия», коммеморативная культура и «места памяти», действие системы универсальных международно-правовых норм в области охраны памятников истории и культуры и её правовая имплементация, защита связанной с нематериальным наследием интеллектуальной собственности, наследие как метод и инструмент развития культурной индустрии, коммерциализация и маркетингизация наследия и др. Это привело к тому, что некогда единая научная дисциплина по исследованию наследия (Heritage Studies) разделилась на несколько взаимосвязанных областей, таких как критические исследования наследия (Critical Heritage Studies), политика (охрана) наследия (Heritage Policies), управление наследием (Heritage Management), законодательство в области наследия (Heritage Legislation).

Наибольший интерес и научный резонанс в современном экспертном сообществе вызывают критические исследования наследия, в рамках которых разрабатываются такие актуальные вопросы, как эвристический потенциал наследия, наследие сквозь призму времени, наследие и общество, наследие и идентичность, наследие и бизнес, альтернативные (неофициальные) формы наследия, диссонансное наследие и некоторые другие. Представителей критических исследований наследия интересовало наследие не столько в качестве объекта, артефакта прошлого, сколько как социальное действие и социальный процесс, связанный с исторической и культурной политикой, социальными институтами и видами деятельности, например туризмом, градостроительством, менеджментом. Традиционное, довольно статичное представление о культурном наследии, устанавливаемом и назначаемом органами государственной власти и управления, сменилось пониманием его в качестве подвижного изменчивого определения, детерминируемого значимыми для разных слоёв населения социальными практиками и действиями (Social Action), в процессе которых не только признаётся, но и реализуется право на наследие социальных меньшинств.

В поле интеллектуального диалога критических исследований наследия было введено понятие «неофициального наследия», которое выражает демократические, неофициальные, значимые для широких социальных слоёв формы массовой культуры и альтернативной истории, например, народные (самодельные) мемориалы, семейные архивы, общественные музеи, галереи «наивных» (интуитивных, «инсайтных») художников, неформальные знаки и памятные места, посвящённые популярным актёрам, певцам, музыкантам и спортсменам. Возникла теория «социального изменения наследия», которая привела к резкому возрастанию числа реальных и мнимых памятников и обострила проблему легитимизации наследия, определения ценности его историко-культурных объектов и породила в кругу исследователей недоумённые вопросы: какое и чьё наследие нужно сохранять?

Наглядным примером этого являются списки объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО, вызывающие немало вопросов и критических замечаний у экспертов, которые обращают внимание на произвольность их составления, «диспозитивность» критериев отбора объектов, коммерциализацию и маркетинговую связанность с ними социокультурных практик, с помощью которых «предприниматели наследия» превращают наследие в коммерческий продукт. Особенно проблемным в данном отношении считается «Репрезентативный список нематериального культурного наследия человечества», объективность формирования которого подвергается мировым экспертным сообществом большому сомнению. Это касается, в частности, кулинарных номинаций, например «Искусство неаполитанской пиццерии» или «Гастрономическая трапеза французов», экономическая валоризация которых является крайне выгодной субъектам наследия на местах. Много вопросов у экспертов разных стран возникает и к процессу отбора памятников для включения их в государственные списки или реестры национального историко-культурного наследия.

В последней трети XX — начале XXI в. научными сообществами мира подверглась ревизии основанная на документах ЮНЕСКО модель оценки, защиты, консервации, реставрации объектов культурного наследия и связанная с нею проблема подлинности. Мировая практика причисления к историко-культурным памятникам так называемых новоделов — реконструированных, переделанных или заново воссозданных объектов прошлого,

представляющих копии своих предшественников, вызвала в мире острую дискуссию об аутентичности сохранения культурного наследия, которая продолжается и в наши дни. Между тем многочисленные факты включения новоделов в список Всемирного наследия ЮНЕСКО, с одной стороны, способствовали закреплению и распространению копирующих памятники «новодельных» практик, а с другой стороны, примирили с ними население, которое в большинстве своём не в состоянии отличить подлинник от подделки и довольствуется тем, что есть.

Представленные на страницах научных изданий разных стран второй половины XX — начала XXI в. дискурсы о наследии и памятниках в той или иной степени касались вопросов отношения их не только с историей и культурой, но и с памятью, которая рассматривалась в качестве одного из ценных свидетельств о прошлом и анализировалась вместе со своим антиподом — забвением. Следствием развития нового направления историко-культурных исследований — Memory Studies — стала разработка Программы «Память мира» (Memory of the World), которая была принята ЮНЕСКО в 1992 г.

В поле зрения учёных находились такие актуальные для гуманитарного знания вопросы, как «социальная/коллективная память», «история и память» и «история в памяти», «культура памяти и историческая политика», «история как искусство памяти», «социальная история как “места памяти”», «проблематика мест памяти», «память и время», «забвение истории — одержимость историей», «память, забвение и власть», «войны памяти» и некоторые другие. У культурологов повышенный интерес вызывает понятие «культура памяти», связанное с коммеморативными практиками, формирующими «среду памяти», по характеру которой можно судить о национальном историческом сознании, политике памяти и политической культуре страны.

На протяжении долгого времени основными хранителями памяти и её опредмеченной части — материального наследия являются архивы, библиотеки, музеи, в результате чего клирономические, культурологические, архивные, музейные, библиографоведческие и библиотековедческие исследования рассматриваются как взаимосвязанные, базирующиеся на документальных следах и свидетельствах прошлого. Об этом говорит, в частности, реализация в XXI в. ряда научных проектов, например такого масштаб-

ного национального проекта, как «Общероссийский свод книжных памятников», одним из результатов которого стало издание «Собрания книжных памятников (редких и ценных изданий) в библиотеках, музеях и архивах Российской Федерации: библиографический указатель (1917–2014)», содержащее данные об отдельных экземплярах, коллекциях, собраниях, фондах 563 библиотек, архивов и музеев из 170 городов Российской Федерации.

Вместе с тем основную проблему деятельности всех этих организаций эксперты видят не столько в сохранении памяти и памятников культуры, сколько в забвении, стирании исторических следов — непреднамеренным, вызванным разрушением свидетельств прошлого, и преднамеренным уничтожением памяти и наследия. Самым сложным при этом является процесс коммеморации, мемориализации и музеефикации конфликтных, «трудных мест» памяти, вызывающий жаркие дискуссии в мировом профессиональном и гражданском обществах вплоть до «сражений на полях памяти», частью которых стала война с памятниками, охватившая многие страны и континенты. Она породила так называемое «мемориальное законодательство», введившее в целом ряде государств запрет на отрицание тех или иных исторических событий и юридическую ответственность за их непризнание, например геноцида армян в Первую мировую войну, геноцида евреев (Холокост) во Вторую мировую войну, решений Нюрнбергского трибунала 1946 г. Как пример можно отметить две Резолюции Генеральной ассамблеи ООН от 21 ноября 2005 г. № 60/7 и от 26 января 2007 г. № 61/255, осуждающие отрицание Холокоста, или правовые нормы Франции, определяющие юридическую ответственность за отрицание Холокоста.

В общем, развернувшаяся в конце XX в. дискуссия о прошлом способствовала не только «проблематизации наследия», но и изменению «взаимодействия с наследием»: от простой консервации и сохранения наиболее ценных его артефактов до активного включения его в орбиту настоящего.

Литература и источники

- Августин Аврелий.* Исповедь Блаженного Августина, епископа Гиппонского : Пер. с лат. / Аврелий Августин; Изд. подгот. [и вступ. ст., с. 5–50, написал] А. А. Столяров; [Примеч. М. Е. Сергеевко]. — М. : Ренессанс, 1991. — 486 с.
- Ален (Эмиль Шартье).* Прекрасное и истина. Прекрасное и истина [Текст] : избранные труды / Сост., пер., ст. и коммент. К. З. Акоюяна. — СПб. : Алетейя, 2016. — 353 с.
- Ален (Эмиль-Огюст Шартье).* Суждения / Сост. В. А. Никитин ; Пер. с фр. Г. В. Волковой и др. — М. : Республика, 2000. — 398 с.
- Алиева Г. В.* Международно-правовой режим охраны нематериального культурного наследия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Гюнай Видади кызы Алиева. — М. : РУДН, 2019. — 33 с.
- Андреева Г. Н.* Законодательство о памятниках истории и культуры в Болгарии / Галина Николаевна Андреева // Правовая охрана памятников истории и культуры в зарубежных странах : сб. науч. трудов. — М. : ИНИОН РАН, 2005. — С. 6–25.
- Анисимов И. О.* Международно-правовая охрана объектов подводного культурного наследия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Игорь Олегович Анисимов. — М. : НИУ ВШЭ, 2015. — 32 с.
- Аристархов В. В.* Россия в системе международного регулирования охраны нематериального культурного наследия / Владимир Владимирович Аристархов // Культурологический журнал. — 2021. — № 4 (46). — URL: <http://cr-journal.ru/>. (дата обращения: 15.12.2023).
- Ассман А.* Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / Алейда Ассман ; Пер. с нем. Бориса Хлебникова. — М. : Новое литературное обозрение, 2014. — 323 с.
- Ассман А.* Забвение истории — одержимость историей / Алейда Ассман ; Пер. с нем. Б. Хлебникова. — М. : Новое литературное обозрение, 2019. — 552 с.
- Ассман Я.* Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности /

- Ян Ассман ; Пер. с нем. М. М. Сокольской. — М. : Языки славянской культуры, 2004. — 363 с.
- Астафьева О. Н.* Модели и дискурсы современной культурной политики: культурологическое осмысление / Ольга Николаевна Астафьева // Культурное наследие — от прошлого к будущему : научное издание. — М. ; СПб. : Институт Наследия, 2022. — С. 303–328.
- Баллер Э. А.* Социальный прогресс и культурное наследие / Элеазар Александрович Баллер. — М. : Наука, 1987. — 158 с.
- Батов В. И.* Проблема и содержание мемориального проектирования / Виталий Иванович Батов // Памятниковедение. Теория, методология, практика. — М. : НИИ Культуры, 1986. — С. 32–49.
- Бергсон А.* Творческая эволюция. Материя и память / Анри Бергсон ; Пер. с фр. — Минск : Харвест, 1999. — 1408 с.
- Бердяев Н. А.* Смысл истории / Николай Александрович Бердяев. — Берлин : Обелиск, 1923. — 268 с.
- Бердяев Н. А.* Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века / Николай Александрович Бердяев // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. — М. : Наука, 1990. — С. 43–271.
- Бердяев Н. А.* Смысл творчества (Опыт оправдания человека) / Николай Александрович Бердяев. — М. : Г. А. Леман и С. И. Сахаров, 1916. — 358 с.
- Биографии университетских архивов / Под ред. Е. А. Вишленковой, А. Н. Дмитриева, Н. В. Самутиной. — М. : Изд. Дом Высшей школы экономики, 2017. — 297 с.
- Бицилли П. М.* Трагедия русской культуры. Исследования. Статьи. Рецензии / Пётр Михайлович Бицилли. — М. : Русский путь, 2000. — 607 с.
- Блок М.* Апология истории, или Ремесло историка / Марк Блок ; Пер. с фр. Е. М. Лысенко. — М. : Наука, 1986. — 254 с.
- Бойко Е. И.* Нематериальное культурное наследие ЮНЕСКО — сравнение российского и австрийского путей / Екатерина Ивановна Бойко // Международные отношения. — 2019. — № 2. — С. 126–134.
- Бортолотто К.* ЮНЕСКО, нематериальное культурное наследие и рынок: споры и камни преткновения / Кьяра Бортолотто // Правоведение. — 2020. — Т. 64, № 1. — С. 80–92.

- Боярский П. В.* Введение в памятниковедение / Пётр Владимирович Боярский. — М. : Советский фонд культуры ; НИИ культуры, 1990. — 218 с.
- Бродель Ф.* Грамматика цивилизаций / Фернан Бродель ; Пер с фр. Б. А. Ситникова. — М. : Весь мир, 2008. — 551 с.
- Бродель Ф.* История и общественные науки. Историческая длительность / Фернан Бродель // *Философия и методология истории : сб. статей ; Под ред. И. С. Кона.* — Благовещенск : РИО БГК имени И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. — С. 115–142.
- Бродель Ф.* Очерки истории / Фернан Бродель ; Пер. с фр. Э. Орловой. — М. : Академический проект ; Альма Матер, 2015. — 223 с.
- Буйчик А. Г.* Духовное наследие и реставрация культурных ценностей как составная часть современной урбанистики / Александр Геннадьевич Буйчик. — М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2015. — 21 с.
- Буйчик А. Г.* Клирономия — наука о сохранении культурного наследия. История развития мировоззрения, виды и уровни культурного наследия, направления его сохранения и клирономические науки / Александр Геннадьевич Буйчик. — Mauritius : LAP LAMBERT Academic Publishing, 2019. — 253 с.
- Буйчик А. Г.* Формирование клирономического мышления в системе общественного мировоззрения / Александр Геннадьевич Буйчик // *Eastern European humanitarian collection of mini monographs. Collection of Scientific Works. European Scientific e-Journal.* — 2021. — № 1 (7). — Р. 103–148.
- Век памяти, память века: опыт обращения с прошлым в XX столетии : сб. ст. — Челябинск : Каменный пояс, 2004. — 543 с.
- «Венецианская хартия» (1964) / Пер. и коммент. Н. О. Душкиной // *Архитектура СССР.* — 1990. — № 4. — С. 20–25.
- Власов И. С.* Охрана исторических памятников в Германии / Илья Семёнович Власов // *Правовая охрана памятников истории и культуры в зарубежных странах : сб. науч. трудов.* — М. : ИНИОН РАН, 2005. — С. 43–58.
- Вжосек В.* История — культура — метафора: рождение неклассической историографии / Войцех Вжосек ; Пер. с польск. К. Ю. Ерусалимского // *Вжосек В. Культура и историческая истина.* — М. : Кругъ, 2012. — С. 15–138.

- Вжосек В.* Об историческом мышлении / Войцех Вжосек ; Пер. с польск. К. Ю. Ерусалимского // Вжосек В. Культура и историческая истина. — М. : Кругъ, 2012. — С. 139–286.
- Вишленкова Е. А.* Мемориальная культура российского университета XIX века / Елена Анатольевна Вишленкова // Мир историка. Историографический сборник. Вып. 7. — Омск : Изд.-во Омск. гос. ун-та, 2011. — С. 81–94.
- Вишленкова Е. А., Ильина К. А.* Реформа университетских архивов в России 1830-х годов / Елена Анатольевна Вишленкова, Кира Андреевна Ильина // История и историческая память. — Саратов : Северо-Кавказский федеральный университет, 2014. — С. 40–59.
- Вишленкова Е. А., Ильина К. А.* Университетский архив и модернизация государственного управления в Российской империи 1820–1830-х гг. / Елена Анатольевна Вишленкова, Кира Андреевна Ильина // Новое прошлое. — 2016. — № 2. — С. 86–106.
- Востряков Л. Е.* Культурная политика: подходы и концепции западных исследователей / Лев Евгеньевич Востряков // Научные труды СЗАГС. — 2011. — Т. 2. — Вып. 1. — С. 42–52.
- Время — История — Память. Историческое сознание в пространстве культуры / Под ред. Л. П. Репиной. — М. : ИВИ РАН, 2007. — 319 с.
- Гаагская конвенция 1954 года о защите культурных ценностей в случае вооружённого конфликта [Текст] : [Текст конвенции, исполнительный регламент и протокол] / Предисл. К. П. Рубаник. — М. : Госюриздат, 1957. — 46 с.
- Гайдаенко-Шер Н. И.* Охрана национального, археологического, художественного и исторического достояния в Италии / Наталья Ивановна Гайдаенко-Шер // Правовая охрана памятников истории и культуры в зарубежных странах : сб. науч. трудов. — М. : ИНИОН РАН, 2005. — С. 59–81.
- Галямичев А. Н. Э. Э.* Виолле-ле-Дюк и его место в истории изучения средневековых городов Франции / Александр Николаевич Галямичев // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: История. Международные отношения. — Саратов, 2012. — Т. 12. — Вып. 4. — С. 35–38.
- Глаголев А. И.* О ценности памятника культуры и её экономическом выражении (на пути распознавания и измерения значений памятника в культурной и хозяйственной жизни общества) /

- А. И. Глаголев // Памятниковедение. Теория, методология, практика. — М. : НИИ культуры, 1986. — С. 76–97.
- Горький и советские писатели. Неизданная переписка / Максим Горький // Литературное наследство. — М. : АН СССР, 1963. — Т. 70. — 736 с.
- Гревс И. М. Очередные задачи краевого культуроведения / Иван Михайлович Гревс // Краеведение. — 1928. — Т. V, № 6. — С. 368–376.
- Домрин А. Н. Законодательство США об охране памятников национального значения / Александр Николаевич Домрин // Правовая охрана памятников истории и культуры в зарубежных странах : сб. науч. трудов. — М. : ИНИОН РАН, 2005. — С. 119–134.
- Домрин А. Н. Охрана памятников истории и культуры в Великобритании / Александр Николаевич Домрин // Правовая охрана памятников истории и культуры в зарубежных странах : сб. науч. трудов. — М. : ИНИОН РАН, 2005. — С. 26–42.
- Дорская А. А., Дорский А. Ю. «Войны памяти» и их правовое измерение: мемориальные законы как явление правовой жизни конца XX — начала XXI века / А. А. Дорская, А. Ю. Дорский // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер.: Юридические науки. — 2019. — № 4 (36). — С. 19–27.
- Душкина Н. О. Историческая реконструкция: теория, реалии и фантомы / Наталья Олеговна Душкина. // В фокусе наследия: к 80-летию Юрия Александровича Веденина и 25-летию создания Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва. — М. : РАН, Институт географии, 2018. — С. 219–241.
- Душкина Н. О. Новая парадигма наследия? / Наталья Олеговна Душкина // Исследования по истории архитектуры и градостроительства. Труды кафедры Истории архитектуры и градостроительства. Вып. 3. — М. : ДПК Пресс, 2012. — С. 315–323.
- Душкина Н. О. Подлинность и архитектурное наследие (к постановке проблемы и современная интерпретация понятия) / Наталья Олеговна Душкина // Проблема копирования в европейском искусстве. — М. : РАХ, 1998. — С. 244–258.
- Душкина Н. О. Понятие подлинности в современной теории и практике реставрации / Наталья Олеговна Душкина // Наука о культуре: итоги и перспективы : научно-информационный

- сборник / Российская государственная библиотека, НИО Информкультура. Вып. 3. — М. : РГБ, 1996. — С. 4–5.
- Душкина Н.О.* (авт.-сост., науч. ред.). XX век. Сохранение культурного наследия. = 20-th century. Preservation of cultural heritage : [сб. материал. конференц.] Heritage at Risk. Сохранение архитектуры XX века и всемирное наследие (Москва, 17–20 апреля 2006 г.) / Наталья Олеговна Душкина. — М. : МАРХИ, 2006. — 276 с.
- Жаворонкова Е. Ю.* Книжный памятник как объект формирования фонда крупной библиотеки : автореф. дис. ... канд. пед. наук / Елена Юрьевна Жаворонкова. — М. : МГУК, 1998. — 16 с.
- Живое наследие памяти. Российские геологические династии: мысли о прошлом и будущем. К 300-летию РАН и 270-летию МГУ имени М. В. Ломоносова : сб. науч. ст. по итогам круглого стола / Науч. ред. и сост. Д. Я. Романова [Электронное сетевое издание]. — М. : Институт Наследия, 2021. — 276 с.
- Живое наследие памяти : к 300-летию РАН и 100-летию академика Е. П. Чельшева : сб. науч. ст. по итогам круглого стола [Электронное сетевое издание] / Науч. ред. и сост. Д. Я. Романова. — М. : Институт Наследия, 2023. — 132 с.
- Житенёв С. Ю.* Концепты культурного наследия в системе наук о культуре / Сергей Юрьевич Житенёв // Культурное наследие — от прошлого к будущему : научное издание. — М. ; СПб. : Институт Наследия, 2022. — С. 22–38.
- Зарубежное законодательство в области сохранения культурного и природного наследия. Информационный сборник. — М. : Институт Наследия, 1999. — 96 с.
- Из истории охраны и использования культурного наследия РСФСР : сб. науч. тр. — М. : НИИ культуры, 1987. — 224 с.
- Илизаров Б. С.* Народный архив. Живые голоса эпохи / Борис Семёнович Илизаров. — М. : Вече, 2014. — 416 с.
- Ильин А. В.* Деятельность лондонского Общества защиты старинных зданий в Викторианскую эпоху / Аким Васильевич Ильин // Преподаватель XXI век. — 2013. — Вып. 4 (ч. 2). — С. 316–323.
- Ильин И. А.* О русской культуре / Иван Александрович Ильин // Ильин И. А. Собрание сочинений в 10 т. — М. : Русская книга, 1996. — Т. 6. — Кн. 2. — С. 373–620.
- И. А. Ильин: Pro et contra: Личность и творчество Ивана Ильина в воспоминаниях, документах и оценках русских мыслителей

- и исследователей. Антология. — СПб. : Русский Христианский гуманитарный институт, 2004. — 895 с.
- История в Энциклопедии Дидро и д'Аламбера [Текст] : [Статьи и извлеч. из Энциклопедии / АН СССР] ; Пер. и примеч. Н. В. Ревуненковой ; Под общ. ред. А. Д. Люблинской. — Лд : Наука. Ленингр. отд-ние, 1978. — 312 с.
- Йерушалми Йосеф Хаим.* Захор = Zakhor : Еврейская история и еврейская память / Йосеф Хаим Йерушалми ; Пер. с англ. Р. Нудельмана. — М. : Мосты культуры ; Иерусалим : Гешарим, 2004. — 167 с.
- Йейтс Ф.* Искусство памяти / Фрэнсис Амелия Йейтс. — СПб. : Фонд поддержки науки и образования «Университет. кн.», 1997. — 479 с.
- История и память : History and memory : Историческая культура Европы до начала Нового времени / Под ред. Л. П. Репиной. — М.: Кругъ, 2006. — 763 с.
- Кабицкий М. Е.* Нематериальное наследие как элемент конструирования смыслов культурного дискурса и некоторые вопросы его изучения и использования в России и странах Европы / Михаил Евгеньевич Кабицкий // Новые российские гуманитарные исследования. — 2012. — URL: <http://www.nrgumis.ru/articles/2012/> (дата обращения: 15.12.2023).
- Карпова И. Л.* Книговед Е. И. Яцунок: деятельность и творческое наследие / Ирина Леонидовна Карпова // Библиотекосведение. — 2017. — Т. 66, № 4. — С. 422–427.
- Карсавин Л. П.* Введение в историю (теория истории) / Лев Платонович Карсавин. — Пб. : Наука и школа, 1920. — 78 с.
- Карсавин Л. П.* Восток, Запад и русская идея / Лев Платонович Карсавин. — Пб. : Academia, 1922. — 80 с.
- Карсавин Л. П.* История европейской культуры. Библиография / Лев Платонович Карсавин. — СПб. : СПбГУ, 1995. — 42 с.
- Касаткина Н. М.* Об охране памятников истории и культуры в Португалии / Н. М. Касаткина // Правовая охрана памятников истории и культуры в зарубежных странах : сб. науч. трудов. — М. : ИНИОН РАН, 2005. — С. 105–118.
- Кассирер Э.* Избранное. Опыт о человеке / Эрнст Кассирер ; Пер. Б. Вимер и др. — М. : Гардарика, 1998. — 779 с.
- Каулен М. Е.* Роль музея в сохранении и актуализации нематериальных форм наследия / Мария Елисеевна Каулен //

- Культура памяти : сб. науч. ст. — М. : Древлехранилище, 2003. — С. 123–138.
- Киришенблат-Гимблет Б.* Нематериальное наследие как метакультурное производство / Барбара Киришенблат-Гимблет // Вопросы музеологии. — 2013. — № 2 (8). — С. 3–16.
- Кирюшина Ю. В.* Нематериальное культурное наследие — актуальное понятие современности / Юлия Владимировна Кирюшина // Известия Алтайского государственного университета. — 2011. — Т. 1, № 2 (70). — С. 244–247.
- Ковалёв С. М.* Социализм и культурное наследие / Сергей Митрофанович Ковалёв. — М. : Знание, 1967. — 32 с.
- Козел К.* Идеология охраны памятников истории: критический анализ структуры дискурса современной политики исторического наследия / Кристофер Козел // Неприкосновенный запас. — М. : Новое литературное обозрение, 2017. — № 4. — С. 172–187.
- Колесник А. С., Русанов А. В.* Наследие-как-процесс: дискуссии о концепте культурного наследия в современных социальных и гуманитарных науках / Александра С. Колесник, Александр В. Русанов // Вестник Пермского университета. История. — 2022. — № 3 (58). — С. 58–69.
- Коллингвуд Р. Дж.* Идея истории. Автобиография / Робин Джордж Коллингвуд ; Пер. с англ. Ю. А. Асеева. — М. : Наука, 1980. — 485 с.
- Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия (16 ноября 1972 г.) // Международные нормативные акты ЮНЕСКО. Конвенции, соглашения, протоколы, рекомендации, декларации. — М. : Логос, 1993. — С. 290–302.
- Кондаков И. В.* Архитектоника культурного наследия / Игорь Вадимович Кондаков // Культурогенез и культурное наследие. — М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2014. — С. 533–544.
- Кондаков И. В.* Культурное наследие в России: проектирование памяти / Игорь Вадимович Кондаков // Мир культуры и культурология: Альманах научно-образовательного культурологического общества России. Вып. III. — СПб. : Изд-во РХГА, 2013. — С. 89–110.
- Кондаков И. В.* Культурное наследие: действительное и мнимое / Игорь Вадимович Кондаков // Вестник РГГУ. Сер.: История. Филология. Культурология. Востоковедение. — 2016. — № 2 (11). — С. 9–16.

- Кондаков И. В.* Мнимости в культуре (К постановке проблемы) / Игорь Вадимович Кондаков // Изучение и сохранение культурного наследия : Первая междунар. науч.-практ. конф. по культурологии : сб. науч. ст. и докладов. — Н. Новгород : ННГАСУ, 2010. — С. 5–8.
- Корсунская Л. Г.* Памятники древнеиндийской культуры и литературы как феномен культуры традиционного общества / Людмила Газизовна Корсунская // Фундаментальные проблемы культурологии : в 4 т. — СПб., 2008. — Т. 2: Историческая культурология. — С. 55–59.
- Кочеляева Н. А.* Методология работы с культурной памятью. «Трудные места» и их представление в публичном пространстве / Нина Александровна Кочеляева // Наше прошлое: ностальгические воспоминания или угроза будущему? Материалы VIII социологических чтений памяти Валерия Борисовича Голофаства. (Санкт-Петербург, СИ РАН, 9–11 декабря 2014 г.) / Ред. и сост. О. Б. Божков. — СПб. : Эйдос, 2015. — С. 104–109.
- Краснобаев Б. И.* Некоторые проблемы становления истории культуры как научной дисциплины / Борис Ильич Краснобаев // История СССР. — 1979. — № 6. — С. 96–104.
- Краснова Т. Н.* Понятие подлинности в контексте сохранения культурного наследия / Татьяна Николаевна Краснова // Культурное наследие России. — 2022. — № 1. — С. 85–93.
- Крейчи М.* Охрана памятников как этический императив: Макс Дворжак и становление системы охраны памятников в Центральной Европе / Марек Крейчи // Вопросы музеологии. — 2011. — № 2 (4). — С. 69–74.
- Крузе М. А.* Венеция / Мария Андреевна Крузе. — 3-е изд., испр. и доп. — М. : Эксмо, 2014. — 128 с.
- Кузьмина Е. Е.* Национальная культурная политика Великобритании и музеев / Елена Ефимовна Кузьмина. — М. : НИИ культуры, 1992. — 64 с.
- Ларин Ю. В.* Мировоззренческо-методологические основы постижения культуры: Проблема концептуализации : автореф. дис. ... д-ра филос. наук / Юрий Викторович Ларин. — Тюмень : Тюмен. гос. ун-т, 2004. — 38 с.
- Ле Гофф Ж.* История и память / Жак Ле Гофф ; Пер. с фр. К. З. Акопяна. — М. : РОССПЭН, 2013. — 302 с.

- Лежава И. Г.* Жизнь памятника в городе / Илья Георгиевич Лежава // Academia. Архитектура и строительство. — 2015. — № 3. — С. 13–28.
- Леонов И. В., Прокуденкова О. В.* «Новодел» в практике сохранения культурного наследия: границы применения / Иван Владимирович Леонов, Ольга Викторовна Прокуденкова // Вестник С.-Петерб. гос. ун-та культуры и искусств. — 2017. — № 4 (33). — С. 81–84.
- Леонов И. В., Прокуденкова О. В.* Новодел как форма воспроизведения старины в современной культуре / Иван Владимирович Леонов, Ольга Викторовна Прокуденкова // Вестник С.-Петерб. гос. ун-та культуры и искусств. — 2018. — № 1 (34). — С. 145–150.
- Лотман Ю. М.* Память в культурологическом освещении / Юрий Михайлович Лотман // Лотман Ю. М. Избранные статьи : в 3 т. — Таллинн : Александра, 1992. — Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. — С. 200–202.
- Лотман Ю. М.* Память культуры / Юрий Михайлович Лотман // Лотман Ю. М. Семиосфера. — СПб. : Искусство-СПб, 2010. — С. 614–621.
- Лоуэнталь Д.* Материальное сохранение и его альтернативы / Дэвид Лоуэнталь // Неприкосновенный запас. — М. : Новое литературное обозрение, 2017. — № 114. — С. 133–153.
- Лоуэнталь Д.* Прошлое — чужая страна / Дэвид Лоуэнталь ; Пер. с англ. А. В. Говорунова. — СПб. : Владимир Даль ; Русский Остров, 2004. — 622 с.
- Лукиан.* Как надо писать историю? / Лукиан Самосатский ; Пер. А. Мартова. — Нежин : Типо-лит. насл. В. К. Меленевского, 1907. — 25 с.
- Лукиан.* Как следует писать историю / Лукиан Самосатский ; Пер. С. В. Толстой // Лукиан Самосатский. Сочинения : в 2 т. — СПб. : Алетейя, 2001. — Т. 2. — 536 с.
- Мадхаван К.* Палат. История и память / Кежкпат Палат Мадхаван // Идеи и идеалы. — Новосибирск : Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИИХ» ; Новосибирский государственный технический университет, 2011. — № 4. — С. 56–69.
- Малкина Л. Н.* К вопросу о культурном наследии / Лариса Николаевна Малкина // Вестник ИрГТУ. — 2014. — № 3 (86). — С. 277–284.

- Малыгина И. В.* Культурное наследие в контексте гуманитарных поражений глобализации / Ирина Викторовна Малыгина // Культурное наследие — от прошлого к будущему : научное издание. — М. ; СПб. : Институт Наследия, 2022. — С. 201–218.
- Манлио Ф.* Культурные ценности и культурное наследие: «борьба понятий» в международном праве? / Фриго Манлио // Международный журнал Красного креста (Cambridge University Press). — 2004. — № 854. — С. 67–80.
- Марков Б. В.* Цивилизационное развитие России: наследие и проекты / Борис Васильевич Марков // Культурное наследие — от прошлого к будущему : научное издание. — М. ; СПб. : Институт Наследия, 2022. — С. 160–174.
- Мартыненко И. Э.* Международная и национальные правовые системы охраны историко-культурного наследия государственных участников СНГ : учеб. пособие / Игорь Эдуардович Мартыненко. — М. : Зерцало-М, 2012. — 942 с.
- Матусевич О. А.* Конфликт интерпретаций прошлого в современном обществе / Ольга Александровна Матусевич // Труды Белорусского государственного технологического университета — БГТУ. История, философия, филология. — 2015. — № 5 (178). — С. 131–135.
- Международное право и охрана культурного наследия. Документы, библиография : учеб. пособие / Авт.-сост. М. А. Полякова, А. А. Александров ; Под ред. С. И. Сотниковой, И. М. Вандулакиса. — Афины : Ionian University, 1997. — 235 с.
- Международно-правовые документы по вопросам культуры / С.-Петербург. гуманит. ун-т профсоюзов ; Сост. и науч. ред. проф. А. С. Запесоцкий. — СПб. : СПбГУП, 1996. — 389 с.
- Международные нормативные акты ЮНЕСКО. Конвенции, соглашения, протоколы, рекомендации, декларации. — М. : Логос, 1993. — 639 с.
- Межуев В. М.* Культурология vs философия культуры (беседа А. С. Нилогова с В. М. Межуевым) / Вадим Михайлович Межуев // Вопросы культурологии. — 2015. — № 4. — С. 34–38.
- Межуев В. М.* Размышления о культуре и культурологии: культурология в контексте современного гуманитарного знания / Вадим Михайлович Межуев // Культурологический журнал. — 2010. — № 2. — URL: <http://cr-journal.ru/>. (дата обращения: 15.12.2023).

- Мид Дж. Г.* Философия настоящего / Джордж Герберт Мид ; Пер. с англ. под науч. ред. В. Г. Николаева. — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. — 272 с.
- Миллюков П. Н.* Очерки по истории русской культуры : в 3 т. и 4 кн. / Павел Николаевич Миллюков. — М. : Прогресс, 1993–1995.
- Моррис У.* Искусство и жизнь. Избранные статьи, лекции, речи, письма / Уильям Моррис ; Пер. с англ. В. А. Смирнова, Е. В. Корниловой ; Сост. А. А. Аникст. — М. : Искусство, 1973. — 512 с.
- Моруа А.* Шестьдесят лет моей литературной жизни : сб. статей / Андре Моруа ; Пер. с фр. — М. : Прогресс, 1977. — 296 с.
- Най Дж.* Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике / Джозеф С. Най ; Пер. с англ. В. И. Супруна. — Новосибирск ; М. : Фонд социо-прогност. исслед. «Тренды», 2006. — 221 с.
- Наука о культуре. К 90-летию научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва / Отв. ред. С. Ю. Житенёв. — М. : Институт Наследия, 2022. — 314 с.
- Наше прошлое: ностальгические воспоминания или угроза будущему? Материалы VIII социологических чтений памяти Валерия Борисовича Голофаства (Санкт-Петербург, СИ РАН, 9–11 декабря 2014 г.) / Ред. и сост. О. Б. Божков. — СПб. : Эйдос, 2015. — 368 с.
- Нора П.* Между памятью и историей. Проблематика мест памяти / Пьер Нора // Нора П., Озуф М., де Пюимеж Ж., Винок М. Франция-память / Пер. с фр. Д. Хапаева. — СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. — С. 17–50.
- Нора П.* Эра коммемораций / Пьер Нора // Нора П., Озуф М., де Пюимеж Ж., Винок М. Франция-память / Пер. с фр. Д. Хапаева. — СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. — С. 95–148.
- Образы времени и исторические представления: = Images of time and historical representations : Россия — Восток — Запад / Под ред. Л. П. Репиной. — М. : Кругъ, 2010. — 959 с.
- Опыт словаря нового мышления / Под общ. ред. Ю. Афанасьева, М. Ферро. — М. : Прогресс ; Париж : Пайо, 1989. — 557 с.
- Основные тексты Международной конвенции об охране нематериального культурного наследия 2003 г. — Paris : UNESCO, 2016. — 151 с.

- Охрана культурного наследия в документах. Международные хартии, кодексы этики, руководящие принципы, 1960–1990-е годы / Науч. ред. и сост. Н. Душкина. — М., 1998. — 58 с.
- Палий К. Р.* Реализация политики в области сохранения материальных объектов культурного наследия: европейский опыт / Кристина Романовна Палий // Управленческое консультирование. — 2018. — № 12. — С. 142–153.
- Памятниковедение. Теория, методология, практика : сб. науч. трудов. — М. : НИИ культуры, 1986. — 141 с.
- Пархоменко Т. А.* Культурное наследие России сквозь призму истории, смыслов и ценностей / Татьяна Александровна Пархоменко // Культурное наследие — от прошлого к будущему : научное издание. — М. ; СПб. : Институт Наследия, 2022. — С. 124–140.
- Переписка из двух углов. Вячеслав Иванов — Михаил Гершензон // Наше наследие. — 1989. — № III (9). — С. 125–130.
- Пилипенко А. Н.* Охрана памятников культуры во Франции / Андрей Николаевич Пилипенко // Правовая охрана памятников истории и культуры в зарубежных странах : сб. науч. трудов. — М. : ИНИОН РАН, 2005. — С. 135–143.
- Полякова М. А.* Культурное наследие: современные проблемы изучения и сохранения / Марта Александровна Полякова // Наследие и современность. — 2022. — № 5 (2). — С. 135–143.
- Полякова М. А.* «Новодел» в усадьбе: “pro” et “contra” / Марта Александровна Полякова // Наследие и современность. — 2020. — № 3 (2). — С. 44–53.
- Правовая охрана памятников истории и культуры в зарубежных странах : сб. науч. трудов. — М. : ИНИОН РАН, 2005. — 176 с.
- Прошлое — чужая страна. Дэвид Лоуэнталь. Рецензия Я. Левченко // Неприкосновенный запас. — 2005. — № 2. — URL: <http://www.nlobooks.ru/nz> (дата обращения: 15.12.2023).
- Ратцингер Й.* Границы современного понимания реальности и место веры / Йозеф Ратцингер // Русский колокол. Журнал волевой идеи. — 2012. — № 1 (10). — С. 197–214.
- Репина Л. П.* Знание о прошлом и культурная память / Лорина Петровна Репина // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. — М. : Наука, 2005. — С. 71–91.
- Репина Л. П.* Историческая память и современная историография / Лорина Петровна Репина // Новая и новейшая история. — 2004. — № 5. — С. 33–45.

- Репина Л. П.* Социальная память и историческая культура средневековой Европы / Лорина Петровна Репина // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. — М., 2004. — Вып. 12. — С. 5–19.
- Рескин Дж.* Лекции об искусстве / Джон Рескин ; Пер. с англ. П. Кога-на. — М. : БГС-ПРЕСС, 2006. — 318 с.
- Ригель А.* Современный культ памятников. Сущность и происхождение / Алоиз Ригель ; Пер. с нем. — М. : ЦЭМ, V-A-C press, 2018. — 96 с.
- Рикёр П.* История и истина / Поль Рикёр ; Пер. с фр. И. С. Вдовиной, А. И. Мачульской. — СПб. : Алетейя, 2002. — 399 с.
- Рикёр Поль.* Память, история, забвение / Поль Рикёр ; Пер. с фр. И. И. Блауберг и др. — М. : Издательство гуманитарной литературы, 2004. — 725 с.
- Риккерт Г.* Науки о природе и науки о культуре / Генрих Риккерт ; Пер. с нем. — М. : Республика, 1998. — 413 с.
- Романовский Н. В.* Неостывающая память (круглый стол) / Николай Валентинович Романовский // Социологические исследования. — 2020. — № 5. — С. 3–17.
- Романовский Н. В.* Новое в социологии — «бум памяти» / Николай Валентинович Романовский // Социологические исследования. — 2011. — № 6. — С. 13–23.
- Российская музейная энциклопедия : в 2 т. / Рос. ин-т культурологии МК РФ и РАН ; редкол. В. Л. Янин (пред.) и др. — М. : Прогресс ; Рипол классик, 2001. — Т. 1: А-М. — 2001. — 414 с.; Т. 2: Н-Я. — 2001. — 434 с.
- Рыбак К. Е.* Конвенция об охране подводного культурного наследия и защита культурных ценностей / Кирилл Евгеньевич Рыбак // Культура: управление, экономика, право. — 2006. — № 1. — С. 20–24.
- Рыбак К. Е.* Музей в нормативной системе (историко-культурологический анализ) : автореф. дис. ... д-ра культурологии / Кирилл Евгеньевич Рыбак. — СПб. : СПбГУ, 2006. — 35 с.
- Рыбак К. Е.* Музейное право / Кирилл Евгеньевич Рыбак. — М. : Юрист, 2006. — 287 с.
- Савельева И. М.* Перекрёстки памяти / Ирина Максимовна Савельева // Хаттон Патрик Х. История как искусство памяти. — СПб. : Изд-во Владимир Даль, 2003. — С. 398–421.

- Савельева И. М.* «Уроки истории» учёной корпорации / Ирина Максимовна Савельева // Мир историка. Историографический сборник. Вып. 7. — Омск : Изд.-во Омск. гос. ун-та, 2011. — С. 63–80.
- Савельева И. М., Полетаев А. В.* Знание о прошлом. Теория и история : в 2 т. / Ирина Максимовна Савельева, Андрей Владимирович Полетаев. — СПб. : Наука, 2003. — Т. 1: Конструирование прошлого. — 632 с.; СПб. : Наука, 2006. — Т. 2: Образы прошлого. — 751 с.
- Савельева И. М., Полетаев А. В.* История и время. В поисках утраченного / Ирина Максимовна Савельева, Андрей Владимирович Полетаев. — М. : Языки русской культуры, 1997. — 800 с.
- Самарин А. Ю.* О редких книгах и книжных памятниках / Александр Юрьевич Самарин. — М. : Пашков дом, 2014. — 278 с.
- Сартр Ж.-П.* Проблемы метода / Жан-Поль Сартр ; Пер. с фр. — М. : Прогресс, 1994. — 234 с.
- Святославский А. В.* История России в зеркале памяти. Механизмы формирования исторических образов / Алексей Владимирович Святославский. — М. : Древлехранилище, 2013. — 592 с.
- Святославский А. В.* Мемориальная культура / Алексей Владимирович Святославский ; Сост. и науч. ред. И. М. Быховская // Прикладная культурология. Энциклопедия. — М. : Согласие, 2019. — С. 454–456.
- Святославский А. В.* Мемориальные аспекты культуры / Алексей Владимирович Святославский // Культура памяти : сб. науч. ст. — М. : Древлехранилище, 2003. — С. 3–8.
- Святославский А. В.* Памятник в России / Алексей Владимирович Святославский // Культура памяти : сб. науч. ст. — М. : Древлехранилище, 2003. — С. 53–74.
- Святославский А. В.* Среда обитания как среда памяти: к истории отечественной мемориальной культуры : автореф. дис. ... д-ра культурологии / Алексей Владимирович Святославский. — М. : МПГУ, 2011. — 53 с.
- Седых Э. В.* Раскин и Моррис: проблемы эстетики // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. — 2007. — Вып. 4. — Ч. 1. — С. 33–41.
- Собрания книжных памятников (редких и ценных изданий) в библиотеках, музеях и архивах Российской Федерации: библиографический указатель (1917–2014). — М. : Пашков дом, 2015. — 627 с.

- Соколов Б. Г. «Проект» проекта и память в новоевропейской культуре / Борис Георгиевич Соколов // Культурное наследие — от прошлого к будущему : научное издание. — М. ; СПб. : Институт Наследия, 2022. — С. 39–61.
- Сорокин П. А. Основные черты русской нации в двадцатом столетии / Питирим Александрович Сорокин // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. — М. : Наука, 1990. — С. 463–489.
- Сорокин П. А. Современные социологические теории (включая первую четверть XX столетия) / Питирим Александрович Сорокин ; Пер. и сост. А. К. Конюхова и В. В. Сапова. — Сыктывкар : Анбур, 2020. — 912 с.
- Спивак Д. Л. Диалог наследий в культурной стратегии ЮНЕСКО / Дмитрий Леонидович Спивак // Культурологический журнал. — 2023. — № 2 (52). — URL: <http://cr-journal>. (дата обращения: 15.12.2023).
- Спиридонова Ю. В. Генезис международной охраны культурного наследия в 1930-е гг. / Юлия Валентиновна Спиридонова // Философская мысль. — 2012. — № 3. — С. 184–209.
- Степанов Б. Е. Проблема достоверности в методологии истории культуры Л. П. Карсавина / Борис Евгеньевич Степанов // Достоверность и доказательность в исследованиях по теории и истории культуры. — Кн. 1. — М., 2002. — С. 183–215.
- Стурейко С. А. Критические исследования наследия как альтернатива академической рутине / Степан Андреевич Стурейко // Неприкосновенный запас. — М. : Новое литературное обозрение, 2017. — № 4 (114). — С. 199–214.
- Тимошенко И. Г. Памятники истории и культуры: международно-правовое регулирование / И. Г. Тимошенко // Правовая охрана памятников истории и культуры в зарубежных странах : сб. науч. трудов. — М. : ИНИОН РАН, 2005. — С. 144–172.
- Трещетенкова Н. Ю. Охрана памятников истории и культуры в Польше / Наталья Юрьевна Трещетенкова // Правовая охрана памятников истории и культуры в зарубежных странах : сб. науч. трудов. — М. : ИНИОН РАН, 2005. — С. 82–104.
- Туровский М. Б. Философские основания культурологии / Марк Борисович Туровский. — М. : РОССПЭН, 1997. — 437 с.
- Уайт Л. Избранное. Наука о культуре / Лесли Элвин Уайт ; Пер. с англ. — М. : РОССПЭН, 2004. — 960 с.

- Уильям М. Искусство и жизнь / Моррис Уильям. — М. : Искусство, 1973. — 512 с.
- Уорнер У. Живые и мёртвые / Уильям Уорнер ; Пер. с англ. В. Г. Николаева. — М. ; СПб. : Университетская книга, 2000. — 671 с.
- Федотов Г. П. Будет ли существовать Россия? / Георгий Петрович Федотов // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. — М. : Наука, 1990. — С. 450–462.
- Федотов Г. П. Национальное и вселенское / Георгий Петрович Федотов // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. — М. : Наука, 1990. — С. 444–449.
- Фелькер А. В. Исследования наследия и политики памяти — в поисках общих подходов / Анастасия Владимировна Фелькер // Политическая наука. — М., 2018. — № 3. — С. 28–52 = Felcher A.V. Heritage studies and the politics of memory — in search for common approaches // Political science (RU). — М., 2018. — No. 3. — P. 28–52.
- Филатова Н. В. Анализ актуального законодательства по охране и использованию всемирного культурного и природного наследия государств-участников СНГ, подписавших решение о Базовой организации, заключённых между ними двухсторонних и многосторонних соглашений в этой области, а также зарубежного опыта регулирования сферы сохранения и использования всемирного культурного и природного наследия / Надежда Владимировна Филатова. — Интернет-номер / Регистрационный номер РИД 62212260095-3; Регистрационный номер НИОКТР АААА-А16-116120610009-9.
- Филатова Н. В. Отдел Всемирного наследия и международного сотрудничества / Надежда Владимировна Филатова // Культурологический журнал. — 2022. — № 2 (48). — URL: <http://cr-journal.ru/> (дата обращения: 15.12.2023).
- Фирсова О. Л., Шестопалова Л. В. О термине «культурные ценности» в сфере сохранения культурного наследия / Ольга Леонидовна Фирсова, Лидия Владимировна Шестопалова. — М. : Институт Наследия, 2022. — 92 с.
- Флиер А. Я. Феномен культурного наследия: критерии идентификации / Андрей Яковлевич Флиер // Культурное насле-

- дие — от прошлого к будущему : научное издание. — М. ; СПб. : Институт Наследия, 2022. — С. 9–21.
- Франк С. Л.* Крушение кумиров / Семён Людвигович Франк. — Берлин : УМСА-PRESS, 1924. — 104 с.
- Фриго М.* Культурные ценности и культурное наследие: «борьба понятий» в международном праве? / Манлио Фриго // Международный журнал Красного креста. (Cambridge University Press). — 2004. — № 854. — С. 67–80.
- Фуко М.* Интеллектуалы и власть. Избранные политические статьи, выступления и интервью / Мишель Фуко ; Пер. с фр. С. Ч. Офертаса. — М. : Праксис, 2002. — 384 с.
- Хальбвакс М.* Коллективная и историческая память / Морис Хальбвакс ; Пер. с фр. Мих. Габовича // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. — М. : Новое литературное обозрение, 2005. — С. 16–50.
- Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти / Морис Хальбвакс ; Пер. с фр. и вступ. ст. С. Зенкина. — М. : Новое издательство, 2007. — 346 с.
- Харрис Д.* «Наша печаль, наше хрупкое мужество»: музеефикация и новая музеология / Дженнифер Харрис // Вопросы музеологии. — 2011. — № 1 (3). — С. 31–41.
- Хаттон П. Х.* История как искусство памяти / Патрик Х. Хаттон ; Пер. с англ. В. Ю. Быстрова. — СПб. : Владимир Даль : Фонд Ун-т, 2003 (Акад. тип. Наука РАН). — 422 с.
- Хаханова Л. П.* Архитектурное наследие в проблемном поле исторической культурологии / Лилия Павловна Хаханова // Культура памяти : сб. науч. ст. — М. : Древлехранилище, 2003. — С. 117–122.
- Цветаева Н. Н.* Память о советском прошлом в автобиографических нарративах / Нина Николаевна Цветаева // Наше прошлое: ностальгические воспоминания или угроза будущему? Материалы VIII социологических чтений памяти Валерия Борисовича Голофаства (Санкт-Петербург, СИ РАН, 9–11 декабря 2014 г.) / Ред. и сост. О. Б. Божков. — СПб. : Эйдос, 2015. — С. 118–125.
- Чернявская Е. Н.* Мемориальная функция памятников культуры / Елена Николаевна Чернявская // Культура памяти : сб. науч. ст. — М. : Древлехранилище, 2003. — С. 43–49.

- Чернышевский Н. Г.* Эстетические отношения искусства к действительности / Николай Гаврилович Чернышевский. — М. : Госполитиздат, 1948. — 180 с.
- Шестаков В. А.* Формирование понятия «культурные ценности» / Вячеслав Анатольевич Шестаков // *Studia culturae*. Вып. 11: Опыт интерпретации культурного наследия в горизонте постмодерна. — СПб., 2008. — С. 83–92.
- Шулепова Э. А.* Историческая память в контексте культурного наследия / Элеонора Александровна Шулепова // *Культура памяти*: сб. науч. ст. — М. : Древлехранилище, 2003. — С. 11–26.
- Щученко В. А.* Вечное настоящее культуры. Теоретические проблемы историко-культурного процесса / Владимир Александрович Щученко. — СПб. : Изд.-во СПбГТУ, 2001. — 229 с.
- Щученко В. А.* Теория истории культуры в контексте принципа «конкретного» историзма / Владимир Александрович Щученко // *Фундаментальные проблемы культурологии* : в 4 т. — СПб. : Алетейя, 2008. — Т. II: Историческая культурология. — С. 99–113.
- Эник Н.* «Изготовление» культурного наследия / Натали Эник // *Неприкосновенный запас*. — М. : Новое литературное обозрение, 2017. — № 4. — С. 188–198.
- Энциклопедия нематериального культурного наследия России.* Посвящается Году культурного наследия народов России. — М. : Институт Наследия, 2022. — 576 с.
- Эшворт Г. Дж.* От истории к наследию, от наследия к идентичности: в поисках понятий и мод / Грегори Джон Эшворт // *Неприкосновенный запас*. — М. : Новое литературное обозрение, 2017. — № 4. — С. 154–171.
- Ясперс К.* Смысл и назначение истории / Карл Теодор Ясперс. — М. : Республика, 1994. — 527 с.
- Яцунок Е. И.* Книжные памятники в культурном наследии России: современное состояние и проблемы / Екатерина Ивановна Яцунок. — М. : Пашков дом, 2008. — 154 с.
- Abercrombie N.* Cultural Policy in the United Kingdom / Nigel Abercrombie. — Paris : UNESCO, 1982. — 71 p.
- Adie B. A.* Franchising Our Heritage: The UNESCO World Heritage Brand / Bailey Ashton Adie // *Tourism Management Perspectives*. — 2017. — № 24. — P. 48–53.

- Aikawa-Faure N.* Transitional Clause on the Relationship to the Proclamation of Masterpieces of the Oral and Intangible Heritage of Humanity / Noriko Aikawa-Faure // The 2003 UNESCO Intangible Heritage Convention: A Commentary. — Oxford : Oxford University Press, 2020. — P. 408–431.
- Akagawa N., Smith L.* Safeguarding Intangible Heritage: Practices and Politics / Natsuko Akagawa, Laurajane Smith. — London : Routledge, 2018. — 274 p.
- Albert M.-Th., Bernecker R., Rudolff B.* Understanding Heritage: Perspectives in Heritage Studies / Marie-Theres Albert, Roland Bernecker and Britta Rudolf. — Berlin : De Gruyter, 2013. — 210 p.
- Albert M.-Th.* (ed.). Perceptions of Sustainability in Heritage Studies / Marie-Theres Albert. — Berlin : De Gruyter, 2015. — 247 p.
- Arnold M.* Culture and Anarchy: an essay in political and social criticism / Matthew Arnold. — New York : Macmillan and Co., 1894. — 421 p.
- Ashworth G.J.* From History to Heritage — From Heritage to Identity: In Search of Concepts and Models / Gregory John Ashworth // Ashworth G. J., Larkham P. J. (eds.). Building a New Heritage: Tourism, Culture and Identity in the New Europe. — London : Routledge, 1994. — P. 13–30.
- Ashworth G. J., Larkham P. J.* (eds.). Building a New Heritage: Tourism, Culture and Identity in the New Europe / Gregory John Ashworth & Peter J. Larkham. — London : Routledge, 1994. — 278 p.
- Ashworth G., Tunbridge J., Graham B.* Pluralising Pasts: Heritage, Identity and Place in Multicultural Societies / Gregory Ashworth, John Tunbridge, Brian Graham — London : Pluto Press, 2007. — 236 p.
- Assmann A.* Geschichte im Gedächtnis / Aleida Assmann. — München : Verlag C. H. Beck, 2014. — 224 s.
- Assmann A.* Der lange Schatten der Vergangenheit. Erinnerungskultur und Geschichtspolitik / Aleida Assmann. — München : Verlag C. H. Beck, 2006. — 320 s.
- Assmann A.* Re-framing memory. Between Individual and Collective Forms of Constructing the Past / Aleida Assmann // K. Tilmans, F. van Vree and J. Winter (eds.). Performing the Past: Memory, History, and Identity in Modern Europe. — Amsterdam : Amsterdam University Press, 2010. — P. 35–50.

- Assmann J.* Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen / Jan Assmann. — München : Verlag C. H. Beck, 1992. — 344 s.
- Barthel-Bouchie D.* Cultural Heritage / Diane Barthel-Bouchier // Routledge international handbook of memory studies / A. L. Tota, T. Hagen (eds.). — London : Routledge, 2015. — P. 221–232.
- Bendix R. F., Eggert A., Peselmann A.* Heritage Regimes and the State / Regina F. Bendix, Aditya Eggert and Arnika Peselmann. — Göttingen : Universitätsverlag Göttingen, 2013. — 413 p.
- Bendix R. F., Groth S.* Cultural Property: Interdisziplinäre Forschung zu einem dynamischen Feld / Regina F. Bendix und Stefan Groth // Stefan Groth, Regina F. Bendix, Achim Spiller (Hrsg.) Kultur als Eigentum: Instrumente, Querschnitte und Fallstudien / Göttinger Studien zu Cultural Property. Band 9. — Göttingen : Universitätsverlag Göttingen, 2015. — S. 1–13.
- Benesch O., Zwigenberg R.* Shuri Castle and Japanese Castles: A Controversial Heritage / Oleg Benesch, Ran Zwigenberg // The Asia-Pacific Journal. Japan Focus. — 2019. — Vol. 17. — Is. 24. — No. 3. — URL: <http://arjjf.org/> (дата обращения: 15.12.2023).
- Bergson H.* Matière et mémoire / Henri Bergson. — Paris : Alcan, 1896. — 346 p.
- Blake J.* International Cultural Heritage Law / Janet Blake. — Oxford : Oxford University Press, 2015. — 460 p.
- Blake J.* On Defining the Cultural Heritage / Janet Blake // International and Comparative Law Quarterly. — 2000. — № 49 (1). — P. 61–85.
- Bortolotto C.* Como Comerse Un Patrimonio: Construir Bienes Inmateriales Agroalimentarios Entre Directivas Tecnicas y Empresariado Patrimonial / Chiara Bortolotto // Revista Andaluza de Antropologia. — 2017. — № 12. — P. 144–166.
- Butler B.* Heritage and the Present Past. In Handbook of Material Culture, edited by C. Tilley, W. Keane, S. Küchler, M. Rowlands, and P. Spyer / Beverley Butler. — London : Sage, 2006. — P. 463–479.
- Buychik A.* The formation of klironomical thinking in the system of the social outlook / Alexander Buychik // Eastern European humanitarian collection of mini monographs. Collection of Scientific Works. European Scientific e-Journal. — 2021. — № 1 (7). — P. 103–148.

- Byrne D.* Heritage as Social Action / Denis Byrne // The Heritage Reader / G. Fairclough, R. Harrison, J. Jameson Jr., J. Schofield (eds.). – L. ; N. Y. : Routledge, 2008. – P. 149–173.
- Cameron Ch.* The evolution of the concept of Outstanding Universal Value / Charles Cameron. In: King J., Stanley-Price N (eds.). Conserving the authentic – Essays in honour of Jukka Jokilehto, ICCROM Conservation Studies. – 2009. – № 10. – P. 127–136.
- Carman J., Stig Sørensen M.-L.* Heritage studies: an outline / John Carman, Marie Louise Stig Sørensen // Heritage studies. Methods and approaches. – London : Routledge, 2009 a. – P. 11–28.
- Carman J., Stig Sørensen M.-L.* Introduction: making the means transparent: reasons and reflections / John Carman, Marie Louise Stig Sørensen // Heritage studies. Methods and approaches. – London : Routledge, 2009 b. – P. 3–10.
- Casey E. S.* Remembering: A Phenomenological Study / Edward S. Casey. – Bloomington : Indiana University Press, 1987. – 362 p.
- Chao G.* UNESCO's Ethical Principles for Safeguarding Intangible Cultural Heritage: Interpretative Reading and Commentary Review / Gejin Chao // Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences. – 2017. – Vol. 34. – Is. 6. – P. 117–130.
- Chechi A.* Protecting Holy Heritage in Italy – A Critical Assessment through the Prism of International Law / Alessandro Chechi // International Journal of Cultural Property. – 2014. – № 21. – P. 397–421.
- Chladenius J. M.* Einleitung zur richtigen Auslegung vernünftiger Reden und Schriften / Johann Martin Chladenius. – Düsseldorf : Stern-Verlag Janssen, 1969. – 346 s.
- Connerton P.* Seven Types of Forgetting / Paul Connerton // Memory Studies. – 2008. – Vol. 1 (59). – P. 59–71.
- Constructing the Past: Essays in Historical Methodology, edited by Jacques Le Goff and Pierre Nora. – Cambridge : Cambridge University Press, 1985. – 217 p.
- Demouy P.* Notre-Dame de Reims: sanctuaire de la monarchie sacrée / Patrick Demouy / Caisse Nationale des Monuments Historiques et des Sites. – Paris : CNRS, 1995. – 127 p.
- Dromgoole S.* Underwater Cultural Heritage and International Law / Sarah Dromgoole. – Cambridge : Cambridge Academ, 2013. – 440 p.

- Edmondson R., Jordan L., Prodan A. C.* (eds.) *The UNESCO Memory of the World Programme: Key Aspects and Recent Developments* / Ray Edmondson, Lothar Jordan and Anca Claudia Prodan. — Berlin : Springer, 2020. — 340 p.
- Feeley-Harnik G.* *Against the Motion*. In: *Key Debates in Anthropology*, edited by T. Ingold / Gillian Feeley-Harnik. — London ; New York : Routledge, 1996. — P. 212–217.
- Feilden B., Jokilehto J.* *Management Guidelines for World Heritage Sites* / Bernard M. Feilden, Jukka Ilmari Jokilehto. — Rome : ICCROM, 1993. — P. 59–76.
- Fogu C., Kansteiner W.* *The Politics of Memory and the Poetics of History* / Claudio Fogu, Wulf Kansteiner. In *The Politics of Memory in Postwar Europe*, edited by R. Ned Lebow, W. Kansteiner, and C. Fogu. — Durham : Duke University Press, 2006. — P. 284–310.
- Foradori P.* *Protecting cultural heritage during armed conflict: the Italian contribution to “cultural peacekeeping”* / Paolo Foradori // *Modern Italy*. — 2016. — № 22 (1). — P. 1–17.
- Forrest C.* *International Law and the Protection of Cultural Heritage* / Craig Forrest. — Abingdon : Taylor & Francis, 2011. — 480 p.
- Fournier L.-S., Giancristofaro L.* *La régression du patrimoine. Études de cas en Italie et en France* / Laurent Sébastien Fournier, Lia Giancristofaro. — Torino : L’Harmattan Italia, 2020. — 112 p.
- Francioni F.* *Defining Intangible Cultural Heritage* / Francesco Francioni // *The 2003 UNESCO Intangible Heritage Convention: A Commentary*. — Oxford : Oxford University Press, 2020. — P. 48–57.
- Francioni F., Gordley J.* (eds.) / Francesco Francioni and James Gordley. *Enforcing International Cultural Heritage Law*. — Oxford : Oxford University Press, 2013. — 259 p.
- Francioni F., Lenzerini F.* *The 1972 World Heritage Convention: A Commentary* / Francesco Francioni and Federico Lenzerini. — Oxford : Oxford University Press, 2008. — 576 p.
- From Museum Critique to the Critical Museum* / Katarzyna Murawska-Muthesius and Piotr Piotrowski (eds.). — Ashgate : Routledge, 2015. — 272 p.
- Gentry K.* *History, heritage and localism* / Kynan Gentry // *Policy Studies*. — 2013. — № 34 (5–6). — P. 508–522.

- Gentry K.* “The Pathos of Conservation”: Raphael Samuel and the politics of Heritage / Kynan Gentry // International Journal of Heritage Studies. — 2015. — Vol. 21 (6). — P. 561–576.
- Gentry K., Smith L.* Critical Heritage Studies and the Legacies of the Late-twentieth Century Heritage Canon / Kynan Gentry, Laurajane Smith // International Journal of Heritage Studies. — 2019. — Vol. 25. — Is. 11. — P. 1148–1168.
- Graham B., Ashworth G. J., Tunbridge J. E.* A Geography of Heritage: Power, Culture and Economy / Brian Graham, Gregory Ashworth, John Tunbridge. — London: Arnold; New York: Oxford University Press, 2000. — 284 p.
- Grey S., Kuokkanen R.* Indigenous Governance of Cultural Heritage: Searching for Alternatives to Comanagement / Sam Grey, Rauna Kuokkanen // International Journal of Heritage Studies. — 2020. — Vol. 26. — Is. 10. — P. 919–941.
- Grimme E. G.* Der Dom zu Aachen. Architektur und Ausstattung / Ernst Gunter Grimme. — Aachen: Einhard-Verlag, 1994. — 386 s.
- Groth S., Bendix R. F., Spiller A.* (Hrsg.) Kultur als Eigentum: Instrumente, Querschnitte und Fallstudien / Stefan Groth, Regina F. Bendix, Achim Spiller. — Göttingen: Universitätsverlag Göttingen, 2015. — 444 s.
- Halbwachs M.* Les Cadres sociaux de la mémoire / Maurice Halbwachs. — Paris: Alcan, 1925. — 404 p.
- Halbwachs M.* La Mémoire collective / Maurice Halbwachs. — Paris: Presses Universitaires de France, 1950. — 205 p.
- Harrison R.* Heritage. Critical Approaches / Rodney Harrison. — London: Routledge, 2013. — 268 p.
- Heinich N.* La fabrique du patrimoine: De la cathédrale à la petite cuillère / Nathalie Heinich. — Paris: Editions de la Éditions de la Maison des Sciences de l’Homme (MSH), 2009. — 286 p.
- Heritage, Ideology, and Identity in Central and Eastern Europe: Contested Pasts, Contested Presents / M. Rampley, P.G. Stone, P. Davis, C. Whitehead (eds.). — Woodbridge: Boydell Press, 2012. — 216 p.
- Hewison R.* The Heritage Industry: Britain in a Climate of Decline / Robert Hewison. — London: Methuen, 1987. — 159 p.
- Hiep Herbert-Jan.* The European Year of Cultural Heritage after 2018: A European framework = *Xun Герберт-Ян.* Европейский год культурного наследия после 2018 года: европейские рамки //

- European Heritage Tribune. — 17/12/2018. — URL: <http://heritagetribe.eu> (дата обращения: 15.12.2023).
- History, memory and politics in Central and Eastern Europe: Memory games / G. Mink, L. Neumayer (eds.). — London : Palgrave Macmillan UK, 2013. — 270 p.
- Holtorf C., Högborg A. Cultural Heritage and the Future / Cornelius Holtorf, Anders Högborg. — London and New York : Routledge / Taylor & Francis Group, 2020. — 300 p.
- Huysen A. Twilight Memories: Marking Time in a Culture of Amnesia / Andreas Huysen. — New York and London : Routledge, 1995. — 292 p.
- Irwin-Zarecka I. Frames of Remembrance: The Dynamics of Collective Memory / Iwona Irwin-Zarecka. — New Brunswick : Transaction Publishers, 1994. — 214 p.
- Jagodzinska K. Museums lobbied by local communities: potential and actual place of the people in participatory museums of local history / Katarzyna Jagodzinska // International Journal of Heritage Studies. — 2023. — Т. 29. — Is. 5. — P. 467–486.
- Jakubowski A., Hausler K., Fiorentini F. Cultural Heritage in the European Union: A Critical Inquiry into Law and Policy / Andrzej Jakubowski, Kristin Hausler, Francesca Fiorentini. — Leiden : Brill, 2019. — 472 p.
- Kirshenblatt-Gimblett B. Destination Culture: Tourism, Museums and Heritage / Barbara Kirshenblatt-Gimblett. — Berkeley : University of California Press, 1998. — 326 p.
- Kirshenblatt-Gimblett B. Intangible Heritage as Metacultural Production / Barbara Kirshenblatt-Gimblett. // Museum International. — 2014. — № 66 (1–4). — P. 163–174.
- Kolesnik A. S., Rusanov A. V. Cultural Heritage in Russian Public Memorial Practices / Alexandra S. Kolesnik, Aleksandr V. Rusanov // Public History Weekly. — 2021. — Т. 9, № 10. — URL: PublicHistoryWeekly.degruyter.com. (дата обращения: 15.12.2023).
- Kolesnik A. S., Rusanov A. V. Heritage-As-Process and Its Agency: Perspectives of (Critical) Heritage Studies / Alexandra S. Kolesnik, Aleksandr V. Rusanov. Препринт. — М. : Издательский Дом НИУ ВШЭ, 2020. — № 198. — 16 p.
- Koziol C. Historic Preservation Ideology: A Critical Mapping of Contemporary Heritage Policy Discourse / Christopher Koziol //

- Preservation Education and Research. — 2008. — Vol. 1. — P. 41–84.
- Labadi S., Long C.* Heritage and Globalisation / Sophia Labadi, Colin Long. — London and New York : Routledge ; Taylor & Francis, 2010. — 248 p.
- Lagrange E., Oeter S., Uerpmann-Witzack R.* Cultural Heritage and International Law / Evelyne Lagrange, Stefan Oeter, and Robert Uerpmann-Witzack. — Luxemburg : Springer, 2018. — 281 p.
- Leggewie C., Zifonun D., Lang A-K., Siepmann M. und Hoppen J.* Schlüsselwerke der Kulturwissenschaften / Claus Leggewie, Darius Zifonun, Anne-Katrin Lang, Marcel Siepmann and Johanna Hoppen. — Bielefeld : Transcript Verlag, 2012. — 344 s.
- Lixinski L.* Commercializing Traditional Culture: Promises and Pitfalls in the Convergence of Intellectual Property Law and Cultural Heritage Law / Lucas Lixinski // *Annali Italiani Del Diritto d'autore, Della Cultura e Dello Spettacolo.* — 2020. — № 29. — P. 298–314.
- Lixinski L.* Heritage Listing as a Tool for Advocacy: The Possibilities for Dissent. Contestation and Emancipation in International Law through International Cultural Heritage Law / Lucas Lixinski // *Asian Journal of International Law.* — 2015. — № 5 (2). — P. 387–409.
- Lixinski L.* International Heritage Law and the Market / Lucas Lixinski // *International Heritage Law for Communities.* — 2019. — № 3 (2). — P. 127–167.
- Lixinski L.* International Cultural Heritage Regimes, International Law and the Politics of Expertise / Lucas Lixinski // *International Journal of Cultural Property.* — 2013. — № 20 (4). — P. 407–429.
- Lixinski L.* Religious heritage in international law: Nationalism, culture, and rights / Lucas Lixinski // *Pravovedenie.* — 2020. — T. 64, № 1. — P. 138–155.
- Lixinski L.* Religious Cultural Heritage: The Law and Politics of Conservation, Iconoclasm, and Identity / Lucas Lixinski // *Heritage at the Interface: Interpretation and Identity*, ed. by Glenn Hooper. — Florida : University Press of Florida, 2018. — P. 121–135.
- Logan W., Kockel U., Craith M. N.* The New Heritage Studies: Origins and Evolution, Problems and Prospects / William Logan,

- Ullrich Kockel, Mairead Nic Craith // *A Companion to Heritage Studies* / W. Logan, M.N. Craith, U. Kockel (eds.). — Chichester : John Wiley & Sons, 2016. — P. 1–26.
- Lostal M.* International Cultural Heritage Law in Armed Conflict: Case-Studies of Syria, Libya, Mali, the Invasion of Iraq, and the Buddhas of Bamiyan / Marina Lostal. — Cambridge : Cambridge University Press, 2017. — 198 p.
- Lowenthal D.* The Heritage Crusade and the Spoils of History / David Lowenthal. — Cambridge : Cambridge University Press, 1998. — 358 p.
- Lowenthal D.* The Past Is a Foreign Country / David Lowenthal. — New York : Cambridge University Press, 1985. — 489 p.
- Lowenthal D.* Possessed by the Past: The Heritage Crusade and the Spoils of History / David Lowenthal. — New York : Free Press, 1996. — 338 p.
- Lowenthal D.* The Past Is a Foreign Country — Revisited / David Lowenthal. — Cambridge, UK : Cambridge University Press, 2015.
- Lumley R.* The Debate on Heritage Reviewed / Robert Lumley // *Heritage, Museums and Galleries: An Introductory Reader* / G. Corsane (ed.). — Aldershot : Ashgate, 2008. — P. 15–26.
- Lumley R.* The Museum time-machine : putting cultures on display / Robert Lumley. — London ; New York : Routledge, 1988. — 241 p.
- Magnusson S. G.* Social History as “Sites of Memory”? The Institutionalization of History: Microhistory and the Grand Narrative / Sigurður Gylfi Magnússon // *Journal of Social History*. — 2006. — Vol. 39, № 3. — P. 891–913.
- Murphy A. B., Heffernan M., Price M., Harvey D., DeLyser D., Lowenthal D.* The past is a Foreign Country — Revisited / Alexander Murphy, Michael Heffernan, Marie Price, David Harvey, Dydia DeLyser, David Lowenthal // *The AAG Review of Books*. — 2017. — № 5 (3). — P. 201–214.
- Murzyn M. A.* Heritage transformation in Central and Eastern Europe / Monika A. Murzyn // *The Ashgate research companion to heritage and identity* / B. Graham, P. Howard. (eds.). — London : Ashgate publishing, Ltd., 2008. — P. 315–346.
- Nas P. J. M.* Masterpieces of Oral and Intangible Culture: Reflections on the UNESCO World heritage List / Peter J. M. Nas // *Current Anthropology*. — 2002. — Vol. 43, № 1. — P. 139–148.

- Nora P.* Between Memory and History: Les Lieux De Mémoire / Pierre Nora // Representations. — 1989. — № 26. — P. 7–25.
- Nora P.* Les Lieux de mémoire / Pierre Nora. — Paris : Gallimard, 1984. — Т. 1: La République. — 674 p.
- Nora P.* Les Lieux de mémoire / Pierre Nora. — Paris : Gallimard, 1986. — Т. 2: La Nation. — 667 p.
- Nora P.* Les Lieux de mémoire / Pierre Nora. — Paris : Gallimard, 1997. — Т. 3: Les Frances. — 4751 p.
- Nora P.* Les lieux de mémoire / Pierre Nora // Leggewie C., Zifonun D., Lang A-K., Siepmann M. und Hoppen J. Schlüsselwerke der Kulturwissenschaften. — Bielefeld : Transcript Verlag, 2012. — S. 158–160.
- Nora P.* Rethinking France: Les Lieux de mémoire / Pierre Nora. — Chicago : University of Chicago Press, 2010. — Vol. 4: Histories and Memories. — 504 p.
- Nora P.* Reasons for the Current Upsurge in Memory / Pierre Nora // Transit. — 2002. — Vol. 22 (1). — P. 4–8.
- Nye J.* Soft Power: The Means to Success in World Politics / Joseph Nye. — New York : Public Affairs Group, 2004. — 191 p.
- Ochoa Jiménez M. J.* Der Schutz materieller Kulturgüter in Lateinamerika: universelles, regionales und nationales Recht / Maria Julia Ochoa Jiménez. — Göttingen : Universitätsverlag Göttingen, 2011. — 170 s.
- Olick J. K.* States of Memory: Continuities, Conflicts, and Transformations in National Retrospection (Politics, History, and Culture) / Jeffrey K. Olick. — Durham, NC : Duke University Press, 2003. — 368 p.
- Olick J. K.* The politics of regret: On collective memory and historical responsibility / Jeffrey K. Olick. — London : Routledge, 2013. — 240 p.
- Peel J. D. Y.* Making History: The past in the Ijesha Present / John David Yeadon Peel // Man (NS). — 1984. — № 19 (1). — P. 111–132.
- Pfeilstetter R.* Heritage Entrepreneurship. Agency-Driven Promotion of the Mediterranean Diet in Spain / Richard Pfeilstetter // International Journal of Heritage Studies. — 2015. — № 21 (3). — P. 215–231.
- Pluralising pasts: heritage, identity and place in multicultural societies / G. J. Ashworth, B. J. Graham, J. E. Tunbridge (eds.). — London : Pluto press, 2007. — 236 p.

- Poddubnykh T.* Heritage as a Concept through the Prism of Time / Tatiana Poddubnykh // Social Evolution & History. – 2015. – Vol. 14, № 2. – P. 108–131.
- Prepis A.* The values of the world heritage and the younger generation / Alkiviadis Prepis // Heritage and Modern Times. – 2018. – Vol. 1, № 3 (3). – P. 7–19.
- Realms of memory. The construction of the French past / P. Nora, L. Kritzman (eds.). – N. Y. : Columbia univ. press, 1997. – 642 p.
- Ribot Th.* Les Maladies de la mémoire / Théodule Ribot. – Paris : Librairie Germer Balliere et. Cie, 1881. – 169 p.
- Rickert H.* Kulturwissenschaft und Naturwissenschaft / Heinrich Rickert. 3., verb. Aufl. – Tübingen : Mohr (Siebeck), 1915. – 163 s.
- Ricœur P.* La mémoire, l'histoire, l'oubli / Paul Ricœur. – Paris : Éd. du Seuil, 2000. – 675 p.
- Riegl A.* Der moderne Denkmalkultus. Sein Wesen und seine Entstehung / Alois Riegl. – Wien ; Leipzig : Verlag von W. Braumüller, 1903. – 145 s.
- Rinaldo D.* Heritage storytelling, community empowerment and sustainable development / Diego Rinaldo // Pravovedenie. – 2020. – Vol. 64, No. 1. – P. 57–67.
- Ristic M., Frank S.* Urban Heritage in Divided Cities / Mirjana Ristic, Sybille Frank. – London : Routledge, 2019. – 284 p.
- Ryan J., Silvanto S. A.* Brand for All the Nations: The Development of the World Heritage Brand in Emerging Markets / Jason Ryan, Sari Silvanto // Marketing Intelligence and Planning. – 2011. – № 29 (3). – P. 305–318.
- Samuel R.* Theatres of Memory: Past and Present in Contemporary Culture / Raphael Samuel. – London : Verso, 1994. – 479 p.
- Shils E.* Tradition / Edward Shils. – Chicago : University of Chicago Press, 1981. – 334 p.
- Sinibaldi E., Parente A.* UNESCO's tangible and intangible Cultural heritage: Sustainable development perspectives / Elena Sinibaldi, Antonio Parente // Правоведение. – 2020. – Т. 64, № 1. – С. 47–56.
- Smith L.* Uses of Heritage / Laurajane Smith. – London and New York : Routledge, 2006. – 368 p.
- Smith L., Akagawa N.* Intangible Heritage / Laurajane Smith, Natsuko Akagawa. – London and New York : Routledge ; Taylor & Francis, 2008. – 336 p.

- Smith L., Shackel P. A., Campbell G.* Heritage, Labour and the Working Classes / Laurajane Smith, Paul Shackel, Gary Campbell. — London and New York : Routledge, 2011. — 303 p.
- Sterling C.* Critical Heritage and the Posthumanities: Problems and Prospects / Colin Sterling // International Journal of Heritage Studies. — 2020. — Vol. 26. — Is. 11. — P. 1077–1091.
- Stig Sørensen M. L., Carman J.* Heritage Studies: An Outline / Marie Louise Stig Sørensen and John Carman // Heritage Studies: Methods and Approaches / M. L. Stig Sørensen, J. Carman (eds.). — L. ; N. Y. : Routledge, 2009. — P. 11–28.
- Stovel H.* Introduction. Conservation of Living Religious Heritage: Papers from the ICCROM 2003 Forum on Living Religious Heritage: conserving the sacred, eds. Herb Stovel, Nicholas Stanley-Prive, Robert Kilick / Herb Stovel. — Rome : ICCROM, 2005. — P. 1–11.
- Takahashi S., Maejima N., Kobayashi H.* UNESCO World Heritage and the regional powers: Changing representations of religious cultural Heritage / Sanami Takahashi, Noriko Maejima and Hiroshi Kobayashi // Eurasia's Regional Powers Compared — China, India, Russia, ed. by Shinichiro Tabata. — Abingdon : Routledge, 2014. — P. 222–239.
- The Collective Memory Reader / Ed. by Jeffrey K. Olick, Vered Vinitzky-Seroussi, Daniel Levy. — New York : Oxford University Press, 2011. — 497 p.
- The New Museology / Ed. by P. Vergo. — London : Reaktion Books Bath Press, 1989. — 230 p.
- The North Transept of Reims Cathedral: Design, Construction, and Visual Programs / J. M. Feltman (eds.). — New York : Routledge, 2016. — 240 p.
- The Palgrave handbook of contemporary heritage research / E. Waterton, S. Watson (eds.). — Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2015. — 586 p.
- Thylstrup N. B.* The Politics of Mass Digitization / Nanna Bonde Thylstrup. — Cambridge, MA : MIT Press, 2018. — 216 p.
- Tolia-Kelly D.P., Waterton E., Watson S.* Heritage, Affect and Emotion: Politics, Practices and Infrastructures / Divya Pratul Tolia-Kelly, Emma Waterton, Steve Watson. — L. ; N. Y. : Routledge, 2016. — 338 p.

- Tunbridge J. E.* Whose Heritage to Conserve? Cross-Cultural Reflections on Political Dominance and Urban Heritage Conservation / John E. Tunbridge // *Canadian Geographer*. — 1984. — № 26. — P. 171–180.
- Tunbridge J. E., Ashworth G. J.* Dissonant heritage: The management of the past as a resource in conflict / John E. Tunbridge, Gregory John Ashworth. — Chichester ; N. Y. : John Wiley, 1994. — 299 p.
- Ubertazzi B.* Manifesting Intangible Cultural Heritage / Benedetta Ubertazzi // *The 2003 UNESCO Intangible Heritage Convention: A Commentary*, eds. Janet Blake, Lucas Lixinski. — Oxford : Oxford University Press, 2020. — P. 58–80.
- Ubertazzi B.* Safeguarding Intangible Cultural Heritage and the environment / Benedetta Ubertazzi // *Pravovedenie*. — 2020. — Vol. 64, № 1. — P. 124–137.
- Understanding Heritage: Perspectives in Heritage Studies* / Eds. by M.-Th. Albert, R. Bernecker, B. Rudloff. — Berlin : De Gruyter, 2013. — 210 p.
- Vernan, J.-P.* Mythe et Mythe et pensée chez les Grecs: études de psychologie historique / Jean-Pierre Vernant. — Paris: F. Maspero, 1965. — 335 p.
- Vishlenkova E. A.* University Tradition: a Resource or Burden? / Elena A. Vishlenkova // *History of Education and Children's Literature*. — 2014. — Vol. IX, № 1. — P. 203–225.
- Walsh K.* The Representation of the Past: Museums and Heritage in the Postmodern World / Kevin Walsh. — London : Routledge, 1992. — 212 p.
- Warner W. L.* The Living and the Dead: A Study of the Symbolic Life of Americans / William Lloyd Warner. — New Haven : Yale University Press, 1959. — 528 p.
- Waterton E., Watson S.* Framing Theory: Towards a Critical Imagination in Heritage Studies / Emma Waterton, Steve Watson // *International Journal of Heritage Studies*. — 2013. — Vol. 19. — Is. 6. — P. 546–561.
- Weiglhofer M., McCully A., Bates J.* Learning about conflict: the role of community museums in educating on difficult heritage in a divided society / Magdalena Weiglhofer, Alan McCully & Jessica Bates // *International Journal of Heritage Studies*. — 2023. — Vol. 29. — Is. 5. — P. 365–381.

- Wertsch J. V.* Voices of collective remembering / James V. Wertsch. — Cambridge : Cambridge univ. press, 2002. — 202 p.
- Winter J.* Sites of Memory, Sites of Mourning: The Great War in European Cultural History / Jay Winter. — Cambridge : Cambridge University Press, 1995. — 310 p.
- Winter T.* Clarifying the Critical in Critical Heritage Studies / Tim Winter // International Journal of Heritage Studies. — 2013. — Vol. 6, No. 19. — P. 532–545.
- Witcomb A., Buckley K.* Engaging with the Future of ‘Critical Heritage Studies’: Looking Back in Order to Look Forward / Andrea Witcomb, Kristal Buckley // International Journal of Heritage Studies. — 2013. — Vol. 6, No. 19. — P. 562–578.
- Wood N.* Vectors of Memory: Legacies of Trauma in Postwar Europe / Nancy Wood. — Oxford ; New York : Berg, 1999. — 204 p.
- Wright P.* On Living in an Old Country / Patrick Wright. — London : Verso, 1985. — 262 p.
- Zingari V. L.* Community participation in Intangible Cultural Heritage safeguarding / Valentina Lapicciarella Zingari // Pravovedenie. — 2020. — Vol. 64, № 1. — P. 23–34.

Научное издание

Татьяна Александровна Пархоменко

**Дискурсы об историко-культурном наследии
в современном мире
(XX–XXI вв.)**

Дизайн обложки

М. Ю. Маяков

Корректурa

Т. В. Соболева

Компьютерная верстка

М. Е. Заболотникова

Российский научно-исследовательский институт культурного
и природного наследия имени Д. С. Лихачёва

129366, Москва, ул. Космонавтов, 2

E-mail: info@heritage-institute.ru